

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

139

СЛАВЯНО-РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

139

СЛАВЯНО-РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1974

Редакционная коллегия:

*Н. Н. Воронин, О. С. Гадзюккая (ответственный секретарь),
Н. Н. Гурина, И. Т. Круликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарёва, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
П. А. Раппопорт, В. В. Седов (заместители ответственного редактора),
Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

СТАТЬИ

И. П. РУСАНОВА

СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
НА ПАМЯТНИКАХ ТИПА КОРЧАК

На трех полностью раскопанных поселениях у с. Корчак Житомирской обл. среди массы однородной керамики корчакского типа в незначительном числе встречена посуда необычного для этих памятников вида. Она представлена отдельными обломками, составляющими на поселении Корчак I — 3%, Корчак VII — 1,5%, Корчак IX — 1% от общего количества найденной посуды. Из них удалось склеить три сосуда (рис. 1, 3, 7, 8). От основного керамического материала, характерного для корчакских памятников, данная посуда несколько отличается по тесту, но главным образом по профилировке и пропорциям. В составе теста этой посуды встречается примесь шамота; поверхность ее или бугристая, с выступающими зернами примесей, или, напротив, гладкая, слегка подлощенная. Это не типично для корчакской керамики, в которой распространена примесь песка, мелкой дресвы и поверхность которой обычно бывает шероховатой, но без выступающих зерен примеси. Край венчика у корчакских сосудов, как правило, срезан ножом горизонтально или слегка наклонно, а у выделяемой группы посуды край — закругленный или заостренный. Основное различие обеих групп керамики выявляется в пропорциях сосудов.

Для горшков типа Корчак характерно вытянутое тулово с наибольшим расширением в его верхней части (высота наибольшего расширения составляет от высоты сосуда 70—80%). Плечики этих сосудов округлые и хорошо выраженные, шейка всегда сужена (диаметр наибольшего расширения по отношению к диаметру шейки составляет 110—130%) (рис. 1, 1, 2). Интересующая нас группа посуды характеризуется двумя другими формами — слабопрофилированными тюльпановидными сосудами (рис. 1, 3—7) и сосудами ребристыми (рис. 1, 8—10). Тулово тюльпановидных сосудов — также вытянутое, но наибольшее расширение находится в средней его части (высота наибольшего расширения составляет 50—60% от высоты сосуда). Плечики у этих сосудов отсутствуют, шейка чуть намечена. Диаметр горла больше, чем у корчакских горшков, и почти равен диаметру наибольшего расширения (диаметр наибольшего расширения по отношению к диаметру горла — 100—110%). Ребристые сосуды представлены двумя разновидностями. Одну из них составляют высокие горшки с расширением по середине высоты. Нижняя половина сосудов сужается ко дну, верхняя — почти цилиндрическая или немного

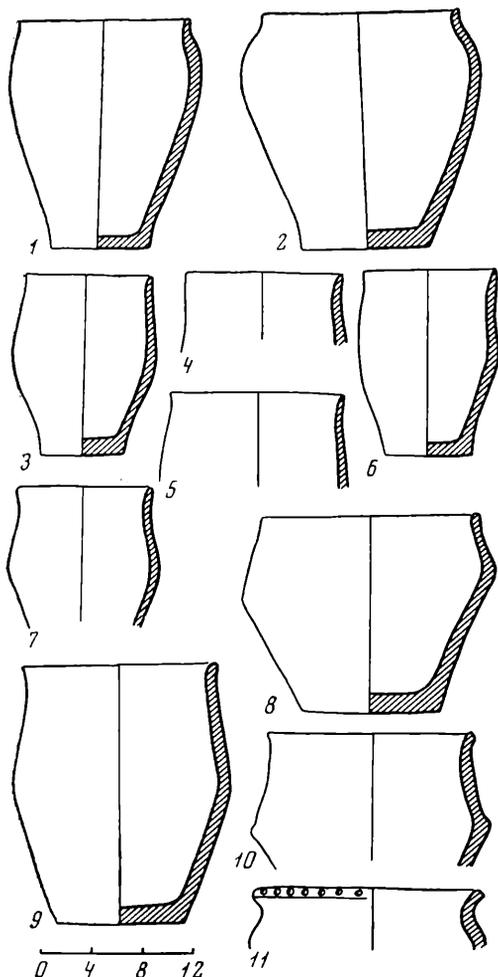

Рис. 1. Лепная керамика типа
Корчак (1, 2), типа
Банцеровщины-Колочина
(3—10),
типа Луки-Райковецкой (11)

- 1 — Корчак VII, жилище 3;
- 2 — Тетеревка;
- 3 — Корчак I, жилище 8;
- 4 — Корчак VII, жилище 14;
- 5 — Корчак I, жилище 3;
- 6 — Подриже, жилище 5;
- 7 — Корчак VII, жилище 8;
- 8 — Корчак IX, жилище 7;
- 9 — Хотомель, городище;
- 10 — Корчак I;
- 11 — Тетеревка, жилище 6

суженная кверху сосуда. Другую форму ребристой посуды представляют более низкие, мискообразные сосуды с перегибом тулова в верхней части. От перегиба тулово сосудов сужается ко дну и к горлу. Шейка у сосудов не выражена, край венчика прямой или слегка отогнут наружу.

Помимо поселений около с. Корчак, тюльпановидные сосуды были обнаружены среди корчакского материала на поселении у с. Подриже Вольнской обл. (рис. 1, 6), где они представлены в большом количестве (10—15% в различных жилых комплексах). Один вытянутый сосуд с ребром обнаружен в нижнем горизонте городища Хотомель Брестской обл. (рис. 1, 9). Здесь же находился почти тюльпановидный сосуд с налипным валиком, украшенным нарезками, под самым венчиком. Такого же типа обломки сосудов с налипными валиками встречены на поселениях в с. Корчак.

При разведках, проводимых по рекам Припятского бассейна, среди подъемного материала в ряде случаев выявлены обломки сосудов тех же форм. Это обломки слабопрофилированных сосудов, сделанных из грубого теста, иногда с бугристой поверхностью, но встречаются и подлощенные обломки. По краю венчиков некоторых сосудов нанесены вдавления или насечки. Иногда на стенках сосудов имеется налипной валик с насечками по нему. Встречаются стенки сосудов, покрытые небрежными расчесами. Разведки позволяют приблизительно наметить территорию распростране-

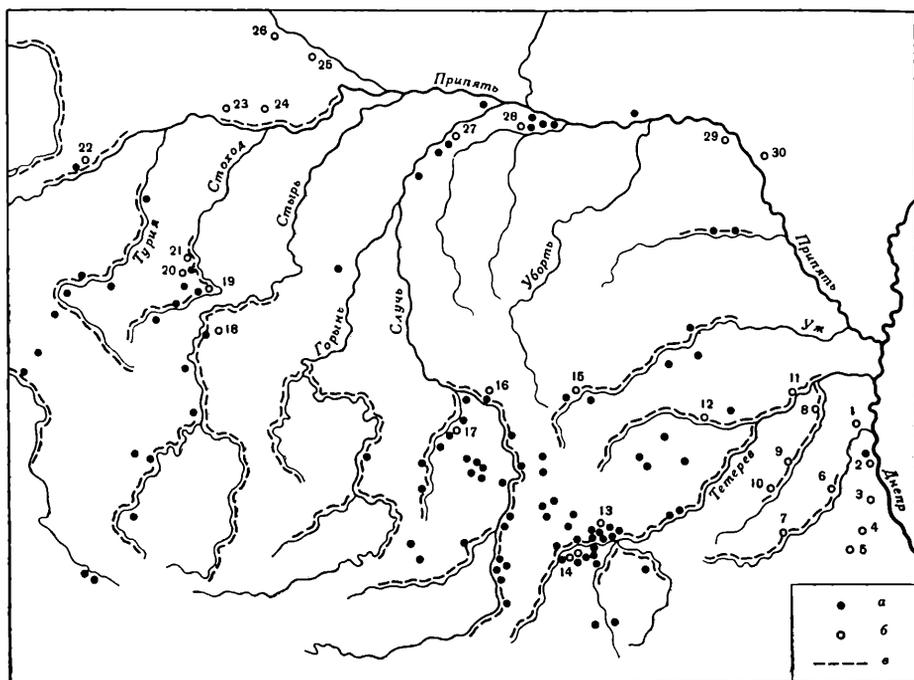

Рис. 2. Карта памятников середины I тыс. н. э.

а — памятники типа Корчак;

б — находки тюльпановидной и ребристой керамики;

в — основные маршруты разведок 1959 — 1969 гг.;

1 — Каваровичи;	11 — Иванков;	21 — Смоляры;
2 — Киев;	12 — Вулька;	22 — Краски;
3 — Ходосовка;	13 — Корчак I;	23 — Оядятчи;
4 — Новые Безрадици;	14 — Корчак VII и IX;	24 — Пухова;
5 — Обухов;	15 — Ушица;	25 — Осовцы;
6 — Игнатовка;	16 — Настасенка;	26 — Молодово;
7 — Сосновка;	17 — Поддубцы;	27 — Хотомель;
8 — Новая Гребля;	18 — Валерьяновка;	28 — Семурядцы;
9 — Андреевичи;	19 — Ворсовичи;	29 — Пхов;
10 — Макаров;	20 — Подриже;	30 — Шарейки

ния памятников с керамикой такого типа. Они встречены по Припяти, в нижнем течении ее правых притоков (по рекам Стоход, Горынь, Случь, Уж) и по притокам Днепра — Тетереву и Ирпени. В нижнем течении Припяти, в бассейнах рек Уборти и Славечны не проводилось еще систематических разведок; материала оттуда пока нет. В юго-западной части Припятского бассейна, где неоднократно проводились разведки, такой тип керамики неизвестен. Таким образом, находки слабопрофилированных, тюльпановидных и ребристых сосудов занимают северную и восточную части ареала корчакской керамики (рис. 2).

По своим особенностям выделенная группа керамики принадлежит к культуре типа верхнего слоя Банцеровщины—Тушемли—Колочина, широко известной севернее Припяти и в бассейне Верхнего Днепра¹. Для памятников этой территории характерны сосуды тюльпановидной

¹ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 67—69; Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963, стр. 126—129; рис. 17, 20, 23; А. Г. Митрофанов. Новые данные о памятниках VI—VIII вв. Средней и Северной Белоруссии. Сб. «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 231, рис. 6.

формы с слабовыраженными плечиками и шейкой, с наибольшим расширением тулова в средней части сосуда. Известны здесь и ребристые сосуды с цилиндрической или несколько суженной верхней частью и расширением по середине высоты. Поверхность сосудов бугристая, иногда подлощенная, встречаются наlepные валики и прочесы по стенкам².

Несмотря на некоторые локальные особенности, все эти памятники, находящиеся на территории Белоруссии, Верхнего Поднепровья и Подесенья, могут быть пока объединены в одну группу³. Относятся они ко времени от V до VIII в., но истоки этой культуры прослеживаются в местных культурах предшествующего времени — в послезарубинецкой типа Абидни⁴, в культуре штрихованной керамики и днепродвинской⁵. Грубые слабопрофилированные сосуды тюльпановидной и ребристой форм известны уже на памятниках первой половины I тысячелетия н. э. в Чаплине⁶ и Тайманове⁷. Связи с местными балтскими культурами и отсутствие преемственности с более поздней славянской керамикой заставляют относить культуру типа Банцеровщины—Колочина к дославянскому, балтскому населению⁸.

Памятники с керамикой того же верхнеднепровского облика открыты в последние годы на левобережье Днепра, в верховьях Сулы и Псла⁹. Близкие формы сосудов найдены также в окрестностях Киева, где они относятся к культуре «киевского» типа¹⁰. Здесь из ряда памятников происходят как слабопрофилированные тюльпановидные, так и реберчатые сосуды. Поверхность их бугристая, иногда подлощенная; встречаются и наlepные валики, и расчесы по стенкам сосудов. Наряду с этой керамикой здесь же распространена посуда, имеющая аналогии в послезарубинецких памятниках типа Абидни — сильнопрофилированные сосуды с плавно отогнутой шейкой, часто украшенные по краю вдавлениями и насечкой. Памятники с такой керамикой известны по Днепру, в районе Киева, по притокам Днепра — Тетереву, Ирпеню, Стугне (Киев, Казаровичи, Ходосовка, Новые Безрадиичи, Погребы, Красный Хутор, Обухов и др.)¹¹.

В культуре типа Корчак северные элементы в керамике прослеживаются лишь на самых ранних памятниках и могут быть отнесены ко времени не позднее VI—VII вв. Они представлены здесь единичными обломками и не оказали влияния на позднейшее развитие посуды. В VIII—IX вв. в тех же северной и восточной частях корчакского ареала на поселениях

² «Очерки по археологии Белоруссии». Минск, 1970, стр. 251—253, рис. 85.

³ Там же, карта на стр. 227, рис. 78; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, карта на стр. 245 (рис. 70); В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, карта на стр. 49 (рис. 13).

⁴ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 262, 263; «Очерки по археологии Белоруссии», стр. 240.

⁵ А. Г. Митрофанов. Селище VI—VIII вв. близ дер. Городище. Сб. «Древности Белоруссии», стр. 260; «Очерки по археологии Белоруссии», стр. 252.

⁶ Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, стр. 32, 33.

⁷ «Очерки по археологии Белоруссии», рис. 62, стр. 178.

⁸ В. В. Седов. Указ. соч., стр. 52.

⁹ В. А. Ильинская. Новые данные о памятниках середины I тыс. н. э. в днепровской левобережной лесостепи. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 55—61; О. В. Сухобоков. Поселение середины I тыс. н. э. близ с. Курган Азак Сумской обл. Сб. «Археологические исследования на Украине в 1968 г.». Киев, 1971, стр. 229—233.

¹⁰ В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тыс. н. э. в бассейне Днестра. КСИАНУ, вып. 4, 1955, стр. 27—29.

¹¹ В. Н. Даниленко, В. П. Дудкин, В. А. Круц. Археолого-магнитная разведка в Киевской обл. Сб. «Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг.», 1967, стр. 209—214; Р. С. Орлов. Поселение середины I тыс. н. э. у с. Казаровичи. Сб. «Археологические исследования на Украине в 1968 г.», 1971, стр. 227—229; Е. В. Максимов, Р. С. Орлов. Пам'ятки перших століть нашої ери біля с. Козаровичів. Сб. «Археологические исследования на Украине в 1969 г.», 1972, стр. 229—235; Н. М. Кравченко. Исследования в Киевской обл. АО 1970 г., стр. 280—281.

типа Луки Райковедкой (Тетеревка, Гульск, Шумск, Бабка, Буки, верхний слой городища и селище Хотомель) сосуды северного облика исчезают. Посуда этих поселений сохраняет основные пропорции, присущие корчакской керамике, — их наибольшее расширение находится в верхней части сосуда, плечики хорошо выражены, горло сужено. Со временем видоизменяется лишь верхняя часть сосудов, которая приобретает более резкую профилировку, еще сильнее подчеркивающую характерные особенности корчакских сосудов. Лишь распространение в это время орнаментации в виде насечек и вдавлений по краю венчика можно рассматривать как традицию послезарубинецкого времени (рис. 1, 11).

Культура типа Корчак от верхнеднепровской, помимо керамического материала, отличается по другим признакам. Так, в корчакских памятниках единственным типом жилищ являются полуземлянки с печами-каменками в углах домов, тогда как на селищах Верхнего Поднепровья и Подесеня известны наземные дома и углубленные жилища со столбом и очагом в центральной части помещения (Форостовичи, Левкин Бугор, Колочин, Лебяжье, Тайманово, Красная Зорька, Лавриков Лес, Стрелица и др.)¹². Для корчакской культуры характерны грунтовые погребения в урнах; к северу и востоку от корчакского ареала в большей мере известны ямные погребения (Казаровичи, Новые Безрадици, Тайманово, Нижняя Тошица, Шугайлово, Киреевка и др.)¹³.

По всем своим характерным особенностям корчакские памятники принадлежат к культуре пражского типа, распространенного на землях западных славян, — в Чехословакии, Польше, ГДР, Румынии. Единообразие этой культуры на большой территории заставляет предполагать ее возникновение в сравнительно ограниченном районе, откуда в течение VI—VII вв. происходило ее постепенное распространение. По-видимому, при своем продвижении к востоку население с пражской культурой проникло на территорию местных балтских племен. Особенно наглядно это проявилось в районе Киева, где среди густого массива послезарубинецких поселений появляются отдельные памятники корчакского типа¹⁴. Возможно, это население продвигалось постепенно и дальше к востоку — на левобережье Днепра. На правобережье Припяти местное население, близкое по культуре балтскому населению Верхнего Поднепровья, было, вероятно, очень малочисленным и оказалось быстро ассимилированным пришлыми славянами. Оно не оставило в позднейшей славянской культуре почти никаких следов. Для окончательного решения этих вопросов необходимы дальнейшие полевые работы.

¹² «Очерки по археологии Белоруссии», стр. 253; П. М. Третьяков. Старожитності і тисячоліття н. е. в середньому Подесенні. Сб. «Середні віки на Україні». Київ, 1971, стр. 118—120; Е. О. Симонович. Два ранньосередньовічних поселення на Чернігівщині. Сб. «Слов'яно-руські старожитності». Київ, 1969, стр. 87—92.

¹³ Е. В. Максимов, Р. С. Орлов. Новые зарубинецкие и раннеславянские памятники близ Киева. АО 1969 г., стр. 261, 262; П. Н. Третьяков. Древности второй и третьей четверти I тыс. н. э. в Среднем Подесенье. АО 1970 г., стр. 287; Л. Д. Поболь. Исследования в Тайманове. АО 1971 г. М., 1972, стр. 400, 401.

¹⁴ А. М. Шовкопляс. Раскопки на Оболони в Киеве. АО 1971 г., стр. 357, 358.

Е. Н. НОСОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДОМОВИН
В КУРГАНАХ РОМЕНСКО-БОРШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В последние годы советскими археологами уделяется значительное внимание исследованиям славянской роменско-боршевской культуры Днепровского Левобережья. Вместе с тем, как справедливо отметил П. Н. Третьяков, «археологов-славистов до сих пор интересовала не столько специфика роменско-боршевской культуры, сколько те черты, которые неразрывно связывали ее с культурой других областей ранне-средневекового славянского мира»¹. Изучение локальных особенностей славянских группировок, по мнению П. Н. Третьякова, даст новые существенные факты для понимания их генезиса. Действительно, независимо от того, пришли ли славяне, оставившие роменско-боршевскую культуру, с правобережья Днепра лишь в VIII в., как считает И. И. Ляпушкин², или эта культура сформировалась в своей основе в поречье Верхней Оки и Подмоскovie, как полагает П. Н. Третьяков³, некоторые отличительные черты материальной культуры славян к востоку от Днепра очевидны, и поиски их истоков требуют серьезного изучения.

Своеобразием погребальных памятников роменско-боршевской культуры верховьев Оки и Дона является наличие в них деревянных домовин — особых погребальных сооружений, служивших для неоднократного помещения в них остатков сожжения⁴. Эта деталь устройства курганов, по предположению Б. А. Рыбакова, нашла свое отражение в словах летописца о том, что славяне после сожжения погребаемого «собравше кости, вложашу в судину малу и поставляху на столпе на путех», если слово «столп» понимать не буквально, а в значении небольшого домика, сторожки⁵. На Верхней Оке надо прежде всего отметить домовины в кур-

¹ П. Н. Третьяков. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки. СА, 1969, № 4, стр. 79.

² И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. «Вестник ЛГУ, сер. ист. яз. и лит.», 1956, № 20, стр. 45—60; он же. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, 349—366; он же. К вопросу о культурном единстве славян. Сб.: «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 203—208; он же. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.). МИА, № 152, 1968, и др.

³ П. Н. Третьяков. Об истоках культуры..., стр. 78—90; он же. У истоков древнерусской народности. МИА, № 179, 1970, стр. 100—103.

⁴ Э. Д. Бессарабова. Славянские курганы второй половины I тыс. н. э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы. АСЭ, вып. 15. Л., 1973, стр. 65—82.

⁵ Б. А. Рыбакова. Нестор о славянских обычаях. Сб. «Древние славяне и их соседи». МИА, № 176, 1970, стр. 40—44.

ганах у деревень Западная⁶, Лебедка⁷, Доброе⁸, Воронеж⁹, на Верхнем Дону — в насыпях Боршевского¹⁰ и Лысогорского¹¹ могильников. Обычно принято считать, что традиция помещения остатков сожжения в домовины у славян северо-восточных областей распространения роменско-боршевской культуры возникла как наследие погребального ритуала балтского населения западной части Волго-Окского междуречья, а наиболее близкими прототипами домовин в курганах VIII—X вв. являются домовины верхнеокских курганов V—VI вв. н. э. типа Шаньково-Почепок¹². Включение в славянскую погребальную обрядность черт балтского ритуала требует точного анализа. Какие же имеются основания для таких выводов?

Н. И. Булычев — автор раскопок курганов у дер. Шаньково (три насыпи) и дер. Почепок (две насыпи) — при их публикации писал, что «эти насыпи одного типа, а именно: почти в центре каждого кургана находится слой обожженной земли толщиной примерно в 3 дюйма (0,08 м. — *Е. Н.*) при квадратной площади около 2 аршин (около 1,5 кв. м. — *Е. Н.*). В этой прослойке земли находились: уголь, черепки, горшки, обломки битых жженных человеческих костей, характерные бронзовые вещи и т. п. В каждом кургане, отступя немного от современного нижнего края насыпи, видны следы небольшой грунтовой круговой канавки в $\frac{1}{2}$ аршина (0,35 м. — *Е. Н.*) ширины и при $\frac{3}{4}$ аршина (0,54 м. — *Е. Н.*) глубины»¹³. Для иллюстрации именно такой конструкции насыпей Н. И. Булычев поместил рисунок, объясняющий устройство одной из них — насыпи 1 у дер. Шаньково (рис. 3, 2а, б). На нем отчетливо видно, что остатки трупосожжения занимали небольшую площадь в центре кургана — на середине его высоты. У края кургана Н. И. Булычевым показана канавка. Реконструкция домовин на базе таких сведений ничем не обоснована. Е. И. Горюнова, рассмотревшая устройство курганов Шаньково—Почепок, исходя из приведенных выше данных¹⁴, так же как и некоторые другие ученые, признала отсутствие «прочных оснований» этой традиционной точки зрения. Но исследователи, все же признающие возможность такой реконструкции, ссылаются отнюдь не на публикацию Н. И. Булычева, а на так называемые его черновые чертежи, будто бы содержащиеся в деле № 23 архива Археологической комиссии за 1886 год¹⁵.

Перейдем к рассмотрению данных архива¹⁶. Дело № 23 содержит переписку Н. И. Булычева и его отчет о раскопках. Описание курганов в отчете дано на больших белых листах бумаги; оно несколько более

⁶ С. А. Изюмова. Курганный могильник VIII—X вв. около дер. Западной. СА, 1964, № 2, стр. 151—163.

⁷ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. МИА, № 72, 1959, стр. 58—79.

⁸ С. А. Изюмова. Курганы у с. Доброе Тульской обл. СА, 1970, стр. 191—201.

⁹ В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. Древности, «Труды МАО», т. XVII. М., 1900, стр. 14—20.

¹⁰ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 79—91; А. Н. Москаленко. О возникновении древнерусских поселений на Дону. Сб. «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966, стр. 129, 135, 136.

¹¹ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 111—112.

¹² П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 47 и сл.; он же. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 295—297; он же. Об истоках культуры..., стр. 78—90; он же. У истоков древнерусской народности, стр. 100—103; Т. Н. Никольская. Указ. соч., стр. 82—85; М. Ю. Брайчевский. Походження Русі. Київ, 1968, стр. 86—88.

¹³ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 5.

¹⁴ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 209—212.

¹⁵ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, стр. 50, 51.

¹⁶ Архив ЛОИА, ф. 1, д. № 23, 1886.

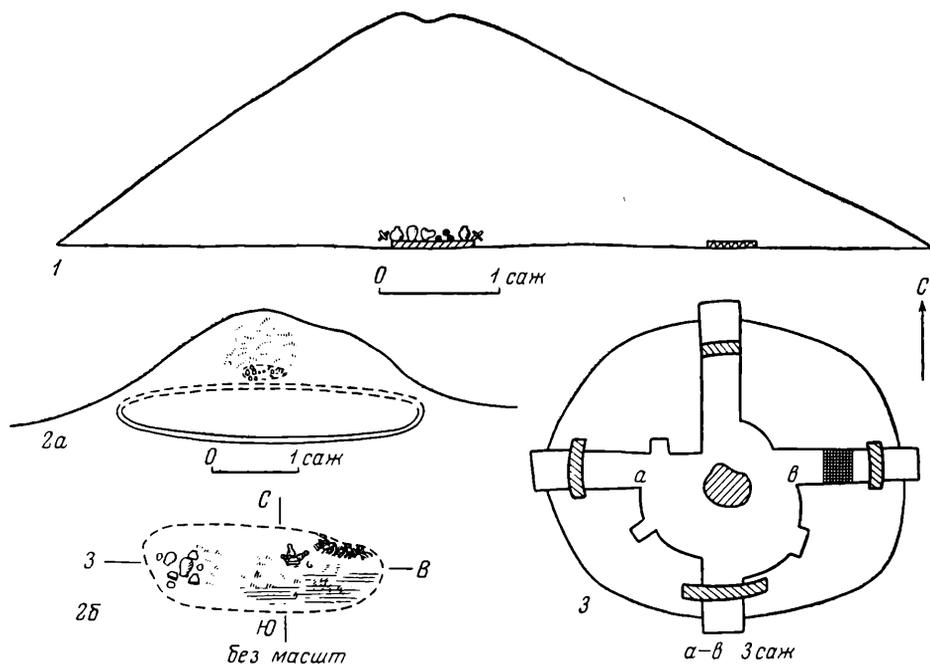

Рис. 3. Планы и разрезы кургана Шаньково I

1 — разрез (по А. А. Бобринскому, архив ЛОИА);

2 а, б — схема устройства кургана и размещения остатков сожжения (по публикации Н. И. Булычева);

3 — план (по Н. И. Булычеву, архив ЛОИА)

подробно, чем в публикации; имеются рисунки вещей и керамики. Кроме того, у Н. И. Булычева имеются планы для каждого кургана (план кургана Шаньково 1 — см. рис. 3, 3). Разрезы курганов отсутствуют (нет даже опубликованного рисунка, поясняющего устройство насыпей). На фоне листов 45—61, написанных рукой Булычева, выделяется лист 44. Это — большой тетрадный лист в клеточку, на котором схематично карандашом (на лл. 45—61 текст и чертежи выполнены чернилами) нарисованы разрезы восьми курганов. Первый разрез — масштабный, а остальные пронумерованы от одного до семи и являются разрезами каких-то конкретных курганов. Каких именно курганов, на листе не указано, но если сопоставить их с описанием курганов в деле, то можно установить, что разрез 1 принадлежит кургану Шаньково 2, разрез 2 — Шаньково 3, разрез 3 — Шаньково 1 (рис. 3, 1), разрез 4 — Почепок 2, разрез 5 — Почепок I, разрез 6 — насыпи у дер. Почернино, разрез 7 — кургану Дубровка.

Эти разрезы служат необходимым дополнением к планам, имеющимся в отчете Н. И. Булычева. При сравнении разрезов, помещенных на листе 44 с остальной документацией раскопок курганов, мы находим ряд существенных противоречий:

I. Разрез кургана Шаньково 1 на листе 44 и рисунок, поясняющий его устройство в публикации Н. И. Булычева (рис. 3, 1, 2), взаимноисключают друг друга. На рисунке в публикации остатки сожжения помещены в насыпи на середине высоты кургана, на разрезе (л. 44) — на материке.

II. Н. И. Булычев опубликовал рисунок, поясняющий устройство кургана Шаньково 1, но дал его в качестве объяснения ко всем пяти курганам, поскольку «эти насыпи — одного типа». И действительно, различия в описании конструкций курганов у Н. И. Булычева нет; все кур-

ганы охарактеризованы в одних и тех же терминах. Следовательно, и курганы Шаньково 2 и 3, и курганы Почепок 1 и 2 имели устройства, аналогичные устройству кургана Шаньково 1, т. е. остатки сожжения в них находились на середине высоты курганов. В то же время на листе 44 остатки сожжения в них показаны помещенными на материке.

III. Расположение остатков сожжения в кургане Почепок 2 на разрезе (л. 44) и на плане различно (это не объясняется несоответствием масштабов). На плане остатки сожжения показаны у самого западного края насыпи, на разрезе — значительно ближе к центру.

IV. На разрезе кургана Дубровка (л. 44) поздние труположения схематично помещены на разных ярусах по всей длине насыпи. Если же внимательно рассмотреть планы ярусов, имеющиеся в архиве и публикации, то становится ясно, что эти поздние прихоронения в значительной части не нарушают насыпь, а были совершены либо в самом верху кургана (ярус 1), либо с западного края (ярусы 2 и 3), либо в поле (ярус 4). Опять налицо несоответствие планов и разреза (л. 44).

Итак, мы видим, что существуют две противоречащие друг другу схемы устройства курганов. Чему верить? Дело решается в пользу архивных планов и опубликованного Н. И. Булычевым рисунка, поскольку, прочитав пояснительную надпись в правом верхнем углу тетрадного листа — «Сделан гр. А. А. Бобринским», мы узнаем автора разрезов. Автор разрезов — А. А. Бобринский, автор планов и опубликованного рисунка — Н. И. Булычев — исследователь курганов. Поэтому считаем правильным основываться на его документации¹⁷.

К сожалению, А. А. Бобринский не ограничился добавлениями только к архивной документации. В печатном отчете председателя Археологической комиссии (А. А. Бобринского) за 1886 г. в части, касающейся раскопок Н. И. Булычева, снова встречаем описание курганов Шаньково, Почепок, Дубровка на основании рассмотренных выше разрезов, выполненных самим же А. А. Бобринским¹⁸.

Указанные ошибочные дополнения А. А. Бобринского к материалам раскопок Н. И. Булычева ввели в заблуждение последующих исследователей, которые проводили реконструкцию устройства курганов на их основании. В 1941 г. П. Н. Третьяков, ссылаясь на дело № 23 за 1886 год, опубликовал «черновые чертежи Н. И. Булычева, воспроизводящие курганы у деревень Шаньково и Почепок», где «ясно видно, как располагались остатки трупосожжений и вещи, а также, что представляла собой кольцевая канавка»¹⁹. Анализируя эти чертежи курганов, на которых остатки сожжения показаны находящимися на материке, П. Н. Третьяков пришел к выводу о наличии под курганными насыпями остатков сожжения нескольких умерших. По его мнению, «компактное их расположение

¹⁷ Но какое имел отношение А. А. Бобринский к отчету Н. И. Булычева, почему он добавил эти разрезы курганов? Тут не лишне вспомнить, что именно через А. А. Бобринского, председателя Археологической комиссии, Н. И. Булычев получил свое первое разрешение на раскопки, именно через А. А. Бобринского шла его постоянная переписка с комиссией, и не случайно на титульном листе своей первой книги Н. И. Булычев написал: «Посвящается графу Алексею Александровичу Бобринскому» (Н. И. Булычев. Указ. соч., стр. III), а в письме в Археологическую комиссию, после своих первых раскопок в 1886 году, Н. И. Булычев писал следующее: «Так как раскопки для меня — дело новое, я просил бы указать на неточности, пробелы или ошибки, которые, может быть, найдутся в моем труде («Архив ЛОИА, ф. 1, д. 23, 1886 г., л. 9). Ошибки нашлись — отсутствие разрезов раскопанных курганов; А. А. Бобринский счел, видимо, необходимым при подготовке общего отчета за 1886 г. исправить этот недостаток, восстановив схематично на тетрадном листе разрезы, по данным Н. И. Булычева, и дав им свою нумерацию, а затем вклеил этот лист перед отчетом Н. И. Булычева в д. 23.

¹⁸ Доклад о действиях Археологической комиссии за 1886 г. председателя комиссии А. А. Бобринского. ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, стр. CLVI—CLVIII.

¹⁹ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, стр. 50, 51, рис. 21.

(Н. И. Булычев пишет, что зола, кости и вещи составляли в кургане прослойку площадью 1,5 кв. м овально-прямоугольную в плане) заставляет предполагать, что остатки трупосожжений помещались в кургане не в землю, а в какое-то сооружение, по-видимому в деревянный ящик или сруб, какие известны в более поздних курганах этого же и смежных районов»²⁰.

Такая реконструкция погребального обряда в ранних верхнеокских курганах впоследствии неоднократно повторялась в археологической литературе²¹.

При рассмотрении опубликованных П. Н. Третьяковым «черновых чертежей» видно, что они восходят к разрезам, выполненным А. А. Бобринским, на которых остатки сожжения по характеру своего весьма условного исполнения действительно напоминают какие-то искусственные сооружения, особенно в кургане Почепок 2. Отличительной чертой этих разрезов является то, что остатки сожжения в них показаны находящимися на материке, а не на середине высоты насыпи, как на рисунке Н. И. Булычева. В документации самого Н. И. Булычева никаких данных для реконструкции домовин в курганах Шаньково и Почепок нет.

В настоящее время в бассейне Верхней Оки и Днепра известен еще ряд курганов (Дубровка, Кажак, Николо-Ленивец, Дубосище), относимых к насыпям типа Шаньково—Почепок, но ни в одном из них не было обнаружено остатков деревянных домовин²². Такая конструкция зафиксирована лишь в кургане у дер. Воротынцево на р. Зуше, раскопанном Т. Н. Никольской и датированном ею V—VI вв. н. э. Анализ опубликованных Т. Н. Никольской материалов позволяет заключить, что керамика, найденная в домовине, не имеет ничего общего с посудой верхнеокских городищ и курганов середины I тыс. н. э.²³ Это — типичные горшки роменско-боршевского типа, а потому и сама домовина относится к VIII—X вв. н. э. Необходимость датировки кургана у дер. Воротынцево именно этим временем совершенно справедливо отмечали С. А. Изюмова и И. И. Ляпушкин²⁴.

Подводя краткие итоги приведенным данным, приходится признать, что никаких сведений о наличии домовин в курганах середины I тыс. н. э. в бассейне Верхней Оки у нас пока нет, а потому мы еще не можем считать домовины в курганах славянской роменско-боршевской культуры наследием балтского населения, оставившего курганы типа Шаньково—Почепок. Решение вопроса о роли местного субстрата в формировании погребальной обрядности носителей роменско-боршевской культуры при правильной общей постановке вопроса требует конкретных археологических изысканий.

²⁰ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, стр. 50.

²¹ См., например: П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне, стр. 294—296; он же. У истоков древнерусской народности, стр. 100—103; Т. Н. Никольская. Указ. соч., стр. 51, 82; М. Ю. Брайтский. Указ. соч., стр. 86—88; В. В. Седов. Новгородские сопки. САИ, Е I—8, М., 1970, стр. 33.

²² Н. И. Булычев. Указ. соч., стр. 9—11, 30; архив ЛОИА, ф. 1, д. № 23, 1886, лл. 63—73; 126—127; Т. Н. Никольская. Указ. соч., стр. 54—56; В. В. Седов. К вопросу о классификации смоленских курганов. КСИА, вып. 81, 1960, стр. 3—12.

²³ Т. Н. Никольская. Указ. соч., стр. 51—54, рис. 22 и 23.

²⁴ С. А. Изюмова. Курганный могильник..., стр. 157; И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы..., стр. 63. Детальный анализ устройства этого кургана и подробное обоснование его датировки (VIII—X вв. н. э.) приводятся в статье Э. Д. Бессарабовой (Э. Д. Бессарабова. Указ. соч., стр. 68—70).

К. М. ПЛОТКИН

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ГОРОДИЩА КАМНО
ПСКОВСКОЙ ОБЛ.¹

Городище Камно находится в 8 км к северо-западу от г. Пскова близ истоков р. Каменки, левого притока р. Великой. Раскопки городища производились в 1948, 1949, 1951, 1952 гг. экспедицией ИА АН СССР под руководством С. А. Таракановой. Общая площадь раскопок на городище составляет 434 кв. м. Кроме того, изучено 88 кв. м на территории погоста за городищенским валом. Итоги своих исследований С. А. Тараканова подвела в нескольких предварительных заметках и в большой неопубликованной рукописи². Пересмотра и коррекции выводов С. А. Таракановой, которая считала, что поселение на месте городища Камно существовало непрерывно с III—IV по XII в. н. э., требует не только возросший уровень знаний об истории населения лесной полосы Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э., но и сами материалы раскопок, которые не укладываются в предложенную автором схему.

Толщина культурного слоя городища Камно составляет 1—1,4 м, увеличиваясь по мере приближения к валу. Стратиграфические данные и характер находок позволяют выделить на городище Камно два слоя: верхний, слой древнерусского погоста Камно, и нижний, слой конца I тыс. н. э., в котором выделяются четыре горизонта — три горизонта остатков построек и горизонт темной плотной земли, лежащий на материке.

Верхний слой и горизонты с остатками построек нижнего слоя состоят из рыхлой земли (гумуса), черной в верхних и несколько более светлой в нижних пластах. В нижнем слое встречены остатки глинобитных печей на каменном основании, очаги, прослойки и кучи красноватой плотной глины, желтого песка, угля и золы, многочисленные булыжные и плитняковые камни, фрагменты обугленных настилов из деревянных плах и незначительные остатки истлевшего дерева, большое количество фрагментов лепной керамики, костей животных и рыб, рыбьей чешуи.

Датировки слоев и горизонтов городища Камно установлены сопоставлением данных стратиграфического анализа культурного слоя городища, позволяющих установить относительную хронологию, и данных типологического анализа находок, дающих серии более или менее твердых дат для каждого горизонта.

¹ Настоящая статья представляет собой раздел доклада «Городище Камно Псковской обл. (Итоги изучения археологических материалов)», прочитанного на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР 15 февраля 1972 г.

² С. А. Тараканова. К вопросу о происхождении города в Псковской земле. КСИИМК, вып. XI, 1951; она же. Древности Псковской земли. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953; она же. Псковские городища. КСИИМК, вып. 62, 1956; она же. Городища Псковское и Камно. Рукопись. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, д. 1859 и 1859а.

Находки, относящиеся к нижнему слою городища Камно, позволяют довольно точно установить время его существования. Прежде всего следует упомянуть арабский дирхем 813 г., найденный в раскопе 5 на восточном краю площадки городища, где нижний слой подвергся сильным разрушениям в древнерусское время. Перекрестье меча, украшенное серебряной набивкой по поверхности железа в виде вертикальных линий (рис. 4, 8) из верхнего горизонта, характерно для мечей типа Н, по классификации Я. Петерсена, которые датируются концом IX—началом XI в.³ Подковообразные фибулы с круглой, ровной в сечении на всем своем протяжении дужкой, найденные в верхнем и среднем горизонтах нижнего слоя (рис. 4, 9), появляются на северо-западе Восточной Европы в VIII в.⁴ Подковообразная фибула с дужкой шестигранного сечения и девятигранными головками (рис. 4, 10) датируется IX—началом XI в.⁵ Так же датируются два односторонних цельных гребня с высокой спинкой, украшенной резными изображениями двух лебедей, смотрящих в разные стороны (рис. 4, 7, 11). Один гребень найден в среднем, другой — в верхнем горизонтах нижнего слоя. Помимо Камно, односторонние цельные гребни выявлены при раскопках Псковского Кремля, городища Рыуге, земляного городища Старой Ладоги, во владимирских курганах⁶. Один из ладожских гребней, датируемых X в., почти идентичен гребню из верхнего горизонта нижнего слоя Камно. В верхнем горизонте найдены также фрагменты односторонних наборных гребней с орнаментированными накладками, относимых к IX—X вв.⁷ Совокупность вышеперечисленных находок позволяет датировать верхний горизонт нижнего слоя Камно последними десятилетиями IX—X вв.

Для уточнения верхней хронологической границы нижнего слоя важное значение имеет отсутствие в нем гончарной керамики ранних типов. На северо-западе Восточной Европы гончарная керамика появляется в начале X в. и вытесняет лепную керамику к середине X в. В слоях Новгорода и Старой Ладоги, датируемых серединой и второй половиной X в., лепная керамика составляет лишь незначительный процент из всего керамического комплекса⁸. Таким образом, верхнюю хронологическую границу нижнего слоя городища Камно следует относить ко времени не позднее начала X в.

Время возникновения поселения на месте городища Камно позволяют установить находки, сделанные в нижнем горизонте нижнего слоя. К их числу относятся височное кольцо, аналогичное кольцам Смоленских длинных курганов VIII—X вв., бронзовый колокольчик латгальского типа (рис. 4, 14, 16), встречающийся в могильниках с VII в.⁹ Серединой—третьей четвертью I тыс. н. э. датируется браслет из дрота оваль-

³ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, вып. I. САИ Е1—36. М.—Л., 1966, стр. 27.

⁴ А.-М. Tallgren. Zur Archäologie Ecstis, t. II. Dorpat, 1925, стр. 10.

⁵ Н. Salmo. Finnische Hufeisenfibeln. SMYA, 56, 1956, стр. 17, 23, 25.

⁶ С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, рис. 39, 18; М. Х. Шмидхельм. Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии. ВЭИИП; О. И. Давидан. Гребни Старой Ладоги. АСГЭ, вып. 4, 1962, стр. 101, 102, рис. 4, 1—3; А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, рис. 377.

⁷ О. И. Давидан. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенек Старой Ладоги. АСГЭ, вып. 10, 1969, стр. 59, 60.

⁸ Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги (по материалам раскопок 1947—1949 гг.). СА, XV, 1951, стр. 238—240; 242; Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951—1954 гг.). МИА. № 55, 1956, стр. 234.

⁹ Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. на территории Смоленской обл. МИСО, вып. 5, 1963, стр. 104; V. Urtans. Kalnieš otrais kapulauks. «Труды музея истории Латвийской ССР. Археология». Рига, 1962, стр. 61, табл. VII, 2.

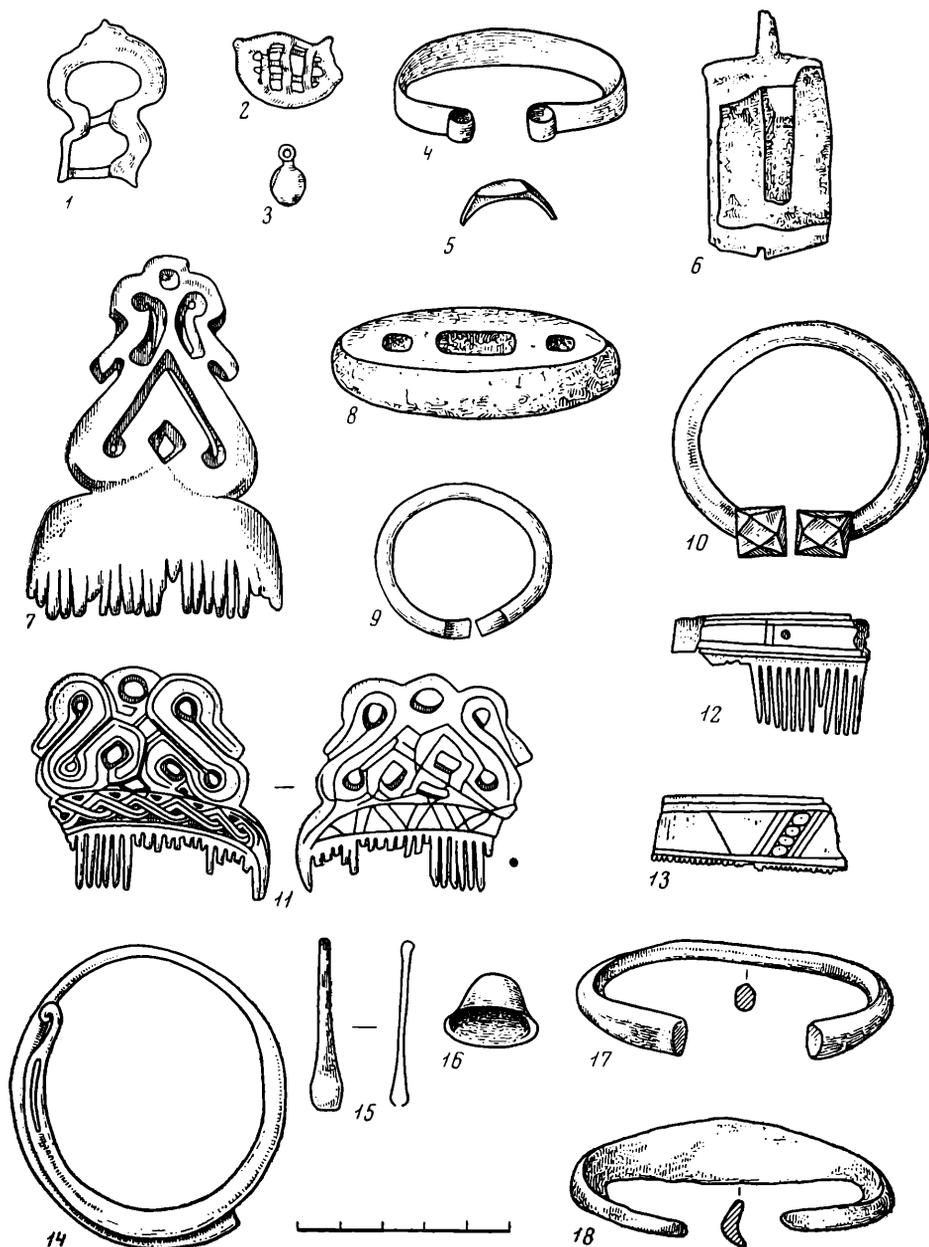

Рис. 4. Городище Камно. Вещи из культурного слоя
1 — 5, 9, 10, 15—18 — бронза; 6—8 — железо, 7, 11—13 — кость

ного сечения со слегка утолщенными концами (рис. 4, 17), найденный в верхнем горизонте нижнего слоя, куда он попал, видимо, случайно¹⁰. Следует упомянуть также находки браслета из толстого круглого дрота овального сечения с утолщенными гранчатыми концами и браслета выпукло-вогнутого сечения с суженными и заостренными концами (рис. 4, 18). Найденный в раскопе 5 миниатюрный пинцет (рис. 4, 15) можно

¹⁰ М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 199; Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н. э. МИА, № 108, 1963, стр. 61, рис. 12, 1, 4.

сопоставить с находками бронзовых и железных пинцетов в длинных курганах и в слое VIII в. Старой Ладоги¹¹. Все эти находки позволяют считать наиболее вероятной датой возникновения поселения рубеж третьей и четвертой четвертей I тыс. н. э. и скорее всего начало VIII в., хотя нельзя исключать возможность основания поселения еще в VII в.

Важное значение для датировки нижнего слоя городища Камно имеют встреченные в среднем и верхнем горизонтах глинобитные печи на каменном основании (опечье). Печи этого типа появились в IX в. в Восточной Латвии и существовали там вплоть до недавнего времени¹². Отсутствие каменного венца у печей Камно свидетельствует об их сравнительно ранней дате¹³. Появление печей этого типа позволяет отнести средний горизонт нижнего слоя ко времени не ранее начала IX в.

Таким образом, нижний слой городища Камно датируется VIII—началом X в., верхний горизонт—последними десятилетиями IX—началом X в., средний горизонт—началом—серединой IX в., нижний горизонт—второй половиной VIII в., горизонт темной плотной земли, лежащей на материке,—предположительно, первой половиной VIII в.

Древнерусский слой на площадке городища относится к XII—XIII вв. Об этом свидетельствует стандартная, хорошего качества гончарная керамика, украшенная линейным, реже волнистым орнаментом. В культурном слое Камно не встречены керамика, изготовленная на ручном гончарном круге, и гончарная керамика, типичная для второй половины X—XI вв. Датировку древнерусского слоя подтверждают находки бронзовых украшений (рис. 4, 2—4), шиферных пряслиц и овального кресала. Многочисленные аналогии позволяют датировать эти предметы XII—XIII вв.¹⁴

Древнерусский слой распространяется за пределы городищенского вала. Найденные на площадке погоста фрагменты поздней неорнаментированной гончарной керамики и два фрагмента чернолощеной керамики московского типа позволяют предположить, что поселение на месте погоста существовало по крайней мере до XVI—XVII вв. В нижних пластах культурного слоя на площадке погоста встречена гончарная керамика с отогнутым наружу венчиком, украшенная линейным и волнистым орнаментом. Обнаруженные здесь же бронзовые украшения (рис. 4, 1, 5, 6) и обломки железных цилиндрических замков позволяют отнести возникновение поселения на площадке погоста к XII—XIII вв.

Элементы культуры нижнего слоя городища Камно находят себе аналогии в широком круге памятников северо-запада Восточной Европы—от Восточной Латвии и Эстонии до Старой Ладоги. Для правильной интерпретации истории первоначального поселения на месте городища необходимо рассмотреть культурные остатки нижнего слоя среди памятников Псковщины этого времени, представленных длинными и круглыми курганами с погребениями по обряду трупосожжения, селищами и городищами-убежищами, синхронными им слоями Псковского Кремля и Труворова городища в Старом Изборске¹⁵. При этом представляется существенным наличие хронологического разрыва между нижним и верхним древнерусским по своему характеру, слоями городища, который намечается по материалам раскопок С. А. Таракановой.

¹¹ Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э. МИА, № 76, 1960, стр. 119, рис. 77, 5.

¹² Э. Д. Шнорре. Городища древних латгалов. ВЭИМП, стр. 225.

¹³ Э. Д. Шнорре. Асотское городище. Рига, 1961, стр. 66, 67.

¹⁴ В. П. Левашева. Браслеты. «Труды ГИМ», вып. 43, 1967, стр. 235, 236, Н. Г. Недошивина. Перстни. Там же, стр. 268—270; В. А. Мальм. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. Там же, стр. 152; А. В. Успенская. Нагрудные и поясные привески. Там же, стр. 108; Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 103, рис. 85.

¹⁵ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, № 163, 1970, стр. 104—105.

Г. П. СМЕРНОВА

О ТРЕХ ГРУППАХ НОВГОРОДСКОЙ КЕРАМИКИ
X—НАЧАЛА XI В.

Единство славянской средневековой керамики неоднократно отмечалось как в советской, так и в зарубежной научной литературе¹. Действительно, к началу X в. на территории, занятой славянами, бытует определенная форма посуды — горшки с отогнутым венчиком и прямым цилиндрическим горлом². Однако при сравнительном анализе этой однотипной керамики четко прослеживаются областные различия в пропорциях, орнаменте, технологии изготовления, а также в ряде форм сосудов, характерных для определенного района. Следует отметить, что аналогичные формы сосудов на разных территориях бытовали в разное время, причем разница в датах бывает весьма значительной — два-три столетия.

Вопрос об областных различиях славянской керамики ставится не впервые. В монографии о древнерусском ремесле Б. А. Рыбаков указывал на различие в пропорциях южной и северной восточнославянской керамики³. Этому же вопросу посвящен ряд работ немецких исследователей⁴.

Над выявлением локальных вариантов древнерусской керамики XII—XIII вв. в последнее время работает М. В. Малевская⁵, которая отмечает, что областное своеобразие керамики в X—XI вв. выражено слабее, чем в более позднее время. Однако это утверждение, кажется, не имеет достаточных оснований. Именно в X—XI вв. четко выделяется своеобразная группа керамики, характерная для славянских поселений и могильников, расположенных преимущественно вдоль южного побережья Балтийского моря. Эта северная группа керамики отличается рядом характерных форм посуды. В свою очередь и она подразделяется на ряд локальных вариантов. Некоторым вариантам прибалтийской поморской керамики X—XI вв. аналогична группа керамики древнего Новгорода. Последней и посвящена настоящая статья.

Среди керамики древнейшего слоя Новгорода (X—XI вв., т. е. 28—24 строительные ярусы) выделяется группа, отличная от глиняной по-

¹ L. Niederle. *Slovanské starožitnosti*, t. I, N 2. Praha, 1925; А. В. Арциховский. *Культурное единство славян в средние века*. СЭ, I, 1946, стр. 85—90.

² Б. А. Рыбаков. *Ремесло Древней Руси*. М., 1949, стр. 75.

³ Там же, стр. 173, 174.

⁴ Н. А. Кногг. *Die slawische Keramik zwischen Elba und Oder*. Berlin, 1937; E. Schuldt. *Die slawische Keramik in Mecklenburg*. Berlin, 1956; J. Herrmann. *Die slawische Stämme zwischen Elba und Oder*. Berlin, 1970.

⁵ М. В. Малевская. К вопросу о керамике Галицкой земли XII—XIII вв. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 3—14; она же. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель в XII—XIII вв. КСИА, вып. 125, 1971, стр. 27—34.

суды других древнерусских городов. Количество ее невелико, встречается она в основном на усадьбах близ перекрестка Великой и Козьмодемьянской улиц (раскопы XV, XVIII, XXIV, XXV, XXVIII, XXXI, XXXII). Она составляет около 2% керамики 28—24 ярусов (примерно 500 фрагментов из 28 тыс.). На остальных раскопах находки ее единичны.

В рассматриваемой группе керамики выделяются два типа, которые по особенностям верхней трети сосуда подразделяются на варианты.

Тип I (рис. 5) представлен широкогорлыми сосудами без четко выделенного венчика. Плавный изгиб стенок, начинаясь у верхнего среза, мягко переходит в округлое тулово. Верх сосуда отделен от тулова одним, двумя или тремя валиками, округлыми или треугольными в сечении. Назначение валиков декоративное. Они образованы при формовке сосуда, а не наклепаны, как у керамики финских племен. По сохранившимся фрагментам горшков можно реконструировать полную их форму. Судя по резко суживающимся к днищу стенкам, дно — небольшого диаметра. Размеры сосудов этого типа довольно стандартны: диаметр горла 17—19 см, наибольший диаметр тулова (находится между верхней третью и серединой высоты сосуда и обычно на 4,8—6 см ниже среза венчика) больше диаметра горла на 1,3—1,8 см.

Керамика этого типа подразделяется на четыре варианта.

К первому варианту относятся сосуды с загнутым внутрь или прямостоящим венчиком с неглубоким желобком сверху (рис. 5, 1). На расстоянии 1,2—1,8 см ниже среза венчика расположен один валик треугольного сечения. Сосуды второго варианта имеют расширенный срез венчика с желобком сверху и два широких валика в месте перехода венчика в тулово. Верхний валик лежит на расстоянии 1 см ниже среза венчика, нижний — на расстоянии 3 см (рис. 5, 2). Сосуды третьего варианта имеют более вытянутую горловину с тремя валиками, подчеркнутыми глубокими бороздками орнамента (рис. 5, 3). Верхний валик находится на расстоянии 1,5 см от края венчика, нижний — на расстоянии 4—4,5 см. К четвертому варианту относятся сосуды с прямым, слегка вогнутым венчиком, срез которого уплощен и с внешней стороны имеет выступ (рис. 5, 4). Валик находится в 3 см от края сосуда.

Аналогии первому типу новгородской керамики обнаружены в керамическом материале поморских славянских поселений северных районов польских и германских земель.⁶ Исследователь керамики Мекленбурга Э. Шульдт выделил десять групп этой керамики и проследил последовательное развитие некоторых из них. Рассмотренная новгородская керамика наиболее близка позднему варианту групп Фрезендорф и Тетеров. И мекленбургская, и новгородская керамика одинаково датируется X в. Однако, если эта группа керамики в Мекленбурге генетически связана с более ранними формами и дает дальнейшее развитие, то в Новгороде керамика первого типа не имеет предшествующих форм и исчезает в середине XI в. (в 23-м строительном ярусе она уже не встречается).

Тип II (рис. 6) новгородской керамики представлен широкогорлыми сосудами с цилиндрическим венчиком высотой от 1,7 до 3,3 см. Венчик отделяется от тулова одним, редко — двумя округлыми или треугольными в сечении валиками. Тулово слабо профилировано, днище широкое. Диаметр венчиков 16—18 см. Максимальный диаметр тулова больше диаметра венчика на 1,7—2 см и расположен между верхней третью и серединой высоты сосуда.

Подразделяется на восемь вариантов. К наиболее древним относятся

⁶ К. А. Wilde. *Methodische Grundlagen für die Erforschung der Wikinger und Slawen Siedlung*. Stettin, 1939; *он же*. *Bedeutung der Grabung Wollin*. Stettin, 1934; E. Schuldt. *Указ. соч.*, табл. 38, 39, 41, 59 с; J. Herrmann. *Указ. соч.*, табл. 5 E, рис. 21—26; «Materialy zachodnio-pomorskie», Т. I—VIII. Szczecin, 1954—1962.

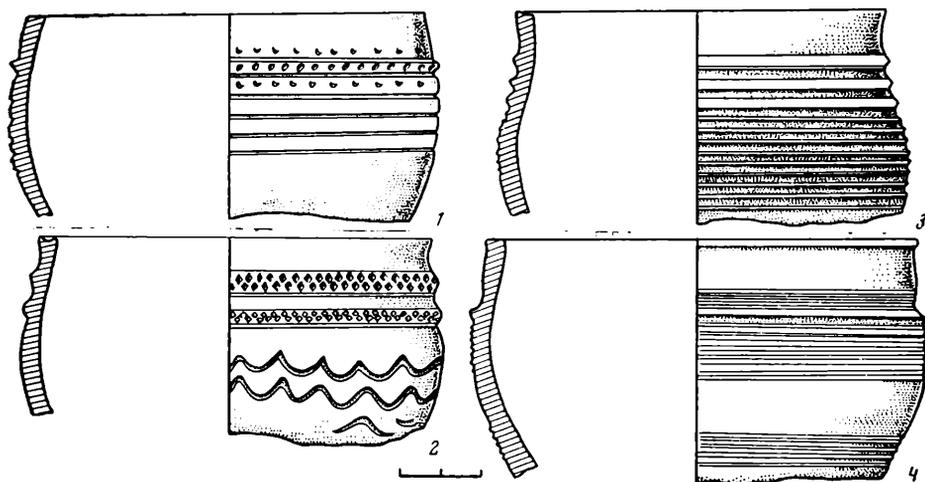

Рис. 5. Керамика первого типа

четыре первых варианта. Среди них иногда встречаются лепные сосуды, слегка подправленные на кругу. Сосуды первого варианта имеют прямо стоящий, утончающийся к срезу венчик (рис. 6, 1). Посуда второго варианта близка первому, но имеет слегка изогнутый венчик (рис. 6, 2). Горшки третьего варианта отличаются массивным коротким венчиком с уплощенным срезом (рис. 6, 3). К четвертому варианту относятся горшки с прямым высоким венчиком, верх которого косо срезан внутрь (рис. 6, 4). Керамика первых четырех вариантов второго типа встречена в 28—27-м строительных ярусах и датируется второй половиной X в.

Сосуды пятого, шестого и седьмого вариантов встречаются в Новгороде в слоях 27—24-го ярусов и датируются концом X—серединой XI в. Начиная с пятого варианта, горшки имеют более четко профилированное тулово. К пятому варианту относятся сосуды с прямым срезом венчика и резко выступающим валиком. Сверху и снизу валик подчеркнут глубокими бороздками орнамента (рис. 6, 5). Сосуды шестого варианта имеют округленный срез и слегка раздутый в середине венчик с двумя уплощенными валиками, образовавшимися от углубленных линий орнамента (рис. 6, 6). К седьмому варианту относятся горшки с косо срезанным краем венчика, верхняя часть которого сужена (рис. 6, 7). Сосуды восьмого варианта отличаются более тонкими стенками. Они с прямым высоким венчиком, срез которого имеет на внутренней стороне небольшой выступ (рис. 6, 8). Толщина стенок 5—6 мм, в то время как у сосудов иных вариантов толщина стенок от 7 мм до 1 см. Сосуды восьмого варианта встречены только в 25 и 24-м строительных ярусах и датируются первой половиной XI в.

Кроме описанных двух типов керамики, в Новгороде на раскопах XXXI и XXXII в слое первой половины XI в. найдено 12 черепков от различных сосудов трех форм. Общим для них является слабоотогнутый венчик, не встречающийся в керамике рассмотренных типов. Однако наличие валиков в верхней части тулова и форма этих сосудов позволяют отнести и их к этой же группе керамики.

Первая форма представлена горшками больших размеров (рис. 7, 1). Венчик отогнут, слегка скошен наружу, на внутренней стороне его имеется небольшой выступ. Диаметр горла 21—22 см. Наибольший диаметр тулова выше середины сосуда и больше диаметра горла на 2,5—2,7 см. Тулово округлое. Толщина стенок сосудов 7—9 мм. Горшки второй

формы имеют слегка отогнутый венчик с косым срезом наружу. Диаметр горла 16—16,5 см, наибольший диаметр тулова находится почти в середине высоты сосуда и больше диаметра горла на 2,3—2,7 см. В месте перехода в тулово расположен уплощенный валик, образованный бороздками орнамента. Толщина стенок 6—8 мм (рис. 7, 2). Третья форма представлена горшками со слегка отогнутым пухлым венчиком с желобком на срезе. Венчик переходит в слегка раздутое округлое тулово без валика, но на некоторых сосудах имеются глубокие орнаментальные линии. Диаметр горла 14—14,8 см, наибольший диаметр тулова 15,3—15,8 см, толщина стенок 0,8—1 см.

Эта керамика, как и керамика второго типа, имеет аналогии среди глиняной посуды Мекленбурга⁷. В отличие от первого типа керамика второго типа в Новгороде сосуществует с более развитыми формами. Она послужила исходной формой для некоторых видов новгородской посуды с цилиндрическим венчиком, которые доживают до конца XI в.

Как форма, так и орнамент характеризуемой керамики несвойственны древнерусской глиняной посуде. Основными элементами орнамента являются разнообразные линейные узоры, нанесенные округлой или заостренной палочкой и многозубчатой гребенкой. Характерно широкое рифление, образующее глубокие бороздки, а также однорядная и многорядная волны. Эти основные элементы сочетаются с различными ямками, отпечатками и насечками гребенки, с отпечатками ромбического и треугольного штампов. Чаще всего отпечатки штампов и гребенки украшают декоративные валики, отчего создается впечатление, что валик перевит веревочкой. Орнаментированные зоны перемежаются с гладкими поясами, что характерно для всей древнейшей керамики Новгорода.

По технике изготовления керамика описанных типов не отличается от остальной глиняной посуды Новгорода. Она, несомненно, была изготовлена в самом городе или в его ближайших окрестностях. Сосуды формовались ленточно-жгутовым или кольцевым способом из ленты шириной 2,5—3 см. В очень редких случаях ширина ленты была 1,5 см.

Тесто имеет примесь крупнозернистой дресвы, содержащей большое количество кварца. Такая примесь характерна для большей части новгородской керамики с X до конца XIV в. Это обусловлено характером сырья. В черте города и его ближайших окрестностях залегают озерноледниковые жирные глины, которые требуют грубого отощителя. Обжиг печной. У светлых сосудов в изломе хорошо прослеживается двух- и трехслойность. Это указывает, что температура обжига не превышала 600°. Черепок рыхлый, тяжелый, легко крошится.

Поверхность сосудов обработана различным способом. Чаще всего она покрыта тонким слоем обмазки, реже — обварой и в единичных случаях на сосудах первого типа обнаружен светло-розовый ангоб. У сосудов четвертого варианта первого типа, а также у второй и третьей форм третьей группы керамики поверхность темная, слегка подлощенная. Такая обработка поверхности изредка встречается у древнейшей новгородской посуды, в том числе и у лепных сосудов.

Нарядный орнамент, отсутствие на большей части обломков нагара (нагар обнаружен всего на шести фрагментах сосудов второго типа) — все это дает право предположить, что посуда рассмотренных типов не была печной, а, по-видимому, использовалась для хранения молочных продуктов или как столовая посуда.

Рассмотренная керамика почти не имеет аналогий на территории Древней Руси. Отдельные фрагменты сосудов второго типа были найдены в слое XI в. в Гродно⁸. Сосуды с налепным валиком и цилиндри-

⁷ E. Schuldt. Указ. соч., табл. 41, 59.

⁸ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 59, рис. 25, 14.

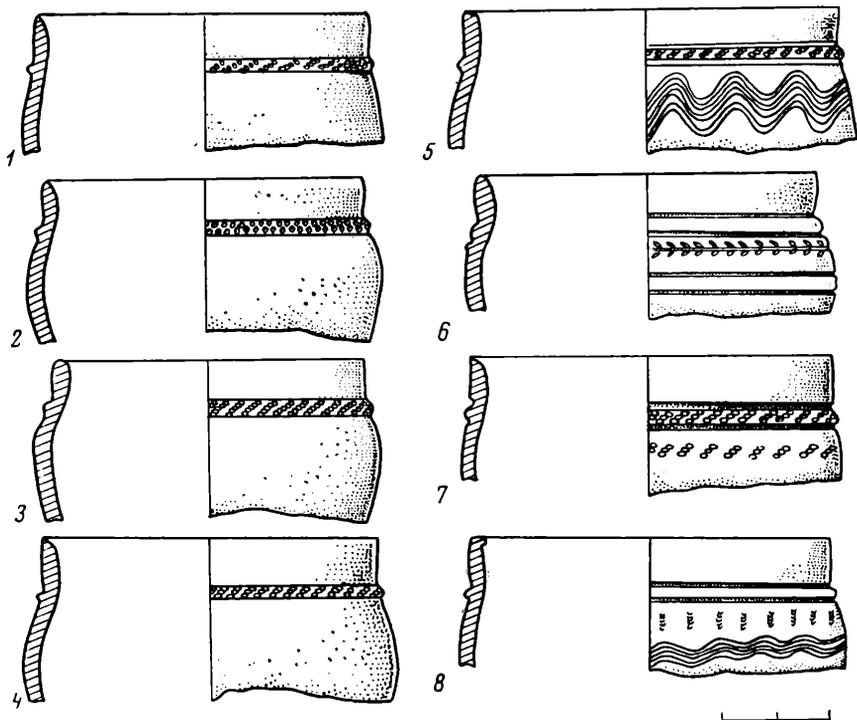

Рис. 6. Керамика второго типа

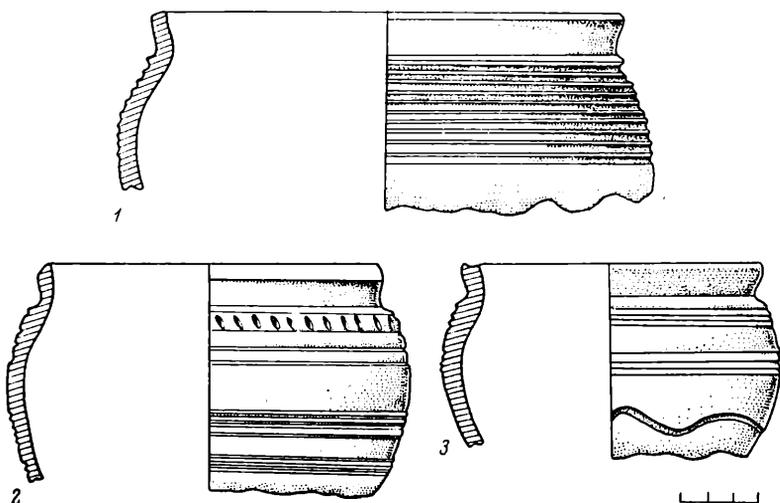

Рис. 7. Керамика третьей группы

ческим горлом встречаются среди лепной и гончарной посуды Белозера⁹. Более развитые формы сосудов второго типа найдены в курганах Южного Приладожья¹⁰. Однако среди керамики Старой Ладоги, Старой Руссы и Пскова, а также других близлежащих к Новгороду древнерусских городов и поселений такой керамики пока не обнаружено. Неизвестна она автору и среди керамики Южной Руси. Зато прямые аналогии имеются среди обширного керамического материала, обнаруженного на поселениях поморских славян¹¹.

Керамика, близкая к первому и второму типам новгородской посуды, была обнаружена в Волине — в слое, который К. Вильде — исследователь этого памятника — относит к X в.¹² Он ошибочно считал ее шведской по аналогиям, найденным в Бирке. Такая керамика действительно имеется в поселениях Швеции.

Д. Селлинг справедливо отнесла ее к славянской. Она утверждает, что эта керамика попала в Швецию от поморских славян¹³. Действительно, подобные формы глиняной посуды составляют в IX—X вв. основную часть керамики Волина, Щецина, Гданьска и на поселениях близлежащих к ним районов. Встречена она и дальше на западе, в частности в северных районах ФРГ. Э. Шульдтом найдены исходные формы для этой посуды и прослежено последовательное развитие некоторых типов ее.

Новгородская керамика обнаруживает наибольшее сходство с керамикой третьего варианта группы Фрезендорф и Тетеров, которую Э. Шульдт датирует X в. Эта дата совпадает с началом бытования рассматриваемой посуды в Новгороде. Существует она в Новгороде до середины XI в.

Следует отметить, что описываемая керамика встречается на памятниках, расположенных только вдоль побережья Балтийского моря, и отсутствует в более южных районах. Очевидно, она характерна только для поморских славян и может служить ориентиром для определения границ их обитания. Различия в керамике отдельных районов, населенных поморскими славянами, свидетельствуют о существовании определенных племенных традиций в это время.

На основании сравнительного анализа керамики Новгорода и керамики поморских славян напрашивается вывод о тесном контакте Новгорода со славянскими поселениями и городами Южной Прибалтики. Н. М. Петровский и Д. К. Зеленин, используя лингвистические данные, пришли к выводу, что Новгородская земля была заселена славянами из северных районов Висло-Эльбского междуречья на рубеже I и II тыс. на э.¹⁴ Эту же мысль высказали в своих работах В. Б. Вилинбахов¹⁵ и В. В. Седов¹⁶, относя такое расселение к более раннему времени.

⁹ Л. А. Голубева. Вещь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973, рис. ф. 53.

¹⁰ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, 1895, табл. X, рис. 1.

¹¹ Помимо уже названных работ, см.: В. Лероуна. Garnčarstwo Gdańskie w X—XIII wieku. Gdansk, 1968.

¹² К. А. Wilde. Указ. соч.

¹³ D. Selling. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955, стр. 228—230.

¹⁴ Н. М. Петровский. О новгородских словенах. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. XXV. Пг., 1922; Д. К. Зеленин. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», вып. VI. М., 1954.

¹⁵ В. Б. Вилинбахов. Балтийские славяне и Русь. «Slavia occidentalis», t. 22. Poznań, 1962.

¹⁶ В. В. Седов. Новгородские сопки. САИ, Е1—8, 1970.

Е. А. РЯБИНИН

ПОГРЕБЕНИЯ С ОРУДИЯМИ ТРУДА
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

В результате исследований курганных древностей Ижорского плато и северо-восточного Причудья, проведенных в конце XIX—начале XX в., был получен огромный археологический материал эпохи русского средневековья¹. Одной из наиболее распространенных категорий вещественного материала, довольно часто встречаемой в погребальных комплексах, являются орудия труда — серпы, рабочие топоры, косы. Из 5500 учтенных курганов Ижорского плато производственный инвентарь был встречен в 337 погребениях. Юго-западнее, в районах, примыкающих к Чудскому озеру, и в бассейне реки Плюссы такие погребения встречаются реже — из 894 курганов и жальничных погребений известны лишь девять комплексов с орудиями труда. Всего учтено 137 документированных погребальных комплексов с серпами, 161 — с рабочими топорами, 57 — с косами, 5 — с набором орудий. Необходимо отметить, что ленинградские курганы содержат и предметы вооружения, в том числе боевые топоры². При рассмотрении погребений с производственным инвентарем захоронения с боевыми топорами не учитывались, хотя, по-видимому, и сам термин «рабочие топоры» является весьма условным: часть топоров была универсальным орудием и могла использоваться как в мирных, так и в военных целях³.

Встречаемость орудий труда в погребениях «Вотской» земли подтверждает данные письменных источников о развитии хозяйственном быте населения этой территории⁴. Но исследование их представляет значительный интерес не только при определении уровня хозяйственно-экономического развития древних обитателей северо-запада Водской пятины. Наличие их в погребениях древнерусского времени свидетельствует о длительности и стойкости языческих верований и обрядов. Более того, погребения с орудиями труда были, как известно, характерны для финно-угорских племен Северной России в период, предшествующий заселению славянами этих районов, и находки этих орудий в курганах древнерусского времени обычно рассматриваются как наследие древних «чудских» традиций⁵. Северо-запад Новгородской земли был заселен в эпоху сред-

¹ Раскопки Л. К. Ивановского, В. Н. Глазова, Г. Р. Шмидта, А. А. Спицына, К. Д. Трофимова, Н. К. Рериха и др.

² Всесторонний анализ их произведен в кн.: А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, вып. 2. САИ, ЕИ—36, 1966.

³ Там же, стр. 26—43.

⁴ С. С. Гадзяцкий. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. ИЗ, вып. 6, 1940, стр. 100—104.

⁵ П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, стр. 134.

невековья водью, принадлежащей к финно-угорской языковой группе⁶. Анализ могильных древностей с производственным инвентарем имеет поэтому определенное значение и при решении вопроса об этническом составе многоплеменного Новгородского государства.

Могильники, содержащие погребения с орудиями труда, довольно широко распространены в центральной части Ижорской возвышенности (рис. 8). Из 128 исследованных курганных кладбищ этой территории подобные погребения встречены в 71 могильнике. Картографирование показало, что в исследованных Л. К. Ивановским могильниках северной части Водской пятины, а также в могильниках Северо-Восточного Причудья погребения с орудиями труда представляют большую редкость.

А. А. Спицын указывал на раннее появление орудий труда в курганах Ленинградской обл., отмечая, что они встречаются в памятниках XI в.⁷ К наиболее ранним погребальным комплексам может быть отнесено трупосожжение с косой в кургане 10 у дер. Озертицы; оно было датировано А. А. Спицыным X в.⁸ Другие случаи погребений по обряду кремации с производственным инвентарем нам неизвестны. Подавляющее большинство орудий труда сопровождает труположения XI—XII вв. и последующего времени.

Обычай погребения умерших с орудиями труда сохранялся длительное время. В XIII—XIV вв. известен тот же набор орудий, причем угасание погребальных языческих традиций происходит очень медленно. Из общего числа датированных курганов к XI—XII вв. может быть отнесено 71 погребение с рабочим инвентарем, к XII—XIII вв. — 42, к XIII—XIV вв. — 12. Интересно, что наиболее поздние погребения известны в северной и западной частях Ижорского плато; видимо, на его окраинах имелись необходимые условия для длительной консервации древних обрядов. Даже XIV век не является хронологической границей для погребений с орудиями труда. Так, в могильнике у дер. Войносолово, расположенном на северо-западной окраине распространения курганов Ленинградской обл., курган 80 содержал серп или косу, причем по встреченному в нем ревельскому артугу он датируется XV в. Могильник этот мог, по мнению А. А. Спицына, принадлежать води⁹. Можно предположить, что обычай класть с умершим орудия труда сохранялся до XVI в., т. е. до искоренения язычества в Водской земле¹⁰. Поздние погребения с производственным инвентарем, таким образом, являются памятниками тех хранителей древних традиций, о которых архиепископ новгородский писал: «... Мертвых своих кладут по курганам и коломищам с теми же арбуи, а к церквам на погосты тех своих умерших не возят»¹¹.

Для определения этнокультурной принадлежности этого населения необходимо проанализировать материалы более раннего времени — XI—XIV вв. А. А. Спицын указывал, что «топоры почти исключительно встречены при мужских погребениях ... серпы и косы исключительно при женских погребениях»¹². Проведенные подсчеты показали, что рабочие топоры действительно преобладают в мужских погребениях, а серпы и косы — в женских. Однако строгой дифференциации орудий труда по полу мы не видим. Так, из определимых женских погребений

⁶ В. В. Седов. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). СА, XVIII, 1953.

⁷ А. А. Спицын. Курганы Гдовского уезда в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29, 1903, стр. 37.

⁸ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, 1896, стр. 5.

⁹ Там же, стр. 51, 101.

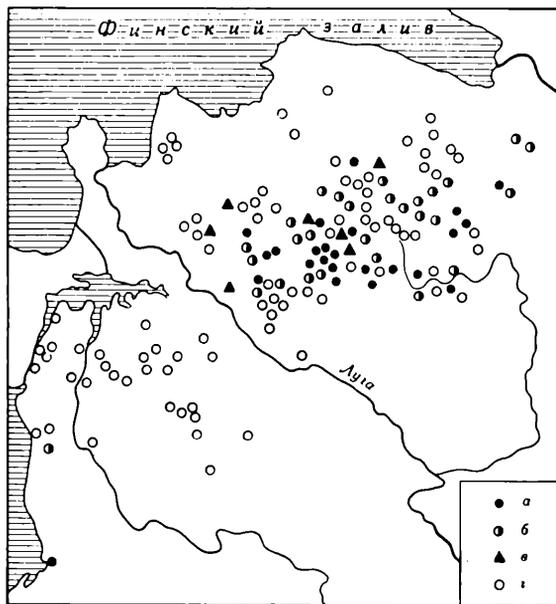
¹⁰ С. С. Гадзяцкий. Указ. соч., стр. 128.

¹¹ Грамота новгородского архиепископа Макария от 1534 г. об искоренении языческих обрядов в Водской земле. ПСРЛ, V, стр. 73—74.

¹² А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии. ..., стр. 35.

Рис. 8. Распространение погребений с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли

- а — небольшие могильники (1—10 курганов) с погребениями XI—XIII вв., содержащими орудия труда;
- б — более крупные могильники (свыше 10 курганов) с погребениями XI—XIII вв., содержащими орудия труда;
- в — могильники с погребениями XIV—XV вв., содержащими орудия труда;
- г — могильники без погребений с орудиями труда

37 сопровождалось серпами, 9 — косами, 10 — топорами. В мужских погребениях встречено 7 серпов, 5 кос, 35 топоров.

Почти полное отсутствие фиксации погребального обряда не дает возможности провести его анализ на материале рассматриваемых погребений. Лишь отрывочные сведения из дневников Л. К. Ивановского могут быть использованы при характеристике обряда части погребальных комплексов. Так, в курганах с орудиями труда у деревень Мутакуля, Рабитицы, Канарщина, возможно Таровицы и Прологи, встречены костяки в сидячем положении. Более того, из 13 раскопанных у дер. Рождествено курганов лишь в одном кургане 13 был обнаружен костяк в сидячем положении (единственный из всех исследованных погребений в могильнике с такой обрядовой особенностью) и орудие труда (также встреченное лишь в этом кургане)¹³. Погребения с костяками в сидячем положении составляют характерную особенность для всего Северо-Запада и встречаются далеко за пределами Водской земли¹⁴. Вряд ли они могут являться обрядовой особенностью лишь местного (водского) населения. Из других интересных погребений с орудиями труда, отмеченных в дневниках Л. К. Ивановского, можно указать на парное погребение в кургане 5 у дер. Яскелево, сопровождаемое серпом, причем, как сообщает автор раскопок, «...голова женского костяка отделена, и ее сожженная часть лежала на жертвеннике»¹⁵. Близкий этому обряду был прослежен в одном из «чуждских» курганов Южного Приладожья¹⁶. Однако инвентарь погребения у дер. Яскелево — общерусского облика и включает в себя ромбошитковое височное кольцо.

Инвентарь погребений с орудиями труда не представляет ничего своеобразного, однако комплексный анализ позволил выявить некоторые интересные закономерности встречаемости отдельных типов вещей в рассматриваемых памятниках.

Височные кольца Ижорского плато и Северо-Восточного Причудья

¹³ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии... стр. 108.

¹⁴ Н. К. Рерих. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, нов. серия, 1899, стр. 365—373.

¹⁵ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии... стр. 61.

¹⁶ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, 1895, стр. 20—23.

представлены несколькими типами: это и ромбошитковые височные кольца, и браслетообразные с завязанными концами, и специфически «ингерманландские» — многобусинные, выделенные В. В. Седовым в качестве этнокультурных индикаторов водских традиций¹⁷. С орудиями труда почти исключительно сочетается только один тип височных колец — ромбошитковые. В 19 комплексах с орудиями труда встречено 40 экземпляров височных колец этого типа, что составляет около 12% от общего их числа на северо-западе Водской пятины (312 экз.). Браслетообразные височные кольца, насчитывающие в общей сложности 235 экземпляров, встречены лишь в одном погребении с орудиями труда, да и то не на Ижорском плато, а в Причудье, где, как указывалось, обычай класть в могилы производственный инвентарь не получил распространения. Оба эти типа височных колец синхронны и датируются в основном XI—XII вв., хотя и заходят в более позднее время¹⁸. Третий же тип — многобусинные височные кольца — относится к более позднему времени и может быть отнесен к концу XII—XIV вв. В процессе исследования было учтено не менее 196 находок колец этого типа в 113 погребальных комплексах. Однако не было зафиксировано ни одного случая, где бы многобусинные кольца встречались вместе с орудиями труда.

Для северо-западной части Новгородской земли исключительно характерны обрубленноконечные витые браслеты, выделяемые В. П. Левашевой в качестве этнического признака новгородских словен¹⁹. На территории Ижорского плато и Северо-Восточного Причудья учтено не менее 290 браслетов этого типа. Из них 43 экземпляра встречены в 34 комплексах с орудиями труда. Небезынтересно отметить, что на рассматриваемой территории известно лишь 39 погребений с орудиями труда, содержащих браслеты всех типов; господствующий тип, таким образом, — витые обрубленноконечные браслеты.

Орудия труда встречены в трех из десяти известных погребений с булавками эстско-ливского типа, в 15% всех погребений с трапециевидными подвесками, в 15% погребений с цепочками и бубенчиками и т. д.

Погребения с орудиями труда составляют лишь 5% от общего количества рассмотренных курганов и жальничных погребений (6400); таким образом, встречаемость в этих комплексах вышеназванных типов вещей в 2,5—3 раза превышает среднюю встречаемость. Возможно, это обусловлено самой специфичностью рассматриваемой категории средневековых древностей — погребений с ярко выраженной языческой обрядовой традицией. В то же время анализ комплексов с орудиями труда позволяет сделать следующий вывод: население, оставившее эти погребения, характеризуется ромбошитковыми височными кольцами новгородского типа, «северо-западным» типом браслетов, связываемым со словенскими новгородскими²⁰, наличием цепочек, бубенчиков, трапециевидных подвесок, спиралек как постоянных элементов женской одежды. Можно предположить, что для него же типичны распространенные на Северо-Западе погребения в сидячем положении. Несмотря на широкую распространенность на рассматриваемой территории многобусинных височных колец и браслетообразных проволочных, в погребениях с производственным инвентарем они фактически не встречаются. По своему инвентарю погребения с орудиями труда могут быть связаны с древностями новгородских словен. Древний обычай погребать умерших с орудиями труда существовал вплоть до эпохи позднего средневековья, причем поздние проявления этого обряда можно проследить лишь на окраинах курганной области.

¹⁷ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, 1895, стр. 193—195.

¹⁸ В. П. Левашева. Височные кольца. «Труды ГИМ», вып. 43, 1967, стр. 7—55.

¹⁹ В. П. Левашева. Браслеты. «Труды ГИМ», вып. 43, 1967, стр. 220.

²⁰ Там же, стр. 220.

В. В. СЕДОВ

К ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЙ ЧЕРНОЙ РУСИ

Древнерусские городища Белорусского Понеманья — области, именуемой в исторических источниках Черной Русью, в последних десятилетиях были обстоятельно обследованы и описаны Ф. Д. Гуревич и П. А. Раппопортом¹. Два интереснейших памятника Древней Руси не привлекли внимания этих исследователей.

Один из них — городище, расположенное в 1,5 км юго-восточнее пос. Острино Щучинского р-на Гродненской обл.² Городище находится близ дер. Кульбачи на противоположном левом берегу р. Остринки, впадающей в Котру (правый приток Немана). Устроено оно на склоне пологого берега реки, вплотную примыкая к заболоченной долине реки (рис. 9, 1).

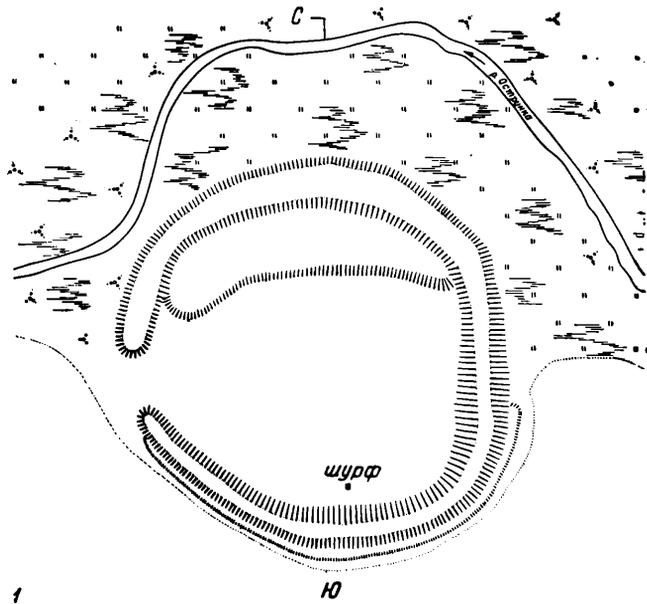
Площадка городища имеет округло-овальные очертания, ее размеры 70×56 м. Городище окольцовано валом, высота которого с напольной стороны достигает 3—3,5 м, с противоположной — 2—2,5 м. Ширина основания около 12 м. Склоны вала очень крутые, ныне плотно задернованные. С напольной стороны за валом прослеживается заплывший ров. С западной стороны вал прерывается. Вероятно, здесь был въезд на городище. В обресте вала видна сплошная кладка из мелких камней. По-видимому, основание вала или его ядро было сложено из камней. В северной части городищенской площадки, непосредственно перед валом находится ров шириной 10—16 м и глубиной около 1,5 м.

Площадка городища плотно задернована и не имеет повреждений. Разведывательный шурф размерами 1×1 м, заложенный в южной части городища, выявил толстый культурный слой темно-серого цвета. На глубине 0,6 м открылась печь-каменка. Во избежание повреждения последней шурфовка была приостановлена. В шурфе собрано несколько обломков древнерусской гончарной керамики, позволяющей предварительно датировать поселение XII—XIII вв.

Описываемое городище принадлежит к укрепленным поселениям, имеющим геометрическую круглую форму, не зависящую от конфигурации рельефа местности, а являющуюся результатом замысла строителей городища. Такие укрепления известны во всех областях Древней Руси и появляются довольно рано (в X—XI вв.) в ее юго-западных землях и в XII в. на северо-востоке.

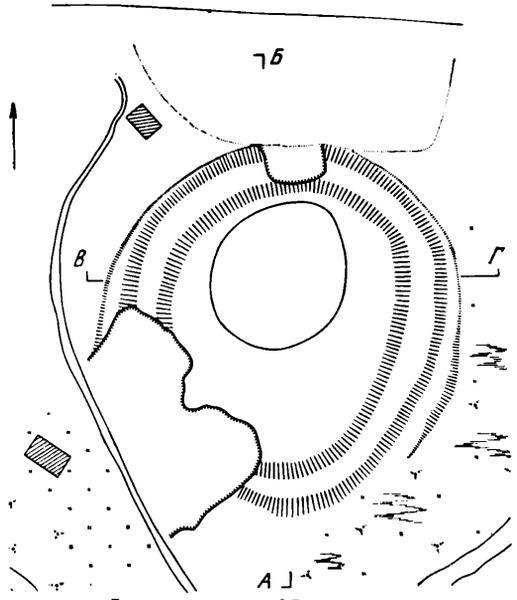
¹ Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962; П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. МИА, № 140, 1967.

² Оба памятника обследованы автором (Архив ИА, д. р—I, № 3844). Ранее были отмечены Ф. В. Покровским (Ф. В. Покровский. Археологическая карта Виленской губернии. «Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда». Вильна, 1893, стр. 98, 99, 110, 111).

1
Ю
Разрез по линии ЮС
(Вертикальный масштаб увеличен в 4 раза)

Ю С

2
Разрез по линии АБ
(Вертикальный масштаб увеличен в 2 раза)

А Б

Разрез по линии ВГ
В Г

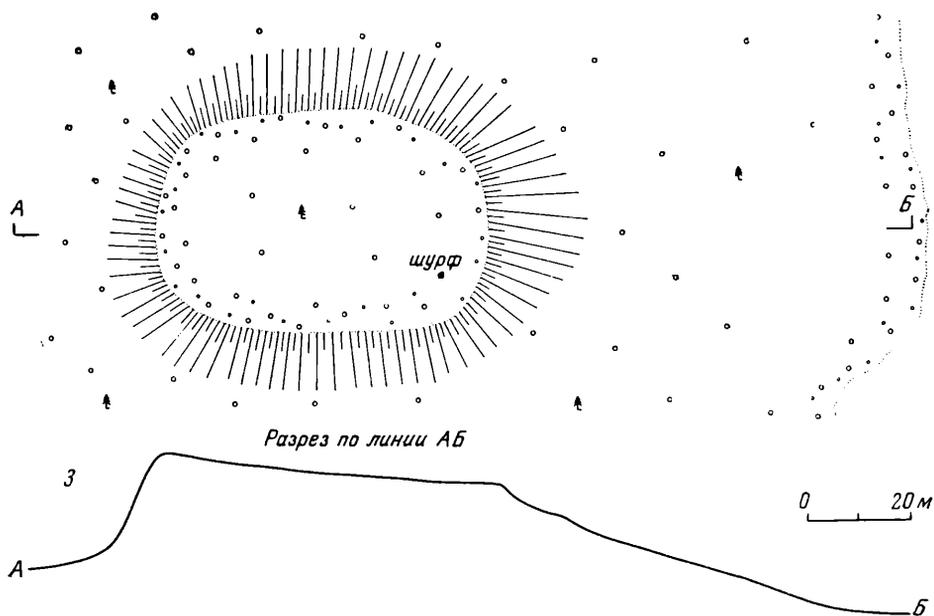

Рис. 9. Планы городищ

1 — городище Остринское (Острее); 2 — городище Костенево (Веверек) 3 — Кошели

До проведения широких раскопочных исследований на городище невозможно ответить на вопрос о времени и причинах прекращения функционирования жизни на нем. Согласно местному преданию, вал был насыпан во время войны с татарскими отрядами. Находящееся в 0,5 км от городища древнее кладбище с погребениями, обозначенными камнями, местное население называет «татарскими могильцами». Безусловно, что это городище было сооружено задолго до татаро-монгольского нашествия на Русь, а кладбище никакого отношения к татаро-монголам не имеет. Вместе с тем не исключено, что гибель описываемого укрепленного поселения связана с событиями 1258—1259 гг., когда татаро-монгольские ханы послали на Литву многочисленную рать Бурундая, которая нанесла тяжелый удар по литовским землям: «...взяша Татарове всю землю Литовскую, а самехъ избиша»³. Удар по Литве наносился с юга, поэтому понеманские поселения могли оказаться в числе наиболее пострадавших. Земли Черной Руси в 1240-х годах были захвачены литовским князем Миндовгом.

Второе городище находится в восточной части Щучинского района на окраине дер. Костенево. Устроено оно на правом берегу р. Костеневки, в ее излучине, на склоне возвышенного берега. Городище, как и выше описанное, принадлежит к типу круглых укреплений, сооруженных независимо от рельефа местности. По периметру городище обнесено кольцеобразным валом высотой 2—3 м и шириной в основании 6—12 м. За валом заметны следы заплывшего и запаханного рва (рис. 9, 2).

Размеры внутренней площадки городища 52×46 м. Она плотно задернована. С юго-западной стороны городище сильно повреждено карьером. В обнажении хорошо виден интенсивно черный культурный слой толщиной 0,3—0,4 м. Собраны обломки древнерусской гончарной кера-

³ «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 82.

мики, позволяющей датировать поселение XII—XIII вв. Кроме того, в культурном слое отмечены многочисленные угли, обожженные камни и часть сгоревшей бревенчатой постройки. Ф. В. Покровский пишет, что на городище с незапамятных времен было устроено кладбище⁴. Однако каких-либо следов кладбища на городищенской площадке не заметно. Местные жители сообщили, что при карьерной разработке юго-западной части городища прямо под дерновым слоем обнаружены кости нескольких скелетов. Городище, нужно полагать, было оставлено жителями в связи с какими-то событиями. По народному преданию, пространство между городищем и дер. Глебовцы, отстоящей от него на 1 км, было местом какого-то кровавого сражения, которое сейчас приурочивается ко времени шведской войны. Поэтому можно полагать, что скелеты, найденные на городище, принадлежат защитникам и жителям поселения. Это событие, насколько можно судить по разведывательным материалам, относится к XIII в. и не исключено, что связано с походом на Литву татаро-монгольского войска 1258—1259 гг.

Остринское и Костеневское городища были построены на самых северных рубежах Черной Руси, входящей в XII—первой трети XIII в. в состав Волынского княжества. Севернее начинались литовские земли. По-видимому, это были пограничные городки — опорные пункты галицко-волыньских владений, и возникли они не стихийно, а по замыслу строителей.

Весь облик городищ и их довольно крупные размеры позволяют полагать, что это были города. Удастся определить и их названия. Костеневское городище находится поблизости от р. Ваверки (Вавюрки), впадающей в Лебеду (правый приток Немана). В нескольких километрах от городища, судя по спискам населенных мест, составленным в начале XX в., имелось пять топонимов, производных от названия этой реки⁵. С. Ваверка является древним. Под названием Ваверки (Великой Ваверки) поселение записано в документах XVI в⁶.

В «Списке русских городов дальних и ближних», помещенном в Новгородской первой летописи, назван город Вевереск⁷. М. Н. Тихомиров, исследовавший этот документ и изучивший географию городов, упомянутых в нем, отнес Вевереск к числу «загадочных». Его местоположение определить не удалось⁸. Как показал М. Н. Тихомиров, «Список русских городов» был составлен в конце XIV в. Однако при его составлении были использованы старые письменные документы, поэтому в перечень городов попали не только те, которые существовали в XIV в., но и более ранние, в том числе и некоторые разгромленные татаро-монголами.

Как будто есть все основания для отождествления летописного Вевереска с Костеневским городищем (рис. 10). Город погиб в результате вражеского нашествия. Погибла и основная часть его жителей. Оставшиеся в живых, как это иногда бывало в грозные годы середины XIII в., не вернулись на городище, а основали небольшое поселение поблизости, перенеся на него и его прежнее название.

В том же «Списке русских городов» назван город Острее, который можно отождествлять с Остринским городищем. М. Н. Тихомиров поме-

⁴ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Виленской губернии, стр. 98.

⁵ Виленская губерния. Полный список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении, составленный по официальным сведениям И. И. Гошкевичем. Вильна, 1905, стр. 204. На обширной территории, прежде составляющей западно-русские земли, подобные топонимы единичны. Кроме названного региона, они известны только в двух местах Виленского уезда (Ваверки и Войверишки-Ваверишки).

⁶ «Акты Виленской археографической комиссии», т. 22. Вильна, 1895, стр. 417.

⁷ «Новгородская Первая летопись...», стр. 476.

⁸ М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. «Исторические записки», т. 40, 1952, стр. 214—259.

- 1 — Индура;
- 2 — Муравельник;
- 3 — Кошели;
- 4 — Эбочно;
- 5 — Меречешчина;
- 6 — Турецкая Гора;
- 7 — Яново;
- 8 — Гольника;
- 9 — Высоцк;
- 10 — Деревня;
- 11 — Саяюки;
- 12 — Огородники;
- 13 — Мыто;
- 14 — Ольжево;
- 15 — Пурневичи;
- 16 — Селище;
- 17 — Радогоща

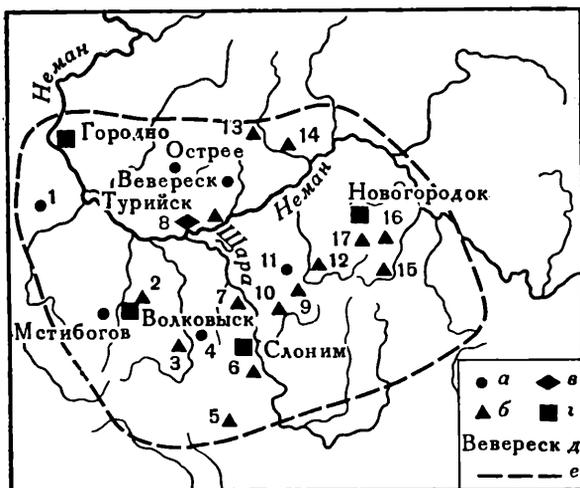

Рис. 10. Древнерусские городища Верхнего Понеманья

a — городища круглые в плане; *b* — городища, устроенные на мысах и холмах; *v* — городища «волинского типа»; *z* — городища сложного или неопределенного типа; *d* — города, названные в летописях; *e* — приблизительная граница Черной Руси.

стил Острее в северной части Полоцкой земли, в междуречье Ловати и Великой, исключительно на том основании, что здесь ныне имеется дер. Острейя. Однако городища, которое можно было бы считать остатком летописного города, в этой местности не оказалось. Поэтому от предложенной М. Н. Тихомировым локализации летописного города Острее нужно отказаться.

При определении местоположения летописных городов необходимо считаться с двумя обстоятельствами — топонимическим и археологическим. На территории Западной Руси имеется несколько населенных пунктов с названиями, близкими к рассматриваемым топонимам, но древнерусские городища в их окрестностях отсутствовали. Поэтому вернее всего отождествить летописное Острее с Остринским городищем. Расположено оно, как уже сказано выше, на реке, называемой ныне Остринкой. Может быть, в древности река именовалась Остреей. В таком случае название города было производным от гидронима.

На территории Черной Руси имеется еще четыре городища геометрически правильной округлой формы. Два из них, как и вышеописанные, относятся к XII—XIII вв. Это — Мстибогов городок в местечке Мстибогово и городище у дер. Эбочно (рис. 10). Мстибоговское городище расположено в сильно заболоченной низине. Площадка городища (в виде правильного круга диаметром 30 м) окружена мощным кольцевым валом. На городище встречаются редкие фрагменты керамики XII—XIII вв., а также обломки посуды XVII—XVIII вв. Очевидно, что укрепление было создано в XII или в начале XIII в. П. А. Раппопорт связывает городище с волинским боярином Мстибогом, упоминаемым в летописи под 1202 г.⁹

Городище у дер. Эбочно также сооружено на плоской болотистой местности. Оно имеет два концентрических кольцевых вала на расстоянии 15 м один от другого. Размеры внутренней площадки городища 60×45 м. На основе керамического материала культурный слой дати-

⁹ П. А. Раппопорт. Мстибогов городок. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 105—107.

руется XII—XIII вв.¹⁰ Збочновское городище, по-видимому, является остатками древнерусского города. Его название пока не поддается определению¹¹. Эти городища, возникшие в XII в., по всей вероятности, отражают тесную связь Понеманской Руси с Волынью и построены волынскими князьями в качестве опорных пунктов.

Два круглых городища — Индурское и Санюковское, по-видимому, принадлежат к первому этапу славянской колонизации Понеманья. Это — не городские памятники. Индурское городище имеет круглую площадку размером 18×16 м и два кольцевых вала. Датируется оно X—XI вв.¹² Городище в Санюках имеет диаметр 34 м и также окружено валом. Культурного слоя на городище нет, но у его подножия обнаружено поселение с керамикой X—XI вв.¹³ Очевидно, городище служило убежищем для населения, жившего на неукрепленных поселениях.

К X—XI вв., по-видимому, относится также городище у дер. Голынка¹⁴. П. А. Раппопорт причисляет его к городищам «волынского типа»¹⁵.

В настоящей статье нет необходимости характеризовать древности крупных городов Черной Руси — Городно, Новогрудка, Волковыска и Слонима. Им посвящены специальные исследования¹⁶.

Все остальные городища Понеманской Руси не связаны со специальным княжеским или оборонным строительством. Они возникали стихийно в среде местного славяно-ятвяжского населения. Для сооружения городищ выбирались изолированные холмы, возвышенности или речные мысы. Формы и размеры их весьма разнообразны, зависят исключительно от рельефа местности.

К мысовым принадлежат городища в Высоцке, Огородниках, Радогоще и Яново. С напольной стороны они укреплены одним-двумя валами. На изолированных возвышенностях устроены городища в Деревне, Меречевщине, Муравельнике (Волковыск), Мыте, Ольжеве, Пурневичах, Селище и Жировицах (Слоним). На городищах Муравельник, Пурневичах и Селище имеются валы, остальные же лишены оборонительных сооружений. Размеры городищ — от 20×35 и до 50×100 м.

Культурные напластования на этих городищах очень слабые или отсутствуют вовсе. Как правило, около городищ расположены селища. На городищах и селищах встречается раннегончарная керамика X—XI вв., а на единичных памятниках — и лепная посуда IX—X вв. Таким образом, эта группа городищ относится к периоду начального заселения славянами Верхнего Понеманья, до формирования славяно-ятвяжского

¹⁰ П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель, стр. 86—88.

¹¹ По местному преданию, с. Озерница, расположенное недалеко от городища, было в древности городом (Ф. В. Покровский. Археологическая карта Гродненской губернии. «Груды IX АС», т. I. М., 1895, стр. 36). Однако в летописях нет упоминаний города с таким названием.

¹² Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья, стр. 193; П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель..., стр. 83—85.

¹³ Там же, стр. 89.

¹⁴ Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья, стр. 146.

¹⁵ П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель..., стр. 111.

¹⁶ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954; Ф. Д. Гуревич. Об околном городе летописного Новогрудка X—XIII вв. СА, 1962, № 1, стр. 241—252; она же. К истории Новогрудка X—XI вв. Сб. «Культура и искусство Древней Руси». Л., 1967, стр. 26—30; она же. Новые материалы по истории Новогрудка. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 114—119; В. Р. Тарасенко. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. «Материалы по археологии БССР», т. I. Минск, 1957, стр. 258—279; Г. П. Пех. Раскопки в Волковыске в 1958 г. СА, 1963, № 1, стр. 231—236; П. А. Раппопорт. Раскопки в Волковыске в 1959 г. Там же, стр. 237—240; Я. Г. Зверуго. Некоторые итоги раскопок в Волковыске. «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 284—298; он же. Новые данные о древнем Волковыске. «Древности Белоруссии». Минск, 1969, стр. 149—178; он же. Раскопки древнего Слонима. «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 275—279.

симбиоза, характеризуемого единой культурой, мирными взаимоотношениями славян с ятвягами и ассимиляцией последних.

Исследованное автором городище при дер. Кошели в верхнем течении р. Зельвянки дает основание предполагать, что такие городища строило и местное ятвяжское население.

Кошелинское городище находилось на одном из холмов левого берега Зельвянки. Еще несколько десятилетий назад у подножия холма протекала речка Барсучинка, впадающая в р. Зельвянку. Площадка городища имеет овальные очертания, ее размеры 65×40 м (рис. 9, 3). Валы отсутствуют, и лишь склоны холма в отдельных местах были подправлены для большей их крутизны. Из-за наклона площадки городища к востоку культурный слой в значительной части ее сполз. В западной и средней частях он отсутствует вовсе, а в восточной достигает толщины 0,6 м. На городище найдены единичные фрагменты ранней гончарной керамики, позволяющие датировать поселение X—XI вв.

На поле близ городища сохранились четыре кургана, расположенные на расстоянии от 15 до 90 м один от другого. Высота насыпей достигает 2,3 м, а диаметры оснований — 9—13 м. Все они имеют каменный покров на склонах и, следовательно, могут быть отнесены к ятвяжским погребальным памятникам. В одном раскопанном кургане вымостка, сложенная из плотно подогнанных небольших камней, сохранилась только на северном склоне насыпи. В кургане открыто одно безурновое и безынвентарное трупосожжение, а в основании прослежен зольный слой толщиной 15—30 см, в котором обнаружено несколько несожженных костей животных.

В XII—XIII вв. все эти городища, по-видимому, потеряли свое значение и были оставлены населением. Только одно городище переросло в древнерусский город. Это — городище в с. Турейске (летописный Турыйск, упоминаемый в Ипатьевской летописи под 1253 и 1276 гг.). Устроено оно на продолговатой возвышенной гряде и с двух противоположных сторон защищено дугообразными рвами (валы не сохранились). С двух других сторон площадка городища ограничена склонами, опускающимися в болотистую пойменную низину р. Немана. При раскопках К. Т. Ковальской найдены керамика и вещи, характерные для XI—XIII вв.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

ВОЕННОЕ ДЕЛО
В ГОРОДАХ ЗЕМЛИ ВЯТИЧЕЙ
(По материалам древнерусского Серенска)

Археологические исследования древнерусских поселений земли вятичей, проводившиеся Верхнеокской экспедицией в течение последних пяти лет, дали такое множество предметов вооружения, конской упряжи и снаряжения воинов, что появилась возможность сделать некоторые выводы о состоянии военного дела в этой далекой и когда-то считавшейся глухой окраине Черниговской земли. Разделяя мнение исследователей о том, что русское вооружение является одним из основных показателей уровня развития культуры¹, добавлю, что предметы вооружения, изготовление которых требовало большого искусства и технического мастерства, характеризуют не только состояние военного дела, но и хозяйственную деятельность населения (ремесло, торговлю), и его социальный состав. Несомненно одно, что многочисленные предметы вооружения вятичских воинов изготовлены именно в земле вятичей. Во всяком случае стрелы, копья, стремена, шпоры ковались местными кузнецами, и только некоторые виды дорогого оружия и доспехов (меч, сабли, булавы) привозились в вятичские городки из Киева, Чернигова, Новгорода.

В материалах, собранных при раскопках древнерусских городищ земли вятичей, особенно при исследовании поселений городского типа (Серенск, Домагощ), представлены все виды оружия, известные в Древней Руси: это оружие дальнего боя, ближнего боя и защитное вооружение.

В данной статье невозможно рассмотреть все имеющиеся в нашем распоряжении предметы вооружения, поэтому остановимся здесь только на вещах, найденных при раскопках Серенского детинца, в котором наиболее полно представлены все упомянутые виды оружия древнерусского воина.

Из оружия дальнего боя в Серенске найдено 123 железных наконечника стрел, из оружия ближнего боя — шесть наконечников копий и девять втоков к ним, целая сабля и обломок клинка другой, обломки клинков двух мечей, четыре перекрестия мечей, наконечник сабельных ножен, бронзовое навершие меча, пять сабельных перекрестий, бронзовая булава, два железных кистеня; от защитного доспеха — 59 железных пластинок от брони, восемь обрывков кольчуги; из снаряжения всадника —

¹ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. «Доклады и сообщения Истфака МГУ», вып. 4, 1946, стр. 3 и А. Н. Курпичников. Древнерусское оружие, вып. 1. САИ, Е1—36, 1966, стр. 5.

осемь стремян и семь шпор; из снаряжения коня — удила, псалии, конские подковы, обломки конских скребиц.

Особняком стоит интереснейшая находка полевого сезона 1967 г. — железная лицевая маска, обнаруженная в Серенском детинце, в слое пожара первой половины XIII в.², возможно также являвшаяся частью ащитного доспеха³.

Многочисленные находки наконечников стрел объясняются, по-видимому, развитием легкой конницы, вооруженной луками, появление которой было прогрессом в военном деле домонгольской Руси⁴.

Оружие дальнего боя. Почти все найденные наконечники стрел были перешковыми⁵. Из 123 наконечников, собранных в Серенском детинце, в группе граненых, бронебойных относятся 72 наконечника; остальные — плоские.

Группу плоских образуют четыре типа: 1) ланцетовидные наконечники с упором для древка, представляющие в сечении плоский ромб (рис. 11, 1, 2); это самый ранний тип стрел, встречающийся в памятниках IX—XI вв. Восточной Европы, а также на западе (Норвегия, Швеция)⁶; 2) ромбовидные наконечники (поздних типов) с расширением в средней и нижней частях пера (рис. 11, 4)⁷; 3) двушипный с короткими шипами и его варианты (рис. 11, 3, 5). Подобные наконечники распространены на Руси во второй половине XII в. и в первой половине XIII в.⁸; 4) срезни в виде удлиненной узкой лопаточки с упором для древка (рис. 11, 6—8). Их найдено 12 экземпляров (один из них в раскопках Н. И. Булычева)⁹. Большое количество срезней, появившихся в древнерусских поселениях в связи с монгольским нашествием (не ранее XIII в.)¹⁰, является бесспорным свидетельством осады Серенска татаро-монголами (1238 г.).

В группу граненых входят наконечники одиннадцати типов:

1. Ланцетовидный наконечник с трехгранным пирамидальным острием и длинной шейкой (рис. 11, 9). Ближайшей аналогией ему является находка из Новгорода, сделанная в слое середины XI в.¹¹

2. Вытянутый, узкий наконечник ромбического сечения со слегка выпуклыми сторонами и длинной шейкой. Почти точной аналогией ему является наконечник, найденный в Новгороде в слое X в.¹²

3. Долотовидные наконечники (рис. 11, 13) представлены восемью экземплярами из наших раскопок и двумя экземплярами — из раскопок Н. И. Булычева¹³. Хронологические рамки существования этих наконечников довольно широки — X—XIII вв.¹⁴

² Т. Н. Никольская. Древнерусский Серенск — город вятичских ремесленников. КСИА, вып. 125, 1971, стр. 81, рис. 27.

³ А. Н. Кирпичников. Русские шлемы X—XIII вв. СА, 1958, № 4, стр. 61.

⁴ Б. А. Рыбаков. Военное дело (стратегия и тактика). «История культуры Древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 404.

⁵ При характеристике серенских наконечников стрел используется типология, разработанная А. Ф. Медведевым. (А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959; он же. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) XIII—XIV вв. САИ, К1—36, 1966). Однако некоторые экземпляры стрел, найденные в Серенске, выходят за рамки данной типологии; не всегда совпадает их датировка с хронологией, предложенной А. Ф. Медведевым.

⁶ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 152, рис. 13, 9, 10.

⁷ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие..., стр. 66, тип 43.

⁸ Там же, стр. 62, тип 31.

⁹ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XXIV, рис. 15.

¹⁰ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 167, тип 19.

¹¹ Там же, стр. 169, рис. 13, 38. (По Медведеву, тип 2).

¹² Там же, стр. 169, тип 4, рис. 13, 40.

¹³ Н. И. Булычев. Указ. соч., табл. XXIV, 17, 14.

¹⁴ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 169, тип 5, рис. 13, 42.

4. Пирамидальный трехгранный наконечник с длинной узкой головкой и коротким черешком, не имеющий полной аналогии, но напоминающий наконечник из Новгорода, найден в слое XII в.¹⁵

5. Пирамидальный, квадратный в сечении наконечник с короткой массивной головкой (рис. 11, 10), почти полностью повторяющий подобный же наконечник из Новгорода, найден в слое второй половины XII в.¹⁶ Такие наконечники встречены и в Старой Рязани¹⁷. Еще пять пирамидальных наконечников из Серенска имели иную форму. Один из них — с вытянутой тонкой головкой (длина 3,5 см, длина всего наконечника 4,5 см) и упором для древка; два других (один обломан) — также небольших размеров; они также не имели упора, четвертый имел широкое перо (без упора), также короткое (длина 3 см), грани которого в разрезе представляли ромб, пятый — с длинным четырехгранным пером квадратного сечения (длина пера 7,5 см, длина всего наконечника 9,5 см); на черешке сохранились остатки древка.

6. Шиловидные наконечники квадратные в сечении (с упором для древка) небольших размеров (длина пера 4—5 см, длина наконечника 5—9 см, ширина пера 4—7 мм). Их обнаружено три экземпляра (рис. 11, 11).

7. Шиловидный наконечник квадратный в сечении, с шейкой. Найдено два экземпляра (рис. 11, 12).

8. Килевидный наконечник ромбический в сечении, со слегка вогнутыми гранями (рис. 11, 15). Точные аналогии подобрать не удалось.

9. Килевидные наконечники с перехватом, ромбические в сечении (рис. 11, 14). Найдено их четыре экземпляра (длина наконечников 13 см, длина пера 6,5 см, ширина в самой широкой части 1,5 см). Еще один такой же наконечник стрелы встречен в Серенске при раскопках Н. И. Булычева (длина его 9 см, длина пера 6,5 см, ширина пера 1,2 см)¹⁸.

10. Ланцетовидные наконечники, ромбические в сечении (рис. 11, 16). Их встречено всего два экземпляра (длина наконечников 9—12 см, длина пера 5—7 см, ширина пера 1,3 см). Подобные наконечники известны в Новгороде в слоях XII—XIII вв.¹⁹

11. Лавролистный наконечник, ромбический в сечении, с перехватом, без упора (длина 9 см, длина пера 5,5 см, ширина пера 1,2 см). Он напоминает наконечники из Новгорода, найденные в слоях XIII—XIV вв.²⁰ Еще один такой наконечник обнаружен в Серенске Н. И. Булычевым (длина наконечника 12 см, длина пера 6,5 см, ширина пера 1,6 см)²¹.

Кроме наконечников стрел в Серенске выявлены костяные орнаментированные пластины со сквозными отверстиями, возможно накладки налучий (рис. 11, 17, 18).

Оружие ближнего боя. Обломки клинков двулезвийных мечей имели ширину 3 см и 4,2 см, толщину 0,3 см. На одном из них хорошо виден дол в виде узкого желобка (рис. 12, 11), характерного для мечей XII—XIII вв.²²

Одно из перекрестий меча (рис. 12, 6) по форме и размерам (длина его 12 см, ширина клинка у перекрестия 3,8 см, толщина клинка 0,5 см)

¹⁵ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 169, тип 5, рис. 13, 44 (стр. 170, тип 7).

¹⁶ Там же, рис. 13, 45 (стр. 170, тип 8).

¹⁷ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, рис. 43—А, 24.

¹⁸ Н. И. Булычев. Указ. соч., табл. XXIV, рис. 12.

¹⁹ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 170, тип 16.

²⁰ Там же, рис. 13, 53; 15, 7, стр. 158, № 122 (совпадают даже размеры и пропорции, отличие — наличие упора у новгородских наконечников).

²¹ Н. И. Булычев. Указ. соч., табл. XXIV, рис. 13.

²² А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, стр. 52.

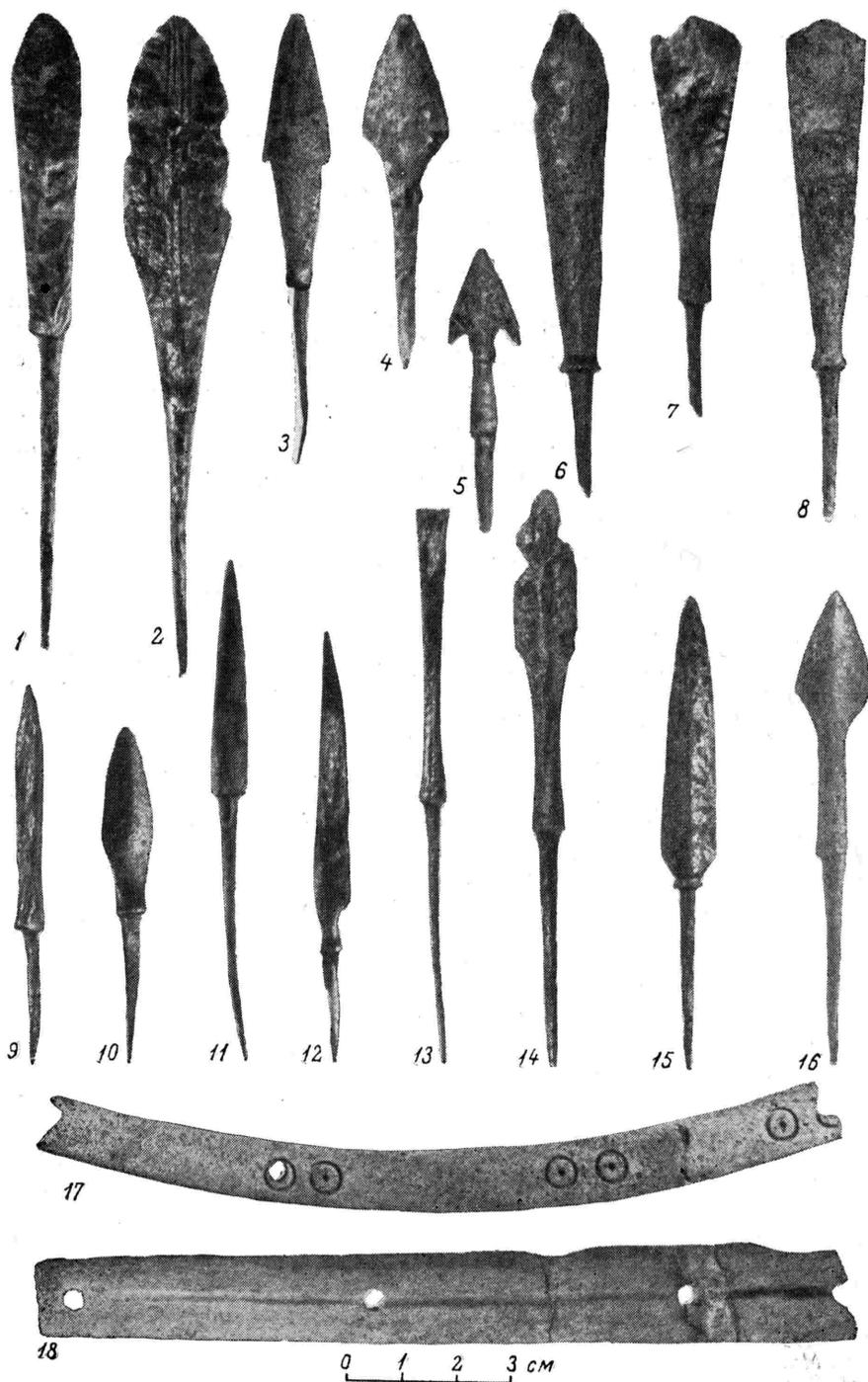

Рис. 11. Железные наконечники стрел (1—16) и костяные пластины от налучий (17—18) из Серенска

близко находке из Новгорода, происходящей из слоя середины XII в.²³ Второе перекрестие — прямое, без ромбовидных расширений и (длина 17 см, ширина клинка у перекрестия и толщина — 0,5 см)²⁴ имело форму, характерную для перекрестий русских и западноевропейских мечей XII—XV вв.²⁵ Третье, бронзовое, перекрестие (рис. 13, 3) относится, очевидно, к XII в. Длина его 9 см, ширина 3 см, толщина клинка 0,5 см. Перекрестие было слегка изогнуто, что характерно для мечей более раннего времени X—XII вв.²⁶ К XII в. относится, очевидно, и бронзовое семичастное навершие меча (рис. 13, 2), редко встречающееся в древнерусских памятниках²⁷.

Сабля имела небольшую длину в 70 см (ширина клинка 3,8 см) и малую кривизну лезвия (рис. 12, 14), что характерно было для клинков ранней поры — X—XI вв.²⁸ Однако ее прямое перекрестие с ромбическим расширением на середине его длины (длина перекрестия — 7 см) аналогично гардам, распространенным в XI—XIII вв.²⁹ В Серенске встречены подобные же перекрестия сабель больших размеров — длиной 9,5 см (рис. 13, 1).

Железный наконечник сабельных ножен из Серенска имеет цилиндрическую форму, длина его 5 см, ширина 2,5 см (рис. 13, 4).

Железных наконечников копий в Серенском детинце обнаружено сравнительно немного:

1. Копье с пером ланцетовидной формы, плавно переходящим во втулку (рис. 13, 6, 8). Длина копья 22,5 см, длина пера 10,5 см, диаметр втулки 2 см.

2. Наконечник с пером ромбической формы (конец пера обломан), длина его 18,5 см, длина пера 9 см, ширина пера 2,5 см, диаметр втулки 1,8 см (рис. 12, 1).

3. Копье втульчатое, с пером в виде двух расходящихся в стороны шипов. Наконечник — небольшого размера, его длина 10,2 см, длина пера 5 см, диаметр втулки 1,5 см (рис. 13, 7). Подобные копья, чаще называемые гарпунами, являлись преимущественно охотничьим оружием³⁰.

4. Копье с пером в виде четырехгранного стержня и воронковидной тульей (рис. 13, 10). Поперечное сечение лезвия — ромбовидное. Длина копья 18,5 см, ширина пера 1,3 см, диаметр втулки 2,8 см. Это самые узкие древнерусские копья, которые называют пиками³¹. Наконечник найден на городище Слободка, слой которого хорошо датируется второй половиной XII и первой половиной XIII в.

Кроме наконечников копий в Серенске найдены железные втоки для древков копий. Так же как и в Новгороде, они имеют форму конического колпачка с притупленным концом, но отличаются большими размерами (рис. 12, 10; 13, 9).

Боевых топоров в Серенске не выявлено. Правда, существует мнение, что боевые топоры, в полном смысле слова, были оружием князей или дружинников, а народное ополчение вооружалось главным образом рабо-

²³ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 122, 123, рис. 1, 8.

²⁴ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки X—XIII вв. МИА, № 72, 1959, стр. 127, рис. 44, 1, 2.

²⁵ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 123.

²⁶ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, стр. 52.

²⁷ При характеристике мечей XII—XIII вв. А. Н. Кирпичниковым упомянуты набалдашники только с трех- и пятичастным делением (А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, стр. 53).

²⁸ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, стр. 67.

²⁹ Там же, стр. 69.

³⁰ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, стр. 17 (тип VII).

³¹ Там же, стр. 15 (тип V).

Рис. 12. Предметы вооружения и снаряжения коня и всадника

1 — наконечник копья;	9 — конская скребица;	15, 16, 19 — шпоры;
2 — 4 — пластины от панциря;	10 — вьюк;	17 — стремя;
5 — обломок конской подковы;	11 — обломок меча;	18 — пряжка от шпоры;
6 — перекрестие меча;	12 — топор;	(1 — 6, 8, 10 — 19 — Серенск;
7 — навершие рукояти плетки;	13 — кистень;	7, 9 — Слободка)
8 — удила;	14 — сабля;	

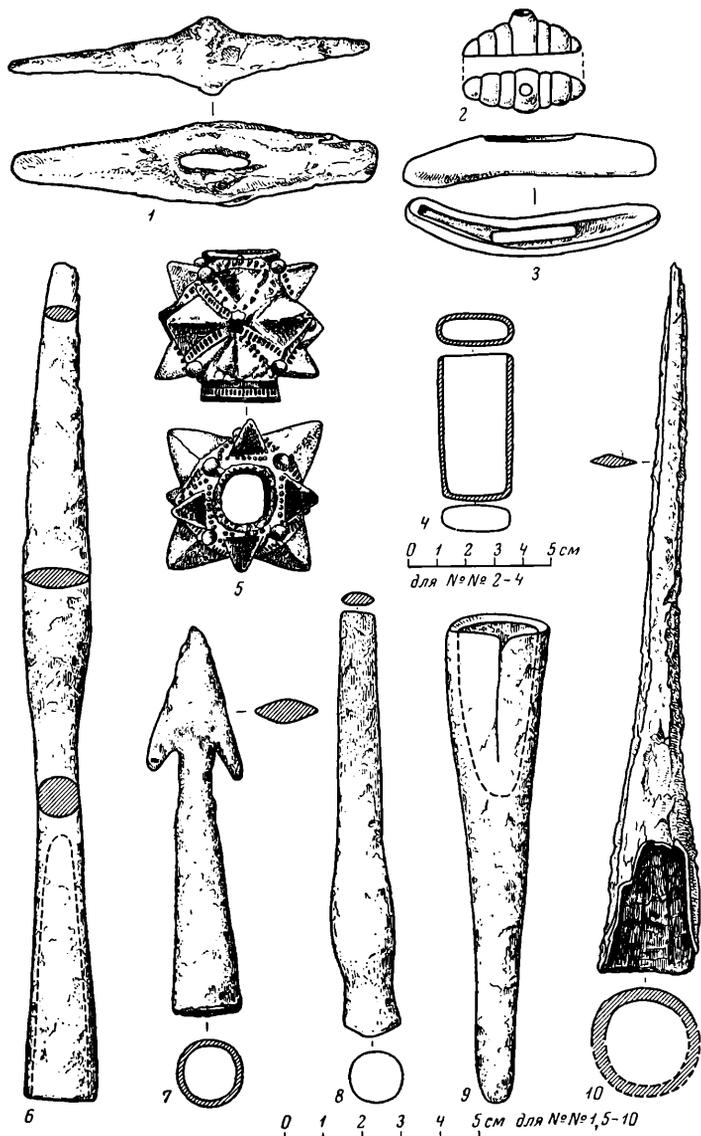

Рис. 13. Предметы вооружения

1 — перекрестие сабли;	4 — наконечник ножен сабли;	9 — вток (7 — 9 — Серенск;
2 — навершие меча;	5 — булава;	10 — Слободка)
3 — перекрестие меча;	6 — 10 — наконечники копий	

чими топорами³². Только один из серенских топоров приближается к боевым (рис. 12, 12) — широколезвийно-лопастной топор (по терминологии В. П. Левашевой)³³ — небольшой по величине и довольно легкий (длина его 125 мм, ширина лезвия 104 мм, диаметр проуха 30 мм).

К оружию ближнего боя относятся также бронзовая булава и железные кистени. Булава с пирамидальными шипами (рис. 13, 5) являлась, по-видимому, импортом из Киева, где известны мастерские для их про-

³² А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 131.

³³ В. П. Левашева. Сельское хозяйство. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». М., 1956, стр. 42 (тип III).

изводства³⁴. Подобные же булавы найдены и на Райковецком городище³⁵.

В детинце Серенска обнаружен железный кистень в форме шестигранника с круглым ушком для ремешка, похожий на булаву подобной же формы (рис. 12, 13).

В раскопках Н. И. Булычева был обнаружен железный кистень биконической формы с прямоугольной ручкой для продевания ремня³⁶. Известные по материалам Новгорода и Райковецкого городища кистени имели грушевидную форму и круглое ушко для ремня³⁷.

Защитное вооружение. Самый большой обрывок кольчуги носит следы пребывания в сильном огне — кольца оказались настолько спекшимися, что не поддавались расчистке. Сохранилось несколько целых колечек диаметром 12 мм. Второй обрывок — маленький, найден около костяка погибшего. Судя по нему, схема соединения колечек была такой: каждое кольцо (целое, без заклепок) охватывало три соседних кольца (внешний диаметр их 12 мм, толщина 1 мм)³⁸.

Еще более ценным защитным вооружением был пластинчатый доспех. Хорошо сохранившихся пластинок с отверстиями для нашивания на кожаную или матерчатую подкладку собрано 59. Некоторые из них уже опубликованы³⁹. Одна из пластинок — прямоугольная, с закругленной стороной (рис. 12, 3); она представляла собой, очевидно, часть оторочки панциря⁴⁰. Длина пластины 73 мм, ширина 60 мм, по краям имеются отверстия диаметром 3 мм. Остальные части панцирного доспеха представляли собой узкие прямоугольные пластины размерами 55—82×15—20 мм, толщиной 1 мм. Большинство из них имело от четырех до шести отверстий, а некоторые — заклепки. Пластины имели слабую кривизну (рис. 12, 2, 4). Почти все они найдены в слое XII—XIII вв.

Таким образом, раскопки в Серенске подтверждают сведения письменных источников о распространении на Руси «брони дощатой» уже в домонгольское время и не только в крупных центрах, но и на периферии.

Снаряжение всадника и коня. Из восьми серенских стремян целыми оказались только два. Одно из них изготовлено из широкой пластинки; оно — почти круглое, имеет широкую полукруглую подножку. В верхней части стремени — прямоугольное отверстие для ремешка (рис. 12, 17). Второе стремя по форме ближе к прямоугольному, чем к круглому. Оно изготовлено из толстого и круглого в сечении дрота, в верхней части расплющенного в виде своеобразной рамочки для ремешка, а в нижней — в миндалевидную подножку. Оба стремени по форме аналогичны найденным в Слободке⁴¹, на Бородинском вятичском городище Смоленщины⁴² и имеют сходство с новгородскими, характерными для XII—XIII вв.⁴³

Обнаруженные в Серенске шпоры разделяются на две группы: 1) с шипом; 2) с репейкой.

Шпора из полукруглого дрота с массивным пирамидальным шипом

³⁴ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 380, рис. 82; А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, стр. 54, 55.

³⁵ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XII, рис. 14.

³⁶ Н. И. Булычев. Указ. соч., табл. XXV, 6.

³⁷ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, рис. 7, 5, 6, 9.

³⁸ Т. Н. Никольская. К истории древнерусского города Серенска. КСИА, вып. 113, 1968, стр. 112, рис. 36, 7.

³⁹ Там же, рис. 36, 5, 7.

⁴⁰ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 175.

⁴¹ Т. Н. Никольская. Работа Верхнеокской археологической экспедиции (1960—1961 гг.). КСИА, вып. 96, 1963, стр. 27, рис. 3, 13.

⁴² В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92, 1960, стр. 112, рис. 57, 10, 11.

⁴³ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 188, рис. 22, 16.

на короткой шейке (рис. 12, 16) найдена в угольном слое середины XIII в. Аналогичные шпоры в Новгороде датируются XII—XIII вв.⁴⁴ Подобные же шпоры выявлены на обширной территории Древней Руси — от Полоцкой⁴⁵ до Владимиро-Суздальской земли⁴⁶.

Две шпоры с репейкой из полукруглого дрота (у одной колесико утрачено) найдены в верхнем горизонте культурного слоя и, по-видимому, относятся к XIII—XIV вв. (рис. 12, 19). Еще одна шпора с репейкой обнаружена при раскопках Н. И. Булычева⁴⁷. Шпора с репейкой известна из коллекции Бородинского городища⁴⁸. Обнаружены в Серенске и маленькие железные пряжки от шпор (рис. 12, 18).

Предметы конского снаряжения в коллекциях Серенского городища многочисленны. Встречено 22 пары удил целых и в обломках, два обломка конской скребницы и два обломка конских подков.

Удила имели наиболее распространенную форму, хорошо известную по материалам многих древнерусских городов. Они состояли из двух колец и двух звеньев, сделанных из дрота, квадратного или круглого в сечении. Размеры их более или менее стандартны: длина 25 см, диаметр колец 35—40 мм, толщина кольца 5,8 мм, толщина дрота 7—10 мм (рис. 12, 8).

В раскопках 1971 г. выявлен и железный псалий от уздечки, по форме напоминающий нарядные псалии из Новгорода⁴⁹.

Судя по обломку конской скребницы (рис. 12, 9), гребенка ее была двойной, полутрубчатой. Ручка к такой скребнице приклепывалась сверху и имела форму рогульки или трезубца, который забивался в деревянную рукоятку. Подобная целая скребница найдена на городище Слободка. По типологии конских скребниц Новгорода она относится ко второму типу⁵⁰, бытовавшему с XII по XIV в.

Обнаружено две половинки от двух разных конских подков (рис. 12, 5). По-видимому, так же как и подковы, найденные в Новгороде, они имели один шип в средней части⁵¹ (рис. 12, 5). Можно назвать здесь бронзовые навершия рукоятей плеток (рис. 12, 7), выявленных на городищах Слободка и Спасское. По форме они напоминают новгородские рукояти XI—XII вв.⁵²

В данной статье невозможно осветить все вопросы, связанные с организацией военного дела в городских гарнизонах земли вятичей. Здесь рассмотрен только один из этих вопросов — вооружение воина-дружинника, но даже такой краткий обзор основных категорий этого вооружения позволяет заключить, что военно-технический прогресс, который переживала Русь в XII в. и особенно в первой половине XIII в., не миновал и землю вятичей.

⁴⁴ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 191.

⁴⁵ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, стр. 175, рис. 43, 17.

⁴⁶ М. В. Седова. Предметы вооружения из Ярополча Залесского. КСИА, вып. 125, 1971, стр. 93, рис. 32, 1.

⁴⁷ Н. И. Булычев. Указ. соч., табл. XXV, рис. 7.

⁴⁸ В. В. Седов. Сельские поселения. . . , стр. 112, рис. 57, 9.

⁴⁹ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 188, рис. 22, 2.

⁵⁰ Там же, стр. 190, стр. 187, рис. 21, 2.

⁵¹ Там же, стр. 189, рис. 23, 8—10.

⁵² Там же, стр. 183, рис. 20, 3, 4.

П. А. РАППОПОРТ

ОРИЕНТАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ЦЕРКВЕЙ

Общеизвестно, что древнерусские церкви, как, впрочем, и все христианские, повернуты апсидами на восток. В действительности это не совсем точно, так как церкви в большинстве случаев повернуты апсидами лишь приблизительно на восток. Отклонения от восточного направления достигают настолько значительной величины, что их можно легко обнаружить даже невооруженным глазом, не прибегая к измерениям. Понятно, что такие существенные изменения ориентации нельзя объяснить одной только неточностью разбивки плана; здесь явно имеют место какие-то сознательные мотивы.

По отношению к памятникам романской и готической архитектуры данный вопрос уже издавна привлекал к себе внимание исследователей. В западноевропейской архитектуре существуют довольно многочисленные примеры церквей, направление нефа которых неточно совпадает с направлением апсиды, образуя как бы перелом продольной оси здания. Еще в XIX в. в литературе господствовала концепция, что такой перелом оси является сознательным приемом, символизирующим Христа, распятого на кресте и склонившего голову на плечо. Позднее выяснилось, что перелом оси всегда является следствием разновременности постройки частей здания: ось каждой части постройки была ориентирована на другую точку¹.

Однако чем же объясняется само отклонение оси от восточного направления? Средневековые богословы указывали, что церковь должна быть ориентирована алтарем прямо на восток. Очевидно, вопрос стоял о том, что понимали средневековые строители под востоком — географический восток или место восхода солнца. В западноевропейской литературе уже по крайней мере с XVII в. существует тенденция объяснять отклонение продольной оси церквей тем, что эту ось при закладке храма якобы ориентировали на ту точку горизонта, где солнце восходило в день патрона данного храма. Проверка этого положения привела исследователей к диаметрально противоположным выводам. Правда, почти все исследователи согласались, что ориентация связана с местом восхода солнца в день закладки. Но при этом большинство исследователей утверждало, что закладка производилась только весной или в начале лета — в дни, никак не связанные с днем патрона церкви². Некоторые же исследователи считали, что более точные расчеты, сделанные с поправкой

¹ R. de Lasteyrie. La déviation de l'axe des églises est-elle symbolique? Mémoires de l'Institut national de France. Académie des inscriptions et belles-lettres, t. 37, pt. 2. Paris, 1906, стр. 297; см. также: М. Мишич. Kapiteljska cerkev v Novem Mestu-problem njene lomljene osi. «Зборник Светозара Радојчћа». Београд, 1969, стр. 235.

² C. J. Cave. The Orientation of Churches. «The Antiquaries Journal». 1950, XXX, стр. 50.

на видимый местный горизонт, дают основания полагать, что церкви действительно закладывали в день патрона³. Таким образом, в западно-европейской научной литературе этот вопрос еще не получил окончательного решения.

Исследователи древнерусских памятников также обращали внимание на существенные различия в ориентации церквей⁴. Объяснение этому явлению обычно искали в том, что церкви обращали апсидами на место восхода солнца в день закладки здания. Закладку же церкви, как предполагали, производили в день того святого, которому было намечено посвятить данную церковь⁵. Таким образом, продольная ось каждой древнерусской церкви должна быть направлена на ту точку горизонта, где был видимый восход солнца в день патрона храма. Однако верно ли такое объяснение? Всегда ли церковь закладывали в день ее патрона? Проверки такого предположения на материале древнерусских памятников до сих пор не было сделано.

В древнерусских письменных источниках точные даты закладки церквей упоминаются довольно редко⁶. Во всех случаях, когда эти даты приводятся, они не совпадают с днем святого, которому посвящена церковь. Так, например, церковь Рождества Богородицы во Владимире была заложена 22 августа 1192 г.⁷ (день Рождества Богородицы — 8 сентября). Успенская церковь Княгинина монастыря во Владимире заложена 15 июля 1200 г.⁸, а Успенский собор в Смоленске — либо 7 марта 1100 г., либо 2 мая 1101 г.⁹ (день усупения — 15 августа). Церковь Федора Тирона в Новгороде заложена 28 апреля 1115 г.¹⁰ (день Федора Тирона — 17 февраля). Значительно чаще совпадает с днем патрона день освящения храма. Так, Успенский собор во Владимире был освящен после перестройки 14 августа 1189 г., т. е. накануне дня усупения¹¹. Собор Рождества Богородицы в Суздале был освящен 8 сентября 1225 г.¹² Церковь Бориса и Глеба в Ростове первоначально была освящена 25 августа 1218 г. (день апостола Тита) и вновь — после ремонта, в день Бориса и Глеба, — 2 мая 1253 г.¹³

В тех случаях, когда известны дни как закладки, так и освящения, с днем патрона церкви, как правило, совпадает именно день освящения. Успенский собор в Ростове был заложен 25 апреля 1213 г., а освящен был 14 августа 1231 г.¹⁴ Церковь Воздвижения Креста во Владимире заложена 6 мая 1218 г., в день св. Иова, а освящена в день воздвижения — 14 сентября того же года¹⁵.

Таким образом, письменные источники XII—XIII вв. свидетельствуют, что церкви обычно (хотя далеко не всегда) освящали в день патрона данного храма, а закладывали большей частью в день, не совпа-

³ H. Benson. Church Orientation and Patronal Festivals. «The Antiquaries Journal», 1956, XXXVI, стр. 210.

⁴ См., например: Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 71.

⁵ И. Ш. Шевелев. Строительная метрология и построение формы храмов древнего Новгорода конца XII в. СА, 1968, № 1, стр. 82.

⁶ Ссылки на данные письменных источников см., например: А. Рорре. Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X—XV w. Wrocław, 1962, стр. 22 (под термином «заложити»).

⁷ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. I. М., 1961, стр. 378.

⁸ Там же, т. I, стр. 438.

⁹ М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, стр. 124.

¹⁰ «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 204.

¹¹ Н. Н. Воронин. Указ. соч., т. I, стр. 354.

¹² Там же, т. II, 1962, стр. 19.

¹³ Там же, стр. 58.

¹⁴ Там же, стр. 55.

¹⁵ Там же, стр. 67.

дающий с днем патрона. К сожалению, в письменных источниках содержится очень небольшое количество сведений о днях заложения и освящения древнерусских церквей. Поэтому особенно большое значение приобретает ориентация самих сохранившихся памятников. Если день закладки определяет ориентацию церкви, то можно произвести и обратное действие, т. е. по ориентации церкви определить день ее закладки. Расчеты для определения дня закладки сделать несложно, необходимо лишь знать азимут продольной оси церкви. Этот азимут в сочетании с географической широтой места, где церковь расположена, дает возможность определить угол склонения солнца¹⁶. По склонению солнца можно определить две даты (весенний и осенний дни), соответствующие азимуту церкви¹⁷. Полученные дни отвечают новому стилю, т. е. григорианскому календарю. В настоящее время разница между новым и старым стилями составляет 13 дней. Разница эта нарастает примерно на три дня в 400 лет. В XII в. разница была на шесть дней меньше, чем сейчас, т. е. составляла семь дней. Следовательно, для перевода дней григорианского календаря в дни юлианского календаря XII в. необходимо из полученных дат вычесть семь дней. Для X в. следует вычесть шесть дней. Так будут получены дни, в которые восход солнца совпадал с азимутом данной церкви.

Измерение азимута оси церкви трудно выполнить с точностью большей, чем $1-2^\circ$. Между тем 2° азимута отвечают примерно 1° склонения солнца, что в свою очередь соответствует приблизительно трем календарным суткам, а в летние месяцы доходит даже до десяти суток. Таким образом, искомую дату можно определить с точностью не более трех дней, а в том случае, если эта дата близка к середине лета, то вероятность точности будет еще меньшей. Кроме того, даты определяются для геометрического горизонта. Реальный, видимый горизонт на участке, где строилась церковь, часто бывал несколько сужен, так как с востока от церкви могли находиться всхолмления, постройки, лес. В таком случае идеальный азимут должен быть несколько меньше, чем реальный азимут церкви, и, следовательно, обе даты (весеннюю и осеннюю) следует сдвинуть к летнему солнцестоянию. Естественно, что все эти погрешности позволяют определить дни, соответствующие азимуту церкви, с точностью не более недели.

Прежде чем проделать подобные расчеты для ряда древнерусских церквей, следует убедиться в том, что ориентация хотя бы нескольких памятников, даты закладки которых известны, совпадает с соответствующей этим датам ориентацией. Иначе говоря, следует проверить, действительно ли ось церкви направлена на ту точку горизонта, где в день закладки был видимый восход солнца. Возьмем, например, Успенский собор во Владимире. Собор этот был заложен, судя по летописям, 8 апреля или 8 мая 1158 г.¹⁸ Расчет показывает, что ось Успенского собора направлена на то место горизонта, где солнце в XII в. восходило 7 мая (см. табл., № 1). Учитывая, что церковь стоит на высоком берегу и видимый горизонт в восточном направлении здесь даже несколько шире геометрического, восход солнца на азимуте Успенского собора здесь должен был

¹⁶ Например, по таблицам азимута видимого восхода и захода верхнего края солнца, имеющимся в мореходных таблицах.

¹⁷ Определяются по таблицам астрономических ежегодников («Астрономический ежегодник СССР на 1970 г.». Л., 1967, табл. Эфемериды солнца).

¹⁸ Н. Н. Воронин. Указ. соч., т. I, стр. 149. Первую дату дает Лаврентьевская летопись, а вторую — летопись Авраамки. Анализируя сведения о датировке другой владимирской церкви — Георгия — Н. Н. Воронин пришел к выводу, что наиболее достоверной является для этой церкви дата, приводимая в летописи Авраамки (Н. Н. Воронин. Там же, стр. 100). Очевидно, даты закладки владимирских церквей, сообщаемые этой летописью, заслуживают доверия.

быть на несколько дней раньше, чем в указанный летописью день — 8 мая. Таким образом, в данном случае можно констатировать полное совпадение азимута церкви с днем закладки.

Другой пример — собор Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, заложенный 11 июля 1108 г. Расчет, сделанный Ю. С. Асеевым, показал, что азимут собора соответствует этой дате¹⁹.

Таким образом, направление оси двух упомянутых церквей соответствует дате их закладки. Но известны и такие примеры, когда эти данные не совпадают. Так, собор Княгинина монастыря во Владимире был заложен 15 июля, а его азимут отвечает либо началу марта, либо концу сентября (см. табл., № 2). Правда, этот собор был полностью перестроен в XV—XVI вв., но раскопки показали, что план существующего здания почти полностью повторяет план собора 1200 г.²⁰ Азимут этой церкви очень близок к геометрическому востоку. Не означает ли это, что в отдельных случаях церкви ориентировали не на место восхода солнца, а просто на восток, определяя направление по Полярной звезде. Этим, может быть, следует объяснить наличие в древнерусской архитектуре довольно значительного количества памятников, азимут продольной оси которых близок к 90°. Таковы, например, собор Выдубецкого монастыря в Киеве, церковь Бориса и Глеба в Вышгороде, Михайловский собор в Переяславле-Русском, церковь Благовещения и собор Елецкого монастыря в Чернигове, «Нижняя церковь» в Гродно, церковь в Волковыске, церковь в Василеве Галицком, церкви «на Протоке» и Ивана Богослова в Смоленске, а также ряд других. И все же таких церквей значительно меньше, чем имеющих заметные отклонения оси от восточного направления, т. е. явно связанных своей ориентацией с днем закладки.

Продолая расчеты для ряда древнерусских церквей, можно сопоставить полученные даты с днями святых православного календаря (табл., № 3—5). Оказывается, что ось церкви Спаса на Берестове в Киеве ориентирована на то место горизонта, где солнце в XII в. восходило 6 августа, т. е. в праздник преображения. Ось Спасского собора в Переяславле-Залесском всего на три дня не совпадает с этим праздником, а Спасской церкви в Чернушках, в Смоленске, — на один день. Столь незначительные отклонения вполне могут быть объяснены неточностью разбивки плана или неточностью измерений. Ось храма-усыпальницы, раскопанного в Переяславле-Русском на участке, где позднее стояла Спасская церковь, имеет азимут, не совпадающий с днем преображения. Однако апсидная часть этого храма заметно повернута к югу, и азимут оси апсиды всего на шесть дней не совпадает с днем этого праздника (табл., № 6). Учитывая, что церковь стояла в околном городе, а не на холме и что видимый горизонт здесь, несомненно, был несколько сужен, можно считать, что в данном случае имеет место почти полное совпадение. Ось церкви Бориса и Глеба в Чернигове точно ориентирована на восход солнца в день Бориса и Глеба (2 мая), а Успенской церкви Киево-Печерской Лавры — в день успения (15 августа). Ось Успенской церкви в Старой Рязани всего на три дня не совпадает с днем успения (см. табл. № 7—9).

Количество подобных примеров можно было бы увеличить. Очевидно, что если даже отбросить все сомнительные случаи, то все же остается большое количество памятников, в которых продольная ось церкви совпадает с днем патрона церкви, и, следовательно, здание закладывали в день этого патрона.

¹⁹ В. Н. Лазарева. Михайловские мозаики. М., 1966, стр. 28. По сведениям, любезно сообщенным Ю. С. Асеевым, ориентация здания Михайловского монастыря взята им по данным И. В. Моргилевского.

²⁰ Н. Н. Воронин. Указ. соч., т. I, стр. 444.

*Таблица
Наименование и ориентировка древнерусских церквей*

	Наименование храма	Широ- та	Ази- мут	Склонение	Дни (современные)	Дни (древние)
1	Владимир. Успенский собор	56	55	+ 18 ¹ / ₂	14 мая 31 июля	7 мая 24 июля
2	Владимир. Собор Княгинина монастыря.	56	94	— 3	13 марта 1 октября	6 марта 24 сентября
3	Киев. Церковь Спаса на Берестове	50 ¹ / ₂	65	+ 15	1 мая 13 августа	24 апреля 6 августа
4	Переславль-Залесский. Спасский собор	57	62	+ 14	28 апреля 16 августа	21 апреля 9 августа
5	Смоленск. Спасская церковь в Чернушках	55	63	+ 14 ¹ / ₃	30 апреля 14 августа	23 апреля 7 августа
6	Переяславль-Русский. Храм-усыпальница	50	62	+ 16 ³ / ₄	8 мая 7 августа	1 мая 31 июля
7	Чернигов. Церковь Бориса и Глеба	51 ¹ / ₂	60	+ 17 ¹ / ₄	9 мая 5 августа	2 мая 29 июля
8	Киев. Успенская церковь Печерской лавры	50 ¹ / ₂	70	+ 12	22 апреля 22 августа	15 апреля 15 августа
9	Старая Рязань. Успенская церковь	54 ¹ / ₂	69	+ 11	19 апреля 25 августа	12 апреля 18 августа
10	Киев. Церковь на усадьбе Художественного института	50 ¹ / ₂	119	— 19	25 января 18 ноября	18 января 11 ноября
11	Переяславль-Русский. Церковь на усадьбе Дынника	50	116	— 17	2 февраля 10 ноября	26 января 3 ноября
12	Киев. Десятинная церковь	50 ¹ / ₂	52	+ 22 ¹ / ₄	3 июня 10 июля	28 мая 4 июля

Чем же можно объяснить, что при явном отсутствии устойчивой традиции связывать день закладки храма с днем его патрона такие примеры все же достаточно часты? При решении этого вопроса следует обратить внимание на то, что дни закладки церквей, отмеченные в летописях, не выходят за рамки весны и лета. Наиболее ранняя из приведенных дат — 6 марта, а наиболее поздняя — 18 августа. Даты, в которые азимуты церквей совпадают с днями их патронов, также в основном относятся к весне и лету; наиболее поздние даты не выходят за пределы середины августа.

Очевидно, что закладку церквей на Руси считали возможным производить лишь весной или летом и во всяком случае не в конце строительного сезона и не зимой. Об этом прямо свидетельствует ориентация сохранившихся памятников русского церковного зодчества X—XIII вв. В подавляющем большинстве церкви ориентированы апсидами на северо-восток, т. е. на «летний восток». Наименьший их азимут — 46—47°. Он отвечает середине лета²¹. Ориентация на юго-восток, т. е. на «зимний восток» (азимут — более 90°), встречается гораздо реже, чем на северо-восток. А ориентация оси церквей по азимуту более 100° — вообще крайне редкое явление, так как это те случаи, когда церковь закладывали в зимнее время. Так, церкви, раскопанные на усадьбе Художественного

²¹ В редчайших случаях (например, церковь Пятницы в Чернигове) церкви имеют азимут менее 45°, т. е. направлены на такую точку горизонта, где солнце не могло подниматься даже в день летнего солнцестояния.

института в Киеве и на усадьбе Дынника в Переяславле-Русском были, видимо, заложены в январе или, что менее вероятно, в ноябре (см. табл., № 10, 11). Закладка церквей в январе была, по-видимому, возможна потому, что разбивку плана на участке производили еще до начала земляных работ по отрывке фундаментных рвов. Следовательно, эту разбивку можно было начинать еще до того, как оттает замерзшая земля.

Но если из чисто строительных соображений не считали возможным закладывать церкви поздней осенью, то естественно, что ни одна церковь Архангела Михаила, Дмитрия Солунского, Рождества Богородицы и Воздвижения Креста не могла быть заложена в день соответствующего праздника, поскольку эти праздники приходятся на осень. Использовать для закладки день патрона строящегося храма могли только в дни «летних» святых.

Вполне вероятно, что в отдельных случаях определение дня закладки церкви по ее азимуту сможет дать ценные сведения и для определения идеологического значения памятника. Известно, например, что Десятинная церковь в Киеве называлась церковью Богородицы. Но неизвестно, какому именно празднику богородицы она была посвящена²². Между тем ориентация церкви не совпадает ни с одним из крупных богородичных праздников, но зато почти точно совпадает с днем положения ризы богородицы во Влахерне — 2 июля (см. табл. № 12). Не свидетельствует ли это о желании связать строительство Десятинной церкви с константинопольскими традициями?²³

Количество сделанных сопоставлений еще настолько незначительно, что не позволяет предложить какие-либо окончательные выводы. Но даже приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что широкое привлечение материала и уточнение данных по сопоставлению ориентации церквей с датами их закладки могут привести в дальнейшем к более определенным заключениям и внести серьезный вклад в изучение истории древнерусской архитектуры²⁴.

²² См., например: А. В. Поппэ. Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии. «Византийский временник», т. 8, 1968, стр. 91, прим. 27.

²³ В Печерском патерике отмечено, что церковь в монастыре на Клове называлась Богородичной: «И нарек имя ей по образу сущого в Коньстяньтине граде, иже Влахерне» («Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб., 1911, стр. 57).

²⁴ Автор выражает искреннюю признательность за помощь А. Поппэ (Варшава) и Ю. С. Асееву (Киев).

ПУБЛИКАЦИИ

З. М. СЕРГЕЕВА

РАСКОПКИ КУРГАНОВ
НА ДРУЦКОМ ВОЛОКЕ

В 1969 г. были начаты обследования археологических памятников, расположенных на одном из ответвлений пути «из варяг в греки», проходившем, вероятно, через древний Друцк¹. Из сообщений летописи о передвижении князей видно, что дороги от Друцка вели к Полоцку, Витебску, Смоленску, к южным и юго-западным городам Руси². Окрестности Друцка были густо заселены, о чем свидетельствуют курганные кладбища и поселения³. Возможно, что направление дороги от Друцка шло по р. Друти в район Лукомля, другое — по р. Кривой на Оршу, а ответвления пути проходили, очевидно, по рекам Оболянке и Усвейке к Западной Двине⁴. В верховьях Кривой существует населенный пункт — дер. Переволочна. Не исключено, что это селение возникло на месте древнего волока.

В 1971 г. обследовались верховья рек Кривой (бассейн Днепра) и Усвейки (бассейн Двины), находящиеся на территории Толочинского района Витебской обл.

Первый пункт раскопок находился у дер. Дроздово, где имеется курганный могильник, состоящий из 60 полусферических, хорошо сохранившихся насыпей высотой до 1,5 м. В основаниях некоторых курганов видны ровики. Сведения об этом могильнике приведены в работе Л. В. Алексева⁵.

Раскопано пять насыпей, которые содержали остатки труположений на горизонте на золистой прослойке или на слое с золистыми включениями. Подобный обряд выжигания места для захоронения наблюдается в кривичских, дреговичских и радимичских курганах⁶. Насыпи курганов

¹ З. М. Сергеева. Курганы у дер. Багриново вблизи древнерусского Друцка (БССР). КСИА, вып. 120, 1969, стр. 107—111; она же. Раскопки курганов в Толочинском р-не (БССР). КСИА, вып. 129, 1971, стр. 61—64.

² В. Е. Данилевич. Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV в. Юрьев, 1898, стр. 8, 11, 12, 14; Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, стр. 90—98.

³ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля, рис. 5.

⁴ П. Г. Любомиров. Торговые связи Руси с Востоком в VIII—XI вв. «Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», т. 1, вып. 3. Саратов, 1923, стр. 22, 23.

⁵ Л. В. Алексеев. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Зап. Двины. Сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М., 1959, стр. 298, № 425.

⁶ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 87, 115, 137.

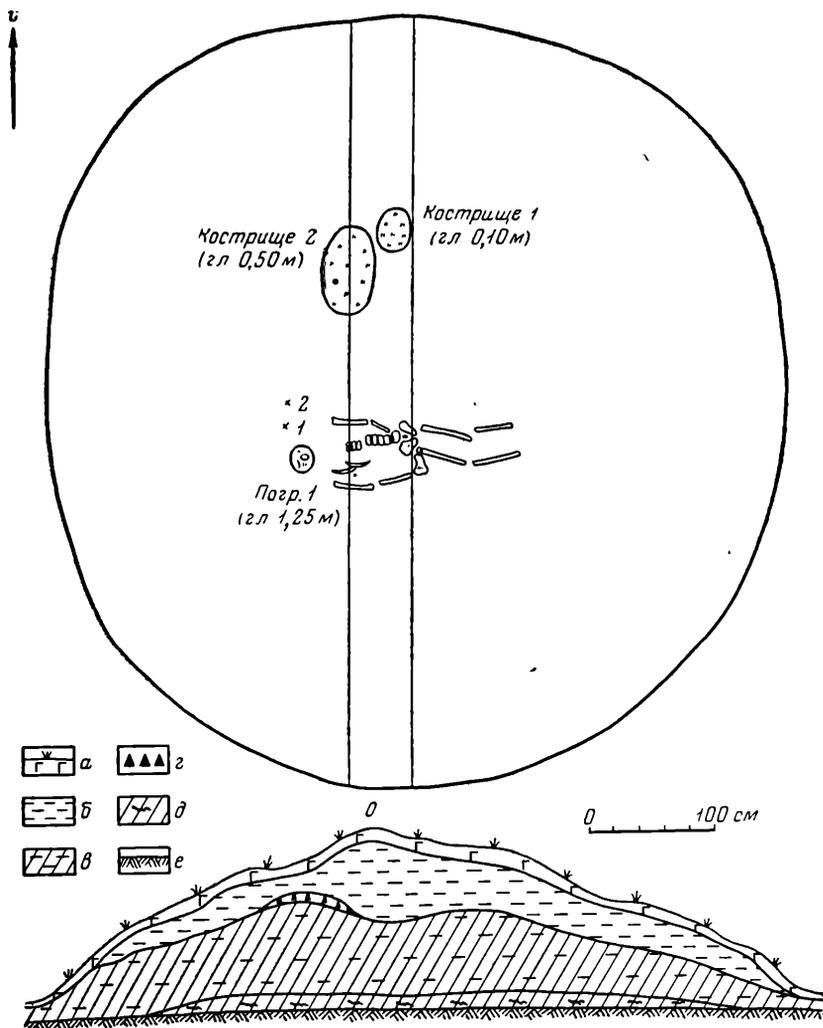

Рис. 14. План и разрез кургана 5 при дер. Дроздово

а — дерновый слой;	д — серая земля с золистыми включениями;	1, 3 — перстни бронзовые;
б — глина;	е — материк	2 — бусы золотостеклянные;
в — серая земля с глиной;	Номера на плане!	4 — гвоздь
г — уголь;		

состояли из двух четко выделяющихся слоев. Очевидно, они сооружались за два приема. Особенно отчетливо это наблюдается в кургане 5, в котором открыто два кострища: первое, на глубине 0,5 м устроено в момент сооружения первоначальной насыпи, второе, на глубине 0,1 м, соответствует по времени второй части насыпи, т. е. подсыпке (рис. 14). Второе кострище, вероятно, является остатками поминального костра. Умершие в курганах положены на спине (в кургане 2 сохранились лишь фрагменты черепа). Ориентировка западная.

Вещевые находки малочисленны. В курганах 2, 4—6 встречены железные гвозди, свидетельствующие, что умерших хоронили в гробах. Наиболее интересные вещи обнаружены в кургане 5, в котором открыто погребение женщины в возрасте 20 лет (по определению антрополога А. А. Зубова). Около головы найдено 38 золотостеклянных цилиндрических и бочонкообразных бус от ожерелья (рис. 15, 1). На левой руке два пластинчатых литых серебряных перстня с орнаментом (рис. 15, 2, 3).

Рис. 15. Вещи из курганов

1 — 3 — Дроздово, курган 5; 4 — Дроздово, курган 6; 5 — 7 — Взносное, курган 3

В кургане 6 встречены золотостеклянная бочонкообразная бусина и серебряный круглопроволочный перстень с утолщенной серединой и чуть заходящими концами (рис. 15, 4).

Племенную принадлежность погребенных в этих курганах по вещам определить невозможно. Прежние раскопки курганов в этом районе (дер. Багриново) свидетельствуют, что они принадлежат к кривичскому ареалу.

Другим местом раскопок была курганная группа у дер. Взносное. Четыре небольших очень расплывшихся насыпи высотой до 1,2 м располагались в лесу. Из них раскопано три. Погребальный обряд — труположения. В основаниях курганов прослежены зольные включения.

В кургане 1 безынвентарное труположение находилось в яме размерами 2×0,8 м, глубиной 0,6 м, вырытой после того, как перегорел погребальный костер. Ориентировка погребенного — западная.

Курган 3 содержал два захоронения. Женское находилось в небольшом углублении в материке. Его покрывал слой с золистыми включениями (толщиной 0,5 м). На поверхности последнего расчищено мужское захо-

ронение. Ориентировка умерших — западная. При мужском скелете найдены нож, калачевидное кресало X—XI вв. и лировидная пряжка (рис. 15, 5). У женского — серебряные перстни: пластинчатый рельефный (рис. 15, 6) и пластинчатый с завязанными концами; нож, бусы стеклянные: бисерные, глазчатые и одна лимонка (рис. 15, 7), рассыпавшийся бронзовый браслет с завязанными концами. Под черепом с левой стороны обнаружено три бронзовых перстнеобразных височных кольца с остатками кожи от головного убора. Подобные височные кольца известны в кривичских и радимичских древностях⁷. У ног погребенной стоял гончарный горшок.

В кургане 4 открыто также два труположения. Мужское безынвентарное захоронение находилось на горизонте. Ориентировано оно головой на север. Женское погребение открылось на подсыпке, сооруженной над мужским. Погребенная ориентирована головой на юго-запад. В ее ногах найдены железная дужка от деревянного ведра и четырехугольная бронзовая накладка с орнаментом.

⁷ А. Н. Ляўданскі. Археалогічныя досьледы у Аршанскай акрузе. «Працы», т. II, 1930, табл. VI, 27, 28; П. М. Еременко. Радимичские курганы. ЭРАО, т. VIII, вып. 1—2, 1896, табл. II, 8.

А. А. ЮШКО

КУРГАНЫ У С. ВЫСОКИНО НА Р. ВАЗУЗЕ

Курганная группа у с. Высокино (Зубцовский р-н Калининской обл.) расположена на правом высоком берегу р. Вазузы, в 6 км от г. Зубцова. Она состоит из 28 компактно расположенных полусферических насыпей, из которых в 1967 и 1971 гг. раскопано было 20¹. Остальные курганы сильно повреждены и непригодны для раскопок. Из числа исследованных две насыпи (6 и 21) оказались также поврежденными до материка (погребений в них не оказалось), а десять испорчены частично (погребения не пострадали).

Почти все курганы задернованы. Ровики в основании не видны, исключение составляет насыпь 17. Курганы насыпаны в основном из рыхлой серой супеси, иногда с включениями суглинистых прослоек и с добавлением известняковой крошки. Курган 3 сооружен из песка. При возведении большинства насыпей использовались крупные и мелкие валуны.

Высота курганов от 0,5 до 1,4 м, диаметры оснований от 3,5 до 14 м. Преобладают насыпи высотой 0,8—1,2 м и диаметрами 6—8 м.

Обряд погребения — труположение. Всего открыто 25 захоронений, в том числе одинарных — 13, парных — 3, а в двух курганах находилось по три погребения. Большинство погребенных (16) обнаружено в могильных ямах, один лежал на материке, восемь — в насыпи кургана (на высоте от 0,1 до 0,5 над материком). Пять захоронений из числа последних оказались детскими. Размеры могильных ям разнообразны, глубина варьирует от 0,15 м до 0,6 м. В двух курганах (3 и 8) в могильных ямах вокруг погребений обнаружены кольцевые обкладки из валунов диаметром 2,2 и 3,5 м, а в кургане 16 на материке вокруг погребения была прослежена кольцевая канавка.

В курганах 5 и 27 зафиксирована выкладка стенок и дна могильных ям известняковыми плитами, а в кургане 2, 8 и 16 — утрамбованной известняковой крошкой.

Все захоронения — на спине, с вытянутыми ногами. В четырех случаях (курганы 11, 17, 20, 27) руки погребенных вытянуты вдоль туловища; в четырех других (курганы 5, 14, 18 и 22) — слегка согнуты в локтях, так что кисти рук лежат в области таза; при одном скелете (курган 4) кисть правой руки находилась в области таза, левая рука вытянута вдоль туловища, а у семи (курганы 8—11, 13 и 16), наоборот, левая рука согнута в локте, а правая вытянута вдоль туловища; наконец, в одном случае (курган 23) руки погребенной девочки согнуты таким образом, что кисти находятся у плечей. Ориентировка умерших — преимущественно

¹ Раскопки производились автором в составе Вазузской экспедиции (начальник — К. А. Смирнов).

западная (с отклонениями). Единичные захоронения имели северную, южную, юго-западную и северо-восточную ориентацию.

Мужские погребения — безынвентарные. Исключением является захоронение в кургане 17, при котором найдены лировидная пряжка и глиняный сосуд в ногах.

Наоборот, женские погребения обычно сопровождалась различными вещами. Из предметов украшений самыми характерными были браслетообразные височные кольца диаметрами 6,5—9 см. Подобные височные кольца широко распространены на кривичской территории и в соседних областях². Исследователями отмечены разные способы завязывания их концов³. Анализ височных колец из Харлаповских курганов позволил Е. А. Шмидту разделить их на хронологические группы⁴. Вариантом этих колец являются малые проволочные кольца (диаметром 2,5—3,5 см) с сомкнутыми или разомкнутыми концами.

Высокинская коллекция насчитывает 27 браслетообразных и три малых кольца, сделанных из медной проволоки. Все они, за исключением малых, либо с заходящими и загнутыми концами (рис. 16, 2, 4), либо с завязанными и расплюснутыми концами (рис. 16, 5, 7, 8). Система завязывания — обычно правильная, двусторонняя (рис. 16, 8). По хронологии Е. А. Шмидта, это — наиболее ранние кольца (рубеж XI—XII вв.)⁵. Имеется также двусторонняя завязка с заходящими концами (рис. 16, 7) и односторонняя, в которой один конец — прямой, а другой — закручен (рис. 16, 5). Последний тип, по Е. А. Шмидту, наиболее поздний (рубеж XII—XIII вв.). Высокинские комплексы согласуются с хронологией браслетообразных колец, предложенной Е. А. Шмидтом. Так, кольца с правильной двусторонней завязкой (рубеж XI—XII вв.) встречены с монетой XI в. и с золочеными и серебряными бусами (курган 13), а в первом погребении кургана 17 они найдены с грушевидными крестопрорезными бубенчиками.

Металлических браслетов обнаружено 11, из которых шесть — пластинчатые, с загнутыми концами. Большинство из них украшено пунсонным орнаментом (рис. 16, 9—11). Встречаются также круглопроволочные разомкнутые браслеты (рис. 16, 14) и два витых: двойной с загнутыми и раскованными концами (рис. 16, 15) и витой размером 2×3.

Перстней найдено 16. Носили их, как правило, на пальцах правой руки. Наиболее распространены витые перстни (рис. 17, 3, 5, 6). Обычно это литые (с витых моделей) перстни. Среди пластинчатых перстней имеются решетчатый однозигзаговый (рис. 17, 7), широкосрединный прорезной (рис. 17, 1) и широкосрединный орнаментированный (рис. 17, 8).

Разнообразна коллекция привесок. Особенно интересна монетовидная биллоновая привеска с изображением зверя с повернутой назад головой (рис. 17, 10). Аналогий ей неизвестно. В кургане 13 найдена тонкая тисненая привеска с орнаментом в виде ромба с вписанными в него кругами (рис. 17, 9). Имеются также крестовключенные прорезные привески (рис. 16, 11), лунница (рис. 17, 14) и тревовидная привеска (рис. 17, 15).

Среди многочисленных и разнообразных бус преобладают стеклянные, в основном белого непрозрачного и голубого стекла, а также золоченые и серебряные. Основная форма их — бочонковидная (рис. 17, 25) и битрапцевидная (рис. 17, 21, 27). Следует отметить, что среди золоченых и

² В. П. Левашева. Височные кольца. «Труды ГИМ», вып. 43, 1967, стр. 16.

³ Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. КСИИМК, вып. XXX, 1949, стр. 31—41.

⁴ Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII вв. у дер. Харлапово в Смоленском Поднепровье. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 184—279.

⁵ Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 206.

серебряных бус преобладают бусы плохого качества; вместо золочения применялась желтая краска, употреблявшаяся в XII в. Встречено также несколько экземпляров биллоновых полусферических бус (рис. 17, 28). В кургане 13 найдена раковина каури.

В погребениях обнаружено четыре глиняных сосуда (рис. 16, 21—24), из которых три стояли около ног умерших. Все они сделаны на ручном круге. На днищах трех горшков имеются клейма. Кроме того, найдено два железных ножа (рис. 16, 17, 18), костяная рукоять (рис. 16, 20) и древолазный шип.

Вещевой комплекс могильника определяет принадлежность его кривичам. Он может быть датирован XI—XII вв.

Курганная группа расположена на древнем торговом пути, связывающем северо-западные земли с залесскими городами. Древний волок связывал верховья р. Москвы с Яузой — притоком Гжати, впадающей в Вазузу. И недаром первое летописное упоминание о Вазузе в Новгородской летописи повествует о борьбе торопецкого князя Мстислава за обладание этой торговой магистралью: «Приде (Мстислав Торопецкий) от верховья Волги и взя Зубчев и быша на Вазузе»⁶.

Уже во времена княжения Ивана Калиты были известны владельцы этих земель. Так, в походе Ивана Калиты с ордынским послом Товлубием на Смоленск участвовал и воевода князь Федор Константинович Красной-Фоминский⁷. Изысканиями С. Б. Веселовского установлено, что владения этого князя были расположены к югу от Зубцова, на р. Вазузе, где имеются селения Фоминское, Березуй, Хлепень и Негомирь.

Городище Фомино (Фоминское) расположено совсем близко от с. Высокино, ниже по р. Вазузе, при впадении в нее р. Осуги. Городище было обследовано Вазузской экспедицией в 1967 г.⁸ Но раскопки его невозможны, так как оно занято кладбищем. Имеется городище и у с. Хлепень, раскопки которого запланированы.

Ниже приводится краткое по курганное описание могильника.

Курган 1, высота 1,4 м, диаметр 8 м. Погребение, ориентированное головой на запад — юго-запад, находилось в грунтовой яме. Размеры 2,4×0,88 м, глубина 0,32 м. Там были найдены два браслетообразных височных кольца (рис. 16, 1, 3), три ложновитых (рис. 17, 3, 4, 5) и два пластинчатых перстня (рис. 16, 1, 2), пластинчатый (рис. 1, 11) и витой двойной браслет (рис. 16, 15), пять зонных (рис. 17, 20) и одна боченковидная буса (рис. 17, 23).

Курган 2, высота 1,4 м, диаметр 8 м. Безынвентарное, разрушенное погребение (головой ориентировано на северо-запад) открыто в яме. Размеры 2,16×1,6 м, глубина 0,26 м.

Курган 3, высота 1,3 м, диаметр 6 м. Безынвентарное захоронение (головой ориентировано на запад) находилось в яме. Размеры 1,9×0,6 м, глубина 0,2 м. Вокруг погребения — кольцевая обкладка из валунов (диаметр 2,2 м).

Курган 5, высота 0,5 м, диаметр 4 м. Безынвентарное захоронение (головой ориентировано на юго-запад) открыто в яме. Размеры 2,2×0,6 м, глубина 0,3 м.

Курган 8, высота 1,4 м, диаметр 6 м. В яме (размеры 3,1×1,2 м, глубина 0,6 м) открыто три труположения с западной ориентировкой. Вокруг него имелась кольцевая обкладка из валунов (диаметр 3,5 м). Найдены три браслетообразных височных кольца (рис. 16, 2), одиннадцать монетообразных привесок (рис. 17, 10) и одна крестовключенная (рис. 17, 11), два бубенчика с линейной прорезью (рис. 17, 17), четыре

⁶ ПСРЛ, III, 34.

⁷ ПСРЛ, XVIII, 93.

⁸ Архив ИА, р. 1, д. 3234.

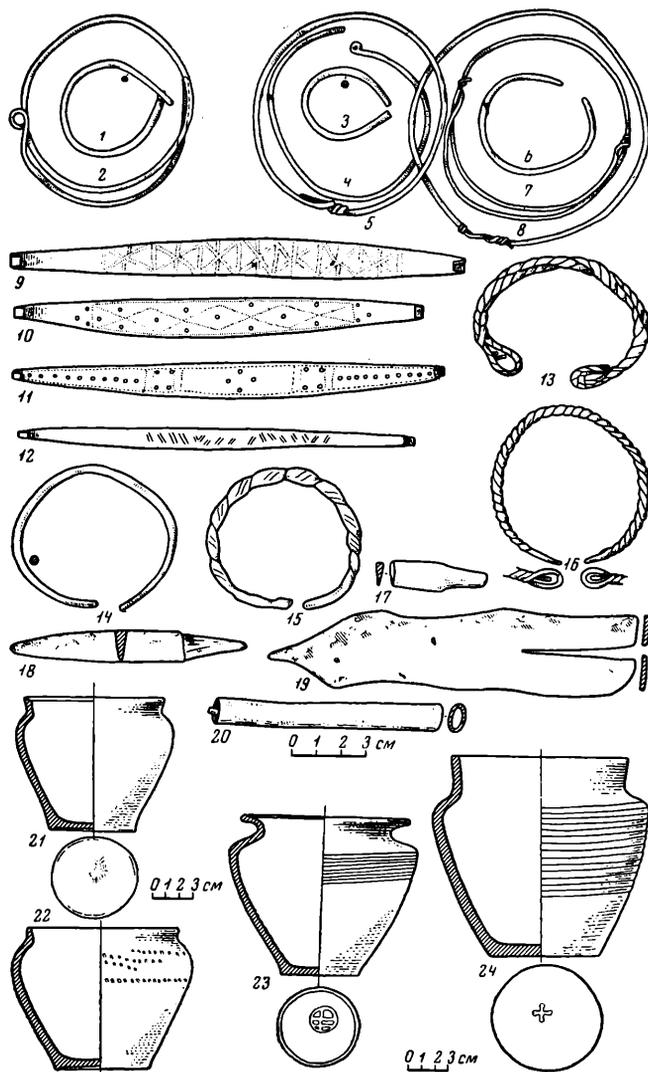

Рис. 16. Украшения и бытовые вещи из высокоинских курганов

1 — 5, 20, 23 — курган 1;	12, 30 — курган 16;	19 — курган 17 (погр. 2);
6, 7, 10, 11, 17, 21,	13, 22 — курган 14;	28 — курган 9 (погр. 2);
24 — 27 — курган 8;	15 — курган 9 (погр. 3);	31 — курган 11 (погр. 2)
8 — курган 11 (погр. 1);	16 — курган 15;	
9, 14, 29 — курган 13 (погр. 1);	18 — курган 17 (погр. 1);	

перстня (решетчатый, однозигзаговый, рис. 17, 7), два ложновитых (типа рис. 17, 6), проволочный (рис. 17, 4), два браслета (круглопроволочный, рис. 16, 14, и пластинчатый, рис. 16, 12), 17 стеклянных бус, из которых три — голубые битрапециевидные (рис. 17, 21), семь белых розетковидных (рис. 17, 26), одна фиолетовая боченковидная (рис. 17, 25), пять шаровидных непрозрачных (рис. 17, 24), одна шаровидная непрозрачная в тонкой металлической оболочке и обломок ложновитого ошлакованного металлического браслета.

Курган 9, высота 0,9 м, диаметр 6 м. Три захоронения с западной ориентировкой находились в трех грунтовых ямах. В первой яме (размеры 2,48×0,8 м, глубина 0,24 м) при скелете найдены шесть браслетообразных височных колец (рис. 16, 2) и две стеклянные шаровидные бусины (рис. 17, 24). Яма второго захоронения имела размеры 1,6×

Рис. 17. Украшения из высокинских курганов

1, 3, 11, 15 — курган 1;	7, 13, 18, 19, 21, 24 — курган	16 — курган 15;
2, 4, 12, 14 — курган 8;	11 (погр. 1);	17 — курган 17 (погр. 1);
5 — курган 9 (погр. 3);	8, 20 — курган 13 (погр. 1);	22 — курган 15;
6 — курган 23;	9, 10 — курган 7;	23 — курган 17 (погр. 2)

×0,6 м и глубину 0,15 м. При нем найдены стеклянная боченковидная (рис. 17, 25) и биллоновая полусферическая (рис. 17, 28) бусы. Третья яма имела размеры 2,4×0,8 м и глубину 0,2 м. Здесь встречено два браслетообразных височных кольца (рис. 16, 5), обломок малого колючка, 15 позолоченных и посеребренных (типа рис. 17, 25), зонная голубая (типа рис. 17, 20) и биллоновая полусферическая (типа рис. 17, 28) бусина и тревовидная привеска (рис. 17, 15).

Курган 10, высота 0,9 м, диаметр 5 м. В яме (размеры 2,6×1 м, глубина 0,4 м) открыто одно безынвентарное захоронение (скелет повернут головой на запад).

Курган 11, высота 0,6 м, диаметр 6,5 м. В насыпи, на глубине 0,4 м от вершины, расчищено два скелета (головой ориентированы к северо-западу). При одном обнаружены браслеты: витой 2×3 (рис. 16, 13),

пластинчатый (рис. 16, 10) и витой (типа рис. 2, 6), а также широкосердинный перстень (рис. 17, 8). При другом — металлическая пуговица (рис. 17, 31) и S-видное колечко.

Курган 13, высота 1,3, диаметр 8 м. В насыпи открыто три захоронения. Первое расположено на глубине 0,8 м (ориентировано на северо-запад). При нем найдены шесть браслетообразных завязанных височных колец (рис. 16, 8), 21 позолоченная и посеребренная боченковидная бусина (типа рис. 17, 25), раковина каури (рис. 17, 29), восемь тисненых орнаментированных привесок (рис. 17, 9), лунница (рис. 17, 14), привеска из кабаньего клыка на металлическом колечке, костяная рукоятка (рис. 16, 20) и западноевропейская монета XI в.

Второе погребение обнаружено на глубине 1,02 м (головой ориентировано было на север). При нем выявлено четыре браслетообразных завязанных височных кольца (рис. 16, 7), пружина замка (рис. 16, 19), нож (рис. 16, 18), 17 позолоченных или посеребренных битрапецевидных бус (рис. 17, 21), горшок (рис. 16, 24). Третье захоронение — безынвентарное, находилось на глубине 0,95 м и направлено было на север.

Курган 14, высота 1 м, диаметр 6 м. Труположение (головой на запад — северо-запад) открыто в яме. Размеры 2,3×0,6 м, глубина 0,2 м. Найдены ложновитой бронзовый перстень, две биллоновые монетовидные привески (рис. 17, 6, 13) и девять синих и белых бус (рис. 17, 22).

Курган 16, высота 1,2 м, диаметр 7 м. Одно труположение (головой ориентировано на запад — северо-запад) находилось в яме, размеры 2,6×0,75 м, глубина 0,54 м. На материке прослежена кольцевая канавка шириной около 0,3 м и диаметром 3 м. Обнаружены четыре браслетообразных завязанных височных кольца (рис. 16, 5), семь биллоновых монетовидных привесок (рис. 1, 5 и 2, 13), два пластинчатых браслета (рис. 16, 9, 10), два ложновитых перстня (рис. 17, 6) и пять стеклянных цилиндрических бус (рис. 17, 30).

Курган 17, высота 1 м, диаметр 6 м. Открыто два захоронения: одно — на материке (головой на запад), другое — в насыпи, на глубине 0,8 м, головой на север. В первом погребении найдены пять браслетообразных завязанных височных колец (рис. 16, 8), стеклянная голубая цилиндрическая (рис. 17, 30) и боченковидная из непрозрачного стекла (рис. 17, 25) бусины, бубенчик с линейной прорезью, бубенчик с крестовидной прорезью (рис. 17, 16, 18), бронзовый витой двойной браслет (рис. 16, 16) и обломок железного ножа. При втором скелете находились лировидная пряжка (рис. 17, 19) и глиняный сосуд (рис. 16, 23).

Курган 18, высота 0,8 м, диаметр 6 м. Одно безынвентарное захоронение (головой ориентировано на запад) открыто в яме размерами 2,2×1 м и при глубине 0,56 м.

Курган 20, высота 1 м, диаметр 8 м. Открыто два безынвентарных труположения: основное — в яме (2,52×0,95 м, глубина 0,15 м), детское — в насыпи, на глубине 0,5 м, ориентированы оба на запад — юго-запад.

Курган 22, высота 0,8 м, диаметр 6 м. Безынвентарное захоронение (головой на запад) находилось в яме. Размеры 2,58×1,08 м, глубина 0,25 м.

Курган 23, высота 0,8 м, диаметр 3,5 м. Погребение (головой ориентировано на запад) открыто в яме размерами 1,9×0,6 м и при глубине 0,35 м. Найдены браслетообразное височное кольцо (рис. 16, 6) и два бубенчика со щелевидной прорезью (типа рис. 17, 17).

Курган 24, высота 1,15 м, диаметр 6,5 м. Потревоженное захоронение (головой ориентировано на северо-запад — запад) находилось в яме. Размеры 1,68×0,64 м, глубина 0,26 м. Обнаружены биллоновый рубчатый перстень и обломок железного браслета.

Курган 27, высота 0,9 м, диаметр 5 м. Безынвентарное захоронение (головой на юг) открыто в яме. Размеры 1,75×0,4 м, глубина 0,26 м.

К. В. ПАВЛОВА

МОГИЛЬНИКИ
У ДЕРЕВЕНЬ МОЛЬНИЧИ И СУЛЯТИЧИ

В 1971 г. Курганный отряд Новогрудской экспедиции ЛОИА АН СССР продолжал исследование погребальных памятников в окрестностях г. Новогрудка Гродненской обл., начатое в 1963 г.¹ В отличие от прошлых лет, когда основное внимание было сосредоточено на могильниках, расположенных в непосредственной близости от г. Новогрудка, полевой сезон 1971 г. был посвящен раскопкам могильников у деревень Мольничичи и Сулятичи, несколько более удаленных от г. Новогрудка². Курганы обоих могильников в последние два десятилетия интенсивно распахиваются, им угрожает полное уничтожение, поэтому выбор раскопок пал именно на эти могильники. Оба памятника открыты в 1956 г. Ф. Д. Гуревич во время разведывательных работ в Верхнем Понеманье. Тогда же ею были сняты планы этих могильников и проведены пробные раскопки отдельных курганов³.

Могильник у дер. Мольничичи находится на западной окраине ее, на первой надпойменной террасе правого берега речки Воловки, примерно в 12 км к северо-востоку от г. Новогрудка. По сведениям Ф. Д. Гуревич, в могильнике насчитывалось 19 небольших округлых курганов и один большой курган высотой до 4 м. К 1971 г. здесь оставалось только восемь небольших, частично запаханых курганов и упомянутый выше большой курган, который стоит обособленно от всей группы. Все курганы небольшие и имели оплывшую полушаровидную форму. Полы курганов 1, 7, 8 были запаханы, остальные сохранились довольно хорошо. Вокруг насыпей курганов 2, 6, 7 наблюдались небольшие ровики. Вершины курганов 2, 3, 8 были слегка уплощены. Размеры курганов небольшие: диаметр — от 5 до 7 м, высота — от 60 см до 1 м. Насыпи содержали мелкий желтый песок. В нижней части насыпей песок, как правило, был более темным за счет примеси гумуса.

В семи курганах открыты погребения по обряду труположения у подошвы курганной насыпи, в одном (курган 6) погребения не обнаружено. В кургане 5, кроме погребения по обряду труположения, имелось кострище (диаметр — свыше 2 м) с мелкими обломками кальцинированных косточек. Оно располагалось в середине курганной площадки, почти на 30 см выше погребения по обряду труположения и заходило на него восточным краем (рис. 18, 1). В западной части кострища в слое золы и

¹ К. В. Павлова. Раскопки курганного могильника вблизи Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 99.

² В работе отряда принимали участие студенты вечернего отделения ЛГУ С. И. Ельников и Н. В. Хвоцинская, студентка училища им. Мухиной Л. Ляцкая и студенты Ленинградского радиополитехникума П. Пеллинен, В. Пуллинен, В. Рябов и А. Тирунин.

³ Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М., 1962, стр. 98 и 179.

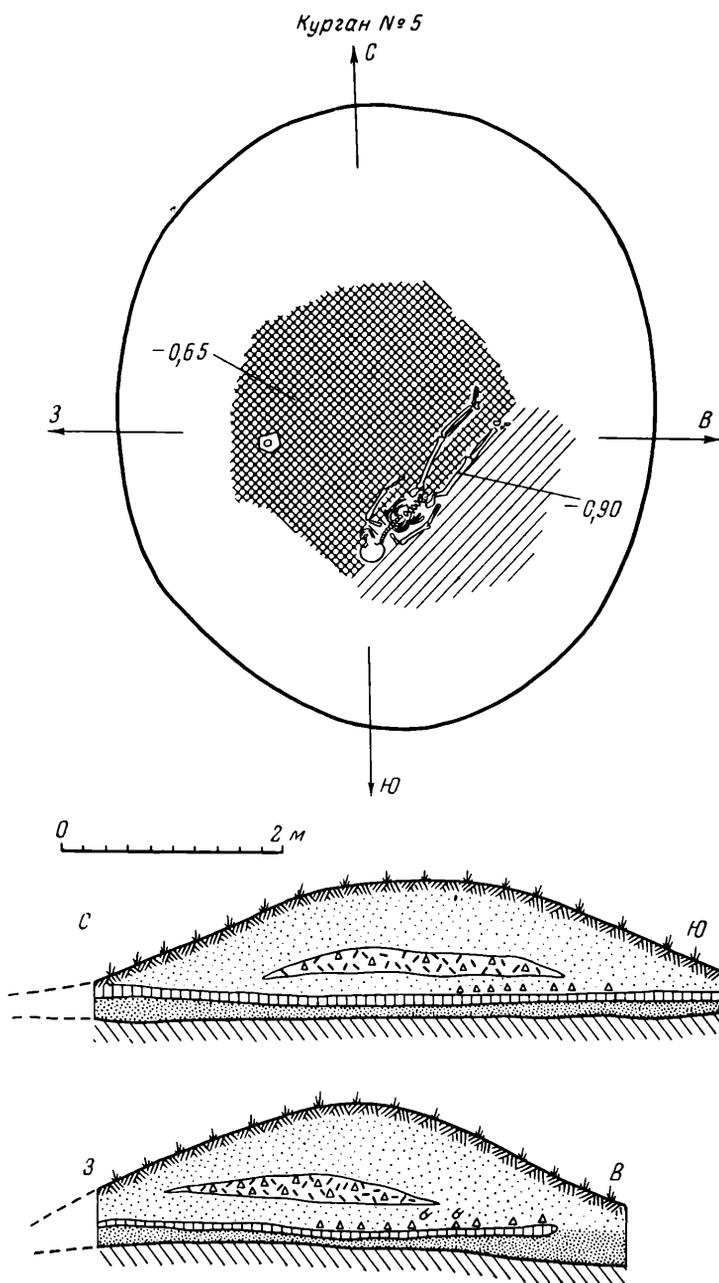

Рис. 18. Планы и разрезы курганов 5 (1) и 4 (2) при дер. Мольничи

1 — дерновый слой;	4 — предматериковый слой;	7 — кострище;
2 — гумус;	5 — вола;	8 — песок с гумусом;
3 — песок;	6 — вола с углем;	9 — обугленное дерево

угля найдены обломки венчика глиняного горшка, сделанного на гончарном круге, который датируется XI в. Принадлежность обломков кальцинированных костей, обнаруженных в кострище, человеку или животному до сих пор не установлена, поэтому нельзя пока определенно говорить, было ли здесь сожжение на месте или это остатки поминального костра. Однако сочетание захоронения по обряду сожжения и обряду труположения в одном кургане имелось уже на этой территории в могильнике

веро-запад. Степень отклонения к югу у всех погребений была различной. Отклонение к северу — незначительное. Преобладание юго-западной ориентировки погребенных позволяет говорить о повышенной смертности населения в весенне-летние месяцы.

В ритуале погребения Мольничского могильника проявились те же характерные черты, какие были отмечены в могильниках у деревень Бретьянка и Городиловка⁵. Так, в курганах 2, 3, 8 под погребениями имелась подсыпка из песка более светлого цвета, чем песок насыпи, что часто встречается в курганах дреговичей. В курганах 5 и 7 покойники лежали на тонком слое золы, принесенной, по-видимому, в холодном виде, так как признаков возведения огня на погребальных площадках этих курганов не наблюдалось. В кургане 2 обнаружены остатки поминального костра в виде углисто-золистого пятна с характерной прокаленностью почвы под ним в северной половине насыпи слева от скелета и на 25 см выше него. В тех курганах, где в насыпи, немного выше погребения, имели место небольшие кострища, погребения в зависимости от расположения кострищ смещены с середины погребальной площадки к северу или к югу. В кургане 1 золистое пятно на погребальной площадке имело расплывчатые четырехугольные очертания размерами 2×3 м. Под слоем золы здесь прослежены отдельные пятна прокаленной докрасна почвы и полоски порошкообразного угля. Видимо, в этом кургане на погребальной площадке разводился костер или здесь сгорело какое-то погребальное сооружение, возможно домовина⁶. Более четкие остатки домовины открыты в кургане 4 (рис. 18, 2). Это был сравнительно большой курган высотой 1 м, диаметром 6,5 м. В южной половине насыпи, ближе к середине, находились остатки сгоревшего сооружения прямоугольной формы длиной 2,8 м, шириной 1 м, высотой не более 60 см, вытянутого с запада на восток. Продольные стенки его были сложены из бревен, лежавших одно над другим в два ряда. На северном конце сооружения, у ног, найдены две обгоревшие толстые плахи, стоявшие на ребре. Они, вероятно, служили поперечинами. Способ соединения их с бревнами продольных стен проследить не удалось. Сверху все сооружение покрывал накат из пяти обгоревших бревен диаметром около 20 см. Под остатками этого сооружения, по-видимому домовины, на грунте между бревнами нижнего ряда лежал крупный, вероятно мужской, скелет. Верхняя часть скелета почти до пояса слегка обожжена, а кости черепа обуглены и раздавлены. Следов огня на тазовых костях и костях нижних конечностей не наблюдалось. Между верхним накатом бревен и скелетом, внутри домовины лежал слой прокаленного песка толщиной до 20 см, смешанного с золой и углем. На погребальной площадке вокруг домовины было много золы и угля.

Сооружение домовины для захоронения покойника и песчаная или золистая подсыпка под погребением характерны для погребального обряда дреговичей⁷. Поэтому могильник у дер. Мольничи по погребальному обряду можно отнести к числу дреговичских погребальных памятников, хотя в некоторых случаях здесь заметно влияние традиций древлян, выразившееся в характерных для курганов этого племени кострищах в насыпях и в обычае посыпать покойников золой⁸.

Не противоречит этому определению и погребальный инвентарь. Не-

⁵ К. В. Павлова. Раскопки курганного могильника близ Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 104; она же. Раскопки курганов у дер. Городиловка. КСИА, вып. 135, 1972, стр. 60.

⁶ Более четко определить характер сгоревшего сооружения не удалось, так как половина насыпи кургана была распахана почти до основания.

⁷ В. Э. Завитневич. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье. «Чтения в обществе Нестора-летописца», кн. VI. Киев, 1842, стр. 3—4.

⁸ И. П. Русанова. Территория древлян по археологическим данным. СА, 1960, № 1, стр. 61—69.

многочисленные вещи найдены здесь только в курганах с женскими погребениями. Это в основном единичные предметы женских украшений, что также свойственно для курганов дреговичей. При самом богатом погребении этого могильника — погребении женщины 25—30 лет в кургане 8 обнаружены три серебряных перстнеобразных височных колечка и несколько обломков колечек того же типа из олова (рис. 19, 1, 2), один серебряный перстень с утолщенной передней частью (рис. 19, 3), три золотостеклянные боченковидные бусины, одна хрустальная (рис. 19, 4, 5), обломки одной серебряной зерновой шаровидной бусины, характерной для дреговичских курганов XI—XII вв. В кургане 1 (погребение женщины свыше 50 лет) были встречены только две сердоликовые призматические бусины X—XI вв. и одна стеклянная глазчатая бусина (рис. 19, 8, 9). В кургане 2 — одна лимоновидная бусина X—начала XI в., в кургане 7 — одна реберчатая серебростеклянная бусина XI—XII вв. (рис. 19, 6, 7). Все эти вещи, а также немногочисленные обломки керамики XI в. позволяют датировать могильник XI в.

Могильник у дер. Сулятичи расположен на невысоком бугре левого коренного берега речки Воловки, между деревнями Сулятичи и Испось, ближе к последней. В могильнике насчитывается около 60 курганов хорошей сохранности. Большая часть могильника поросла кустами можжевельника. Размеры сулятичских курганов довольно разнообразны. Здесь встречаются очень маленькие насыпи диаметром не более 3 м, высотой 30—50 см. Но есть и сравнительно большие курганы, высота которых достигает 1,5 м, а диаметр — 8—10 м. Вокруг некоторых насыпей заметны небольшие отдельные западины, но регулярных ровников не наблюдается. Почти все наиболее крупные насыпи располагаются в центральной части могильника. Они составляют цепочку, вытянутую с северо-востока на юго-запад примерно на 100 м⁹. В 1956 г. Ф. Д. Гуревич раскопала в этом могильнике три кургана, в двух из которых открыла погребения по обряду сожжения на месте, в третьем — погребения не обнаружено¹⁰. В 1971 г. в Сулятичском могильнике раскопано 20 курганов преимущественно в юго-восточной, распахиваемой его части. Во всех курганах обнаружены погребения по обряду труположения. В восьми из них погребения совершены у подошвы курганной насыпи, в 12 — в могильных ямах. Погребения у подошвы курганной насыпи открыты главным образом в наиболее крупных курганах, составляющих осевую линию могильника. Вероятно, это наиболее древние захоронения в могильнике. Курганы с захоронениями в могильных ямах имели, как правило, меньшие размеры, за исключением курганов 1 и 4. В некоторых случаях диаметры их не превышали 3,5 м при высоте 30—50 см. Курганы с погребениями в могильных ямах расположены были на юго-западном и северо-восточном склонах бугра, в основном к юго-востоку от осевой линии. В трех курганах с погребениями в могильных ямах (2, 4, 5) и в двух — с захоронениями у подошвы курганной насыпи (9, 19) открыто по два погребения. В курганах 5, 9, 19 погребения совершены одновременно. В кургане 4 одно погребение было впускным, а в кургане 3 последовательность захоронений неясна.

Среди погребенных в Сулятичском могильнике преобладают женщины. Из 20 определенных скелетов только четыре принадлежат мужчинам, один — ребенку, 15 — женских скелетов.

Насыпи сулятичских курганов состояли либо из мелкого желтого песка, либо из крупнозернистого песка с галькой (местное название «жвир»). В толще насыпей из крупнозернистого песка иногда в небольшом количестве попадались окатанные булыжные и крупные валунные камни. Они

⁹ План могильника опубликован в работе: Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Полеманья. М.—Л., 1962, стр. 84, рис. 83.

¹⁰ Там же, стр. 98.

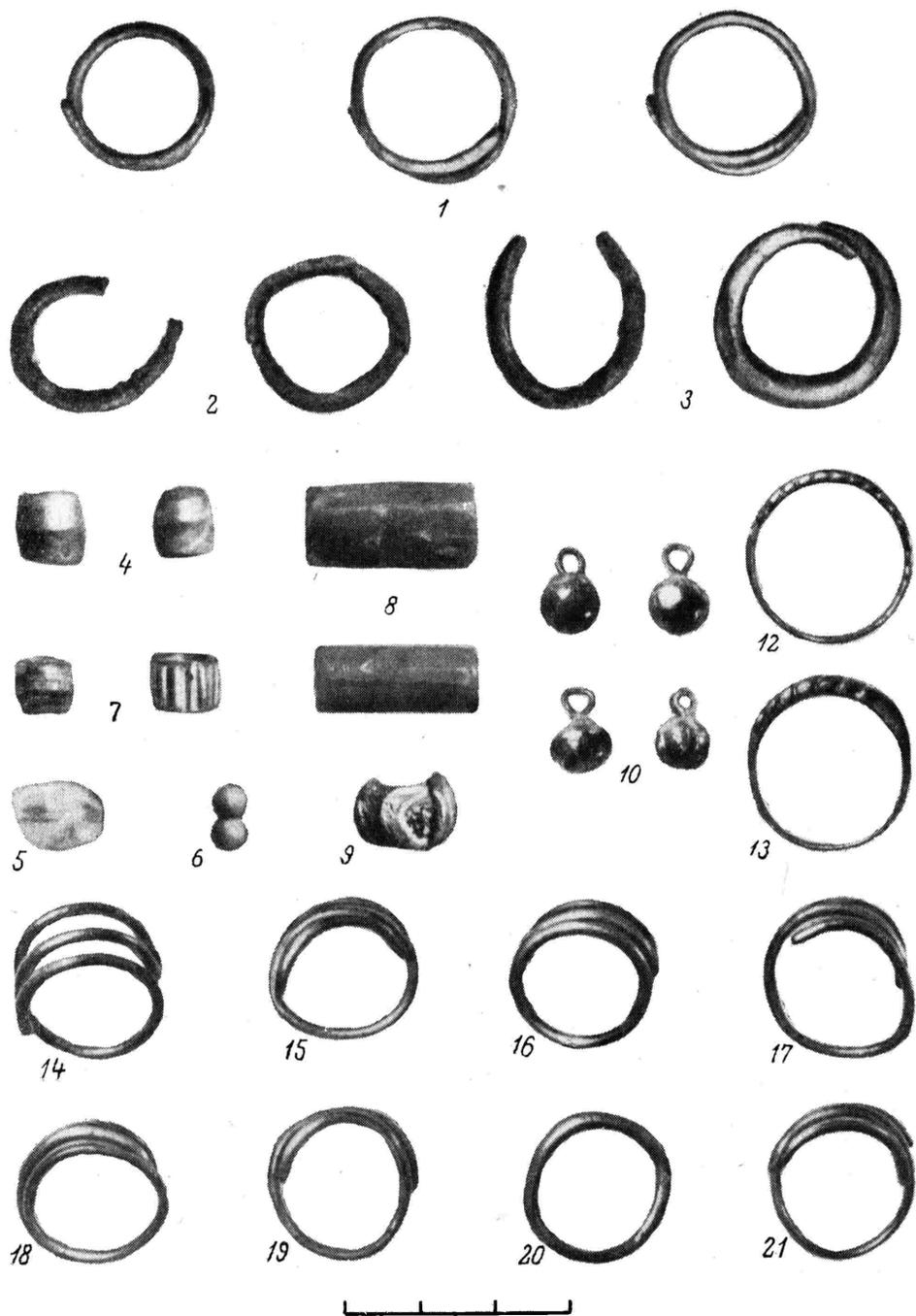

Рис. 19. Вещи из курганов у дер. Мольничи (1—9) и Сулятичи (10—13)
 1 — 5 — курган 8; 6 — курган 2; 7 — курган 7; 8, 9 — курган 1; 10 — 12 — курган 2; 13 — курган 14;
 14—21 — височные кольца

лежали преимущественно у основания насыпей, ближе к полам. Но иногда отдельные камни находились на вершинах курганов и под дерном. В некоторых курганах камни найдены у краев могильных ям, а в кургане 1 несколько небольших камней было сложено в кучку на дне могильной ямы у изголовья, немного выше черепа. Нужно отметить, что в Сулятичском могильнике не было двух курганов, где бы камни были расположены одинаково. Видимо, своим расположением они не отражают никаких традиций и не могут служить критерием при определении этнической принадлежности курганов. Это подтверждается еще и тем, что в насыпях, состоящих из мелкого песка, камней почти не попадалось.

Погребения по обряду труположения у подошвы курганной насыпи Сулятичского могильника имеют некоторые общие черты с погребениями могильников у деревень Мольнич и Городиловка, однако существуют и некоторые отличия. В Сулятичах, так же как в Мольничах, преобладает юго-западная ориентировка погребений. Некоторые погребения лежали на подсыпке из песка или на песчаном грунте основания насыпи (курганы 9, 17, 19). В курганах 12, 14, 15 и 20 под погребениями и над ними четко прослеживалась зола, а в насыпях курганов 14 и 15, немного выше скелетов, имелись характерные для древлянских курганов кострища (рис. 20, 1), подобно кургану 2 Мольничского могильника. Обращает на себя внимание то, что, несмотря на близкое расстояние между этими двумя могильниками, в курганах с труположениями у подошвы насыпи могильника у дер. Сулятичи наблюдается более четкое проявление погребальных обычаев древлян.

Погребения в могильных ямах в славянских курганах Новогрудчины до сих пор не были известны, за исключением одного погребения в небольшом нечетком углублении, обложенном камнями, в одном из курганов Городиловского могильника, раскопанных Ф. Д. Гуревич¹¹. Все могильные ямы в сулятичских курганах располагались обычно в середине курганной площадки, при одном погребении в кургане, в северной и южной половинах курганной площадки, ближе к середине, когда в кургане было два погребения. Все могильные ямы имели прямоугольную в плане форму, вытянуты были с запада на восток с преимущественным отклонением к югу. Размеры ям варьируют незначительно: длина 1,9 м—2,2 м, ширина 65 см—90 см, глубина 30 см—90 см. Пятна могильных ям у основания насыпи улавливаются с большим трудом. Покойники лежали всегда на суглинистом грунте, на дне могильных ям, в вытянутом положении, на спине, головами на запад, юго-запад или северо-запад, преобладала в основном юго-западная ориентировка. Руки вытянуты были или вдоль туловища или сложены на животе. Следов гробовищ или обкладки покойников досками не обнаружено. В курганах 3, 5, 7 и 8 под скелетами прослеживалась тонкая подсыпка из песка. В кургане 4 могильная яма и скелет первого (основного) погребения были нарушены впускным погребением (рис. 20, 2). У основного погребения на месте лежали только череп и кости грудной клетки. Тазовые кости и кости конечностей находились в беспорядке на разной глубине, на 15—20 см выше верхней части скелета, и были перекрыты впускным погребением. Последнее было положено в неглубокую могильную яму длиной 160 см, шириной 130 см, которая была вырыта в земле заполнения могильной ямы основного погребения. Скелет молодой женщины лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на запад. Ноги согнуты так, что прикасались к груди. Кисть левой руки, согнутой в локте, притянута к подбородку. Правая рука, вероятно, была подложена под голову, так как локтевая и лучевая кости ее лежали за черепом.

¹¹ Ф. Д. Гуревич. Указ. соч., стр. 112.

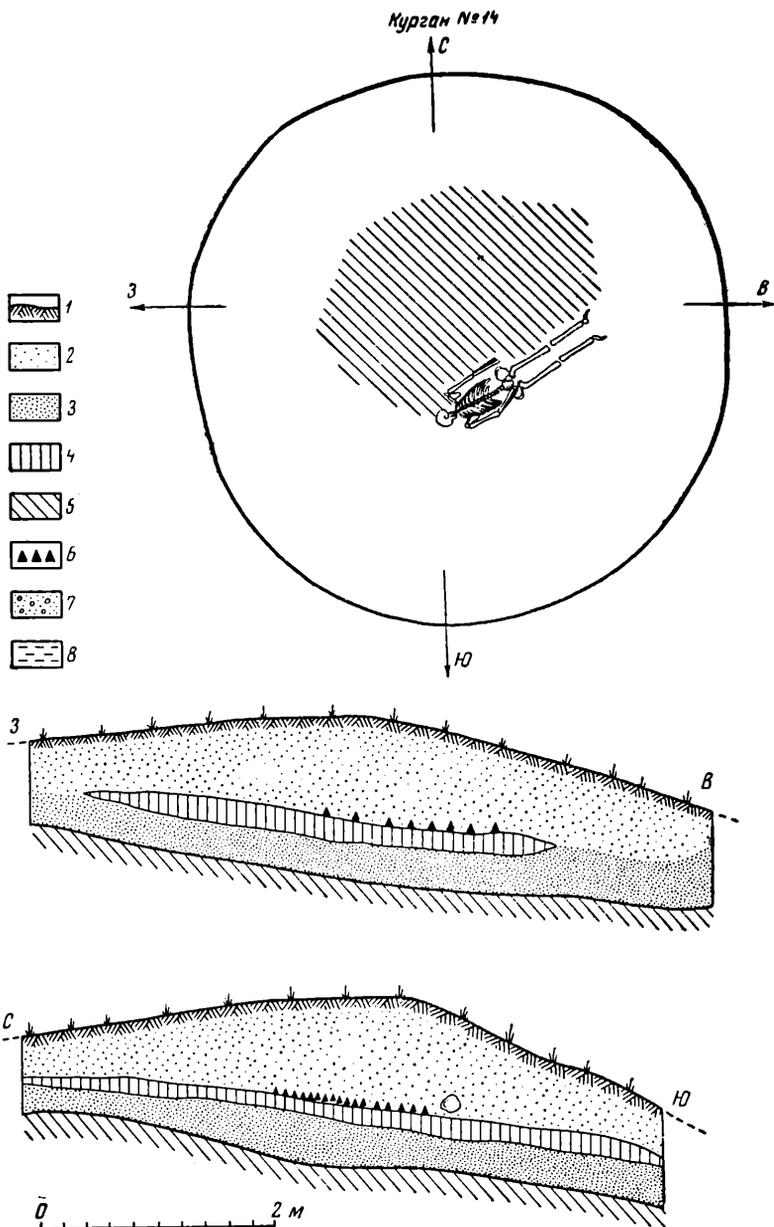
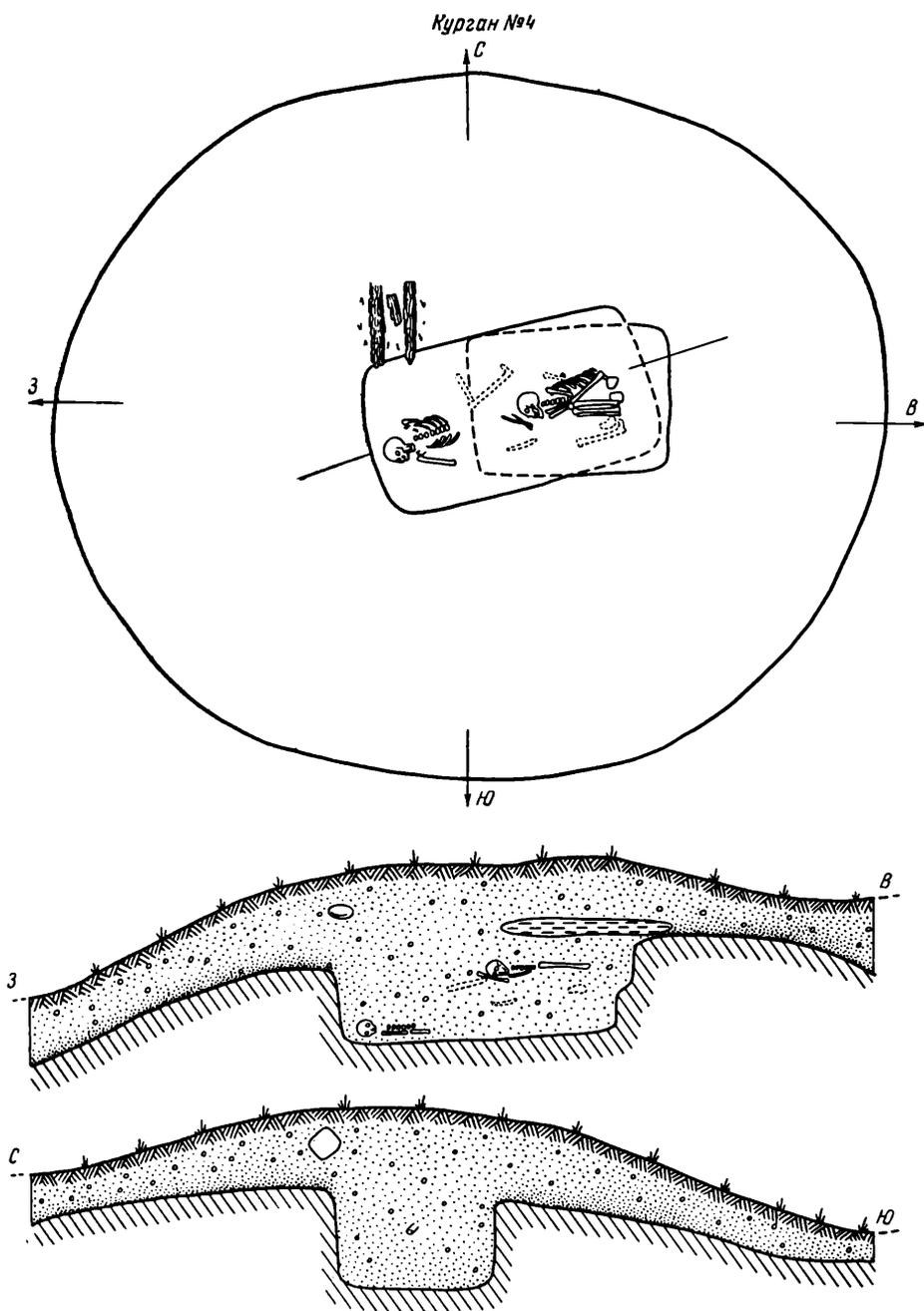

Рис. 20. Планы и разрезы курганов 14 (1) и 4 (2) при дер. Сулятичи

1 — деревянный слой; 2 — песок; 3 — предматериковый слой; 4 — гумус; 5 — вольвовое пятно в пазухе;
6 — вольв; 7 — песок с галькой; 8 — глина

Погребальный инвентарь Сулятичского могильника так же немногочислен и однообразен, как и в мольничских курганах. Характерно полное отсутствие оружия и предметов повседневного обихода (ножи, кресала и т. п.). Керамика найдена в семи курганах. В некоторых случаях это были разрозненные обломки глиняных горшков в насыпи (курганы 3, 7), в других — нижние части горшков и раздавленные целые горшки около погребений или на краях могильных ям (курганы 1, 5, 9, 19). По форме и технологическим особенностям горшки из курганов 1 и 3 датируются

XII—XIII вв. н. э. Горшок, встреченный под дерном на вершине кургана 4, относится ко времени не ранее XIV в. н. э. В кургане 12 у ног погребенного обнаружены обломки дужки и железных оковок от небольшого ведерка, диаметр которого не превышал 12 см. Среди женских украшений, большая часть которых найдена при погребениях в могильных ямах, довольно много полтораоборотных перстнеобразных височных колец из серебра и олова, в том числе несколько колечек с загнутым в обратную сторону концом (рис. 19, 11), которые иногда встречаются в дреговичских курганах, но более характерны для украшений юго-западной группы славян. Среди перстней здесь также преобладают полу-

тораоборотные проволочные колечки, но есть и бронзовые рубчатые перстни, характерные для XII—XIII вв. (рис. 19, 12, 13). Остатки одежды очень скудны. В курганах 2, 6 и 19 найдены миниатюрные бронзовые бубенчики — пуговицы с линейной прорезью (рис. 19, 10). На черепе погребения в кургане 2 собраны небольшие кусочки ткани, шитой золотыми нитями (по мнению М. В. Фехнер, шелковой).

Таким образом, в погребальном инвентаре Сулятичского могильника нет вещей, которые позволили бы точно датировать этот памятник. Судя по керамике, височным кольцам и перстням, отсутствию оружия, а также по сходству обряда погребения сулятичских курганов с труположениями у подошвы насыпи с погребениями могильников у деревень Мольничи и Городиловка, четко датирующихся XI в. н. э., могильник у дер. Сулятичи можно отнести к концу XI—XIII вв. н. э. Как в обряде погребения, так и в погребальном инвентаре здесь преобладают черты, характерные для древлян и вольнян, но не исключены и традиции погребального обряда дреговичей.

Г. С. ЛЕБЕДЕВ

ДЛИННЫЕ КУРГАНЫ ВЕРХНЕГО ПОЛУЖЬЯ¹

В бассейне Верхней Луги накладываются друг на друга ареалы сопок и длинных курганов. Здесь же имеется много обычных полусферических насыпей². Однако соотношение их неясно: ни одна из лужских сопок до сих пор не раскопана³, а длинные курганы не исследовались со времен С. С. Гамченко и А. А. Спицына⁴.

Длинные и удлиненные насыпи зафиксированы в десяти пунктах по берегам озер Врево и Черемнецкое и на прилегающем участке р. Луги. Некоторые из групп, обследованных в 1920 г.⁵, до нашего времени не сохранились.

Из десяти курганных групп большая часть находилась на возвышенных местах, нередко на значительном удалении от воды (могильники близ дер. Ситенка, в уроч. «Богатырь» у дер. Рапти, у деревень Березицы, Шильцево, Лопанец). Имеющиеся планы могильников — Ситенского, — снятый С. С. Гамченко в 1908 г. и автором в 1970 г., и Березицкого, — выполненный К. М. Плоткиным в 1971 г.⁶, — позволяют говорить о геометрически правильной форме длинных (точнее прямоугольных в плане) насыпей, окруженных глубокими ровными ровиками (рис. 21, 2). Детали конструкции этих курганов неизвестны. Раскопками С. С. Гамченко в насыпях обнаружены остатки сожжений, может быть, завернутых в сосновую кору⁷. Датировка их возможна лишь в широких пределах, обычно принятых для этой группы памятников.

На восточном берегу Черемнецкого озера найдены курганные группы, расположенные в иных условиях — поблизости от воды, на нижней террасе озерного берега. Могильники в уроч. «Фазанник» близ дер. Рапти⁸ и в уроч. «Боровское купалище» (две группы) состояли из круглых и длинных насыпей — низких, расплывчатой формы, со слабозаметным ровиком или без такового (рис. 21, 3, 4). Одна из насыпей второго могильника в уроч. «Боровское купалище» в 1971 г. была раскопана. Это — длинный курган, находившийся в южной части группы, среди скученных круглых насыпей. Длинной осью он ориентирован с запада на

¹ Доклад в славяно-русской секции Пленума ЛОИА 1.IV 1972 г.

² Г. С. Лебедев, В. И. Мордасов, Н. М. Терехихин. Курганы Черемнецкого озера. АО 1971 г. М., 1972, стр. 20.

³ В. В. Седов. Новгородские сопки. САИ, вып. Е1—8. М., 1970, стр. 46, 47.

⁴ С. С. Гамченко. Исследование курганов у дер. Сытенки на левом берегу р. Луги в 1908 г. ЗОРСА, т. IX, 1913, стр. 163—221; А. А. Спицын. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губ. ИАК, вып. 53, 1914, стр. 88—89.

⁵ Архив ЛОИА, ф. 2, д. № 107, 1927.

⁶ Здесь К. М. Плоткиным раскопан четырехугольный курган с сожжениями. Пользуясь случаем поблагодарить исследователя за предоставленные сведения.

⁷ С. С. Гамченко. Указ. соч., стр. 167—218.

⁸ Архив ЛОИА, ф. 2, д. № 107, 1927 г.

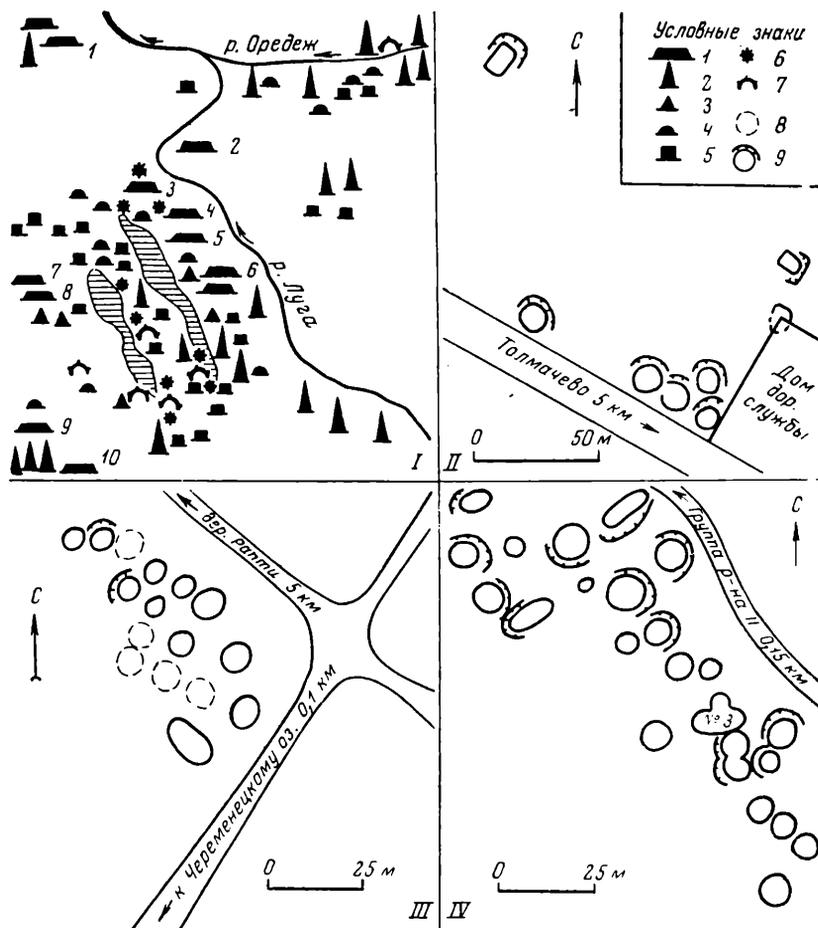

Рис. 21. Длинные курганы Верхнего Полужья

I — карта археологических памятников. Цифрами обозначены могильники с длинными курганами	9 — у дер. Березицы;	8 — уничтоженные или сильно поврежденные курганы;
1 — у дер. Ситенка (две группы);	10 — у дер. Парищи	9 — курганные насыпи с ровиками;
2 — у дер. Замошье;	II — План курганной группы у дер. Ситенка;	III — План группы Рапти-Новолок II в урочище «Боровское купалище»
3 — у дер. Естомичи;	1 — могильники с длинными курганами;	IV — План группы Рапти-Новолок III в урочище «Боровское купалище» (под № 3 отмечен раскопанный длинный курган)
4 — у дер. Рапти в урочище «Богатырь»;	2 — сопки;	
5 — у дер. Рапти в урочище «Фазанник»;	3 — одиночные курганы;	
6 — группа Рапти-Новолок II и Рапти-Новолок III в урочище «Боровское купалище»;	4 — группы из полусферических насыпей (в том числе с каменными обкладками по основанию);	
7 — у дер. Лопанец;	5 — кургано-жальничные могильники;	
8 — у дер. Ретюнь;	6 — селища;	
	7 — городища;	

восток. С севера к насыпи примыкало небольшое всхолмление; западная пола повреждена глубоким карьером. Длина кургана 22 м, ширина 13—17 м, высота — не более 1,2 м. Форма — расплывчатая, без определенных границ, вершина — сравнительно ровная. На кургане росло несколько сосен (рис. 21, 4; 22, 1, 2).

В западной части насыпи, сложенной из рыхлого светлого песка, открыта каменная кладка из массивных валунов. Сохранились три стороны ее. Наилучшим образом — юго-западная, где камни были уложены (на-

сухо) в три-четыре ряда. Наибольшей высоты кладка достигала в юго-восточной части (более 1 м). Северо-западная стенка сохранилась хуже других; с северо-восточной стороны обнаружены лишь отдельные камни. В пределах образованной валунами прямоугольной ограды размером 3×4 м (ориентированной с северо-запада на юго-восток) каких-либо находок не встречено. В основании кладки, на слое подзола, подстилавшем камни, среди валунов найдены лежавший на боку гончарный горшок с линейным орнаментом, и железный нож (?) плохой сохранности (рис. 22, 3). На том же слое подзола, за пределами кладки, в западной части кургана находились отдельные валуны и скопления камней, перекрытые песком насыпи. Возле южного угла кладки прослежено кострище (диаметр 0,3 м) с крупными углями. Еще в древности кладка, по-видимому, начала разрушаться.

Судя по разрезам кургана (рис. 22, 2), его первоначальная часть длиной 16 м и шириной 9 м примыкала к каменному сооружению с северо-востока и была ориентирована с северо-запада на юго-восток (т. е. под углом 45° к современной оси кургана). Она включала и отмеченное ранее небольшое всхолмление севернее исследуемого кургана. Высота первичной насыпи не превышала 0,8 м: она зафиксирована золистым слоем (погребенной почвой), перекрытым позднее новым слоем песка мощностью 0,3—0,4 м. В насыпи обнаружено два погребения (сожжения умерших совершались на стороне) с захоронением кальцинированных костей в ямках, без вещей. Погребение 1 (поблизости от каменного сооружения) находилось в ямке размером 0,3×0,4 м и глубиной 0,3 м от верхнего уровня погребенной почвы. Погребение 2 — в ямке диаметром 0,8 м и глубиной 0,7 м, прорезавшей почву.

По основанию первичной насыпи прослежены остатки деревянной конструкции — неглубокие (0,2—0,3 м) канавки с прямыми стенками и плотным угольным заполнением. Вероятнее всего, это следы прямоугольного сруба размером 14×8 м, ориентированного с северо-запада на юго-восток и скрепляющего первоначальную насыпь. Остатки подобной конструкции меньших размеров сохранились и в верхней части насыпи, на уровне погребенной почвы (рис. 22, 1).

Таким образом, бревенчатое ограждение размером 14×8 м в основании охватывало первоначальную насыпь кургана, в которую было совершено последовательно два захоронения. К этой насыпи была пристроена каменная кладка, при этом отдельные валуны были уложены или упали на плоскую задернованную вершину насыпи.

После свершения второго захоронения на поверхности первоначальной насыпи сооружена новая и также с бревенчатым ограждением. Размеры — 10×6 (?) м. Это сооружение, вероятно, было дополнено песчаной насыпью над каменной кладкой. В северо-западном торце сооружения деревянная ограда, возможно, завершалась двумя большими столбами, от которых сохранились столбовые ямы с угольным заполнением.

Изложенная реконструкция насыпи — не более чем один из возможных вариантов.

Последовательная подсыпка курганов, по мере совершения новых захоронений, отмечена раньше на Смоленщине⁹. Там же раскапывались курганы с деревянной (срубной) конструкцией в основании¹⁰. На Луге описанные конструктивные черты выглядят иначе, нежели в курганах Верхнего Поднепровья, однако принципиальное соответствие пока важнее региональных различий.

⁹ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 180—185.

¹⁰ Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э. МИА, № 108, 1963, стр. 62—64.

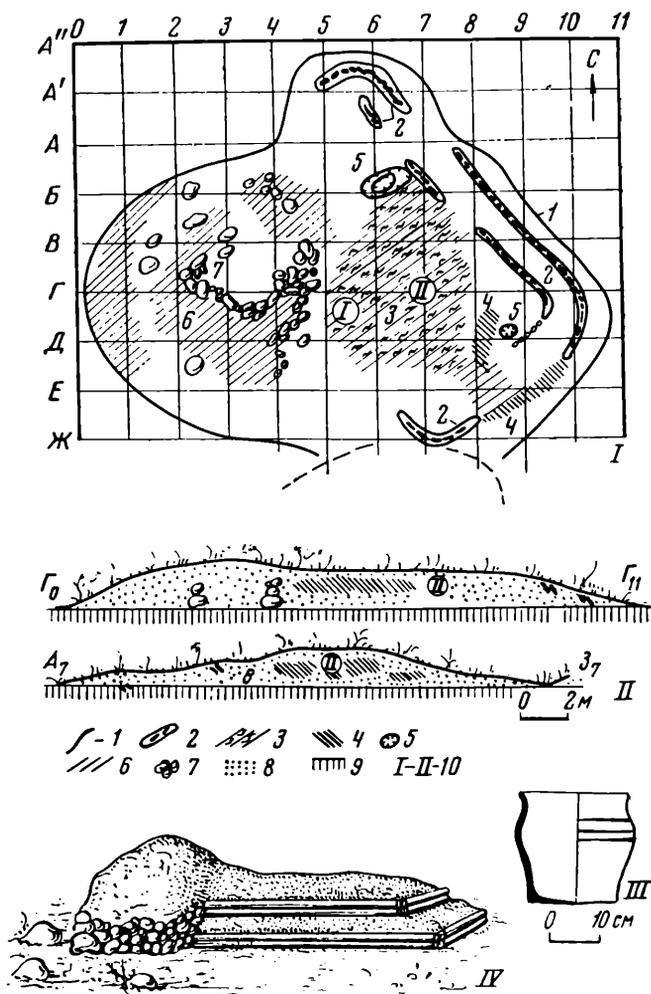

Рис. 22. Курган 3 из могильника Рапти-Наволоок III

I — сводный план раскопанной насыпи;	4 — угольный слой;	кач. Пунктиром на плане обозначены границы прилегающей к длинному кургану более поздней насыпи;
II — разрезы насыпи;	5 — ямки в насыпи;	III — горшок из квадрата Г ₄ ;
1 — дерновый слой;	6 — гумусированный песок;	IV — вариант реконструкции погребального сооружения
2 — угля, угольный слой в канавках;	7 — камни;	
3 — слой вола на гумусированном песке;	8 — песок насыпи;	
	9 — материк;	
	10 — погребения (по обряду сожжения на стороне, в ям-	

«Сакральная» каменная кладка связывает исследованный курган с широким кругом древностей Северо-Запада и Прибалтики — от сопок, курганов XI—XIII вв. и жальников¹¹ до перегородчатых и иных могил Эстонии, Латвии, Литвы¹². Длинные курганы Верхнего Полужья, бесспорно, следует рассматривать вместе со всеми этими памятниками (как и некоторые длинные курганы Псковщины с каменными конструкциями в насыпи).

Основное звено исследованного комплекса — каменная кладка. Она да-

¹¹ В. В. Седов. Указ. соч., стр. 12—20.

¹² J. Loze un S. Graudonis. Apbedisanas tradicijas Latvija pirmatnejas kopienas laika. «Arheologija un etnografija», IX. Riga, 1970.

тируется по находке гончарного сосуда X в. Истоки этой детали погребального ритуала следует искать в местных древностях середины — второй половины I тыс. н. э., а продолжение в погребальных памятниках Северо-Запада X—XIV вв., соединивших в себе черты многих культур. Архаичный облик комплекса, ассоциирующегося с «большими домами» (если считать курганы — «жилищами мертвых»), сложная конструкция, предполагающая длительный, уже пройденный путь развития. Параллели в прибалтийских и финских древностях в сочетании с поздней датой заставляют с большой осторожностью подойти к вопросу об этнической принадлежности лужской группы длинных курганов. Факт сохранения в Верхнем Полужье архаичной традиции еще в X в., когда поблизости появляется большое количество древнерусских курганных могильников, скорее всего говорит о том, что в сложении культуры последних длинные курганы исследуемого региона играли подчиненную роль¹³.

¹³ От редакции. В обсуждении доклада приняли участие М. К. Каргер, С. Н. Орлов, К. В. Павлова, В. А. Назаренко, К. М. Плоткин. Многим выступавшим показалась недостаточно аргументированной реконструкция погребального сооружения, предлагаемая автором. Представляют ли собой канавки с угольным заполнением следы сруба (14×8, м), чем объясняется несовпадение плана земляной насыпи и реконструируемого сооружения, какова была первоначальная высота насыпи, какова последовательность возведения погребального сооружения — вот вопросы, на которые автор пока не смог дать достаточно убедительных ответов. Вместе с тем все выступавшие указывали на очень большой интерес, который вызывает раскопанный памятник, отмечали необходимость продолжения исследования курганов подобного типа.

В. М. ГОРЮНОВА

НОВОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ «ГОРОДКА»
НА ЛОВАТИ¹

Начальные этапы истории Северо-Западной Руси остаются во многом нераскрытыми, что связано отчасти со слабой изученностью поселений.

Одним из таких памятников является древнерусское поселение у дер. Городище под Великими Луками, состоящее из укрепленной части — городища и примыкающего к нему селища. В 1954—1957 гг. исследованием городища занималась Я. В. Станкевич². В 1971 г. Великолукским отрядом ЛГУ было продолжено изучение поселения, не завершено из-за преждевременной кончины Я. В. Станкевич. Небольшим раскопкам подверглось теперь селище.

Поселение располагается в излучине р. Ловать, против устья левого ее притока — р. Карпинки, у западной окраины дер. Городище в уроч. «Городок». Селище занимает склон вытянутого с северо-востока на юго-запад холма, подступающего к самому краю высокого коренного берега Ловати и отделенного от городища узкой неглубокой ложбиной. С северо-западной и южной сторон селище ограничено обрывистым берегом Ловати и нарушено оползнями; западная его часть примыкает к городищу. Культурный слой селища, ежегодно распахиваемый и разрушаемый весенними потоками вод, сохранился лишь на сравнительно узкой (шириной не более 50 м) полосе, которая тянется по подножию и склону холма на 110—120 м. Раскоп площадью 116 кв. м (рис. 23, 1) заложен на южном склоне холма, в 64 м к востоку от городища. Мощность культурного слоя была неравномерной — от 0,2 до 1,2 м, что определялось падением материка в юго-западном направлении, составившим в пределах раскопа около 3 м. Верхний распахиваемый слой представлял собой серую гомогенную массу, образовавшуюся из смытого с вершины и склонов холма и смешанного с материковой супесью гумуса. Его толщина в северной части раскопа не превышала 0,2 м, в южной — достигла 0,5 м. Ниже его, в квадрате Б7, В7 и Г7, шел материк, а на остальной площади раскопа — нетронутый культурный слой — плотный, гумусный, черного цвета, стратиграфически не расчленяющийся. Мощность последнего — 0,05—0,7 м. В отличие от верхнего, давшего лишь единичные мелкие фрагменты керамики, он содержал куски железных шлаков, криц, глиняной ошлакованной обмазки, большое количество обломков тиглей, лепной и гончарной древнерусской посуды, отдельные поделки из железа, бронзы и глины и, наконец, кости животных. В местах концентрации культурных остатков,

¹ Доклад, прочитанный 23 марта 1972 г. на заседании секции славяно-русской археологии пленума ЛОИА, был посвящен итогам полевых исследований 1971 г.

² Я. В. Станкевич. Предварительные итоги исследований 1956 г. в Великолукской обл. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 79—83; она же. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э. МИА, № 76, 1960, стр. 146, 147.

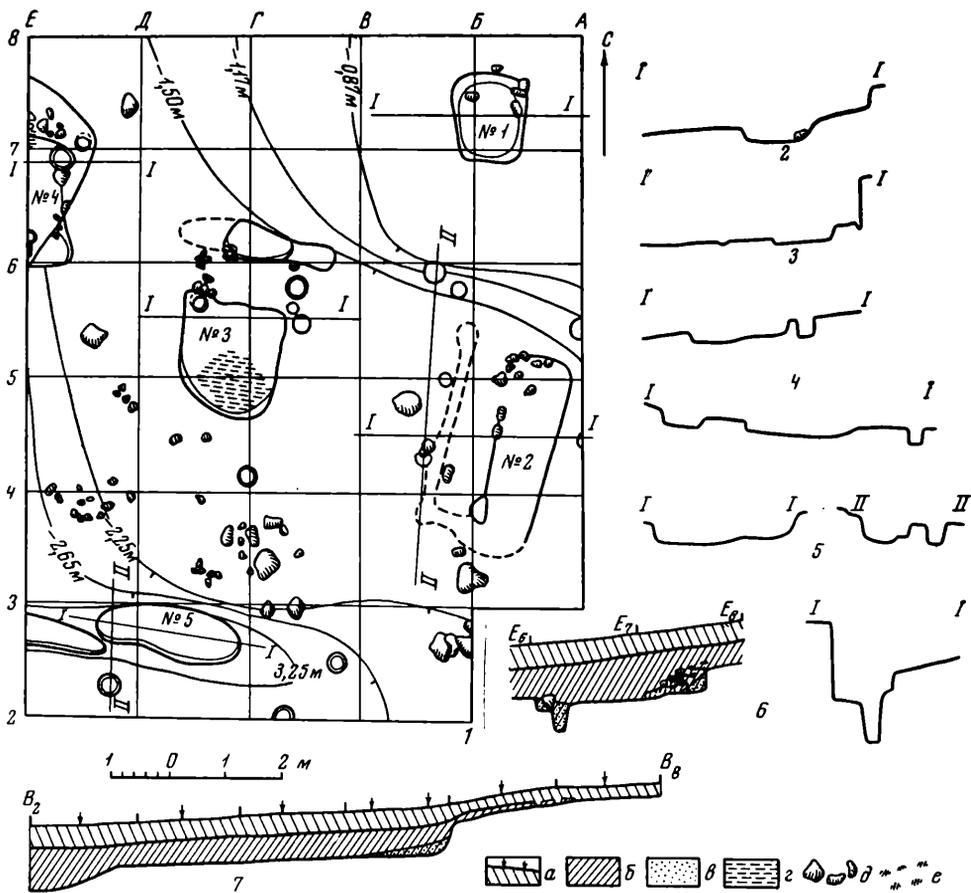

Рис. 23. Селище у дер. Городище. План раскопа, разрезы и профили

1 — план раскопа;	6 — профиль и разрез постройки 4;	б — гумусированный слой;
2 — разрез постройки 1;	7 — разрез культурного слоя по линии В	в — желтая материковая супесь;
3 — разрез постройки 2;	а — переотложенный, пахотный слой;	г — глина;
4 — разрез постройки 3;		д — камни;
5 — разрез постройки 5;		е — уголь

в нижнем предматериковом пласте, и при зачистке материка выявлено пять гумусных пятен различной конфигурации. После разборки последних открылись остатки пяти производственных сооружений, связанных с обработкой цветных металлов и кузнечным делом. В северо-восточной и юго-западной частях раскопа обнаружено два материковых уступа естественного происхождения.

Изучение материалов, полученных при раскопках, позволяет выделить два хронологических комплекса: один — X и, может быть, начала XI в.; второй — XI — первой половины XII в. В первом и втором пластах³ на всей площади раскопа, а также в третьем пласте — в квадратах, идущих вдоль основания второго уступа, и в квадратах Б7, В7 и Г7, где культурный слой полностью распахан, встречаются одновременные культурные остатки как X в., так и принадлежащие более позднему периоду жизни на поселении. Но в основании культурного слоя на значительной

³ После снятия пахотного слоя разборка культурных отложений велась горизонтальными пластами по 25 см.

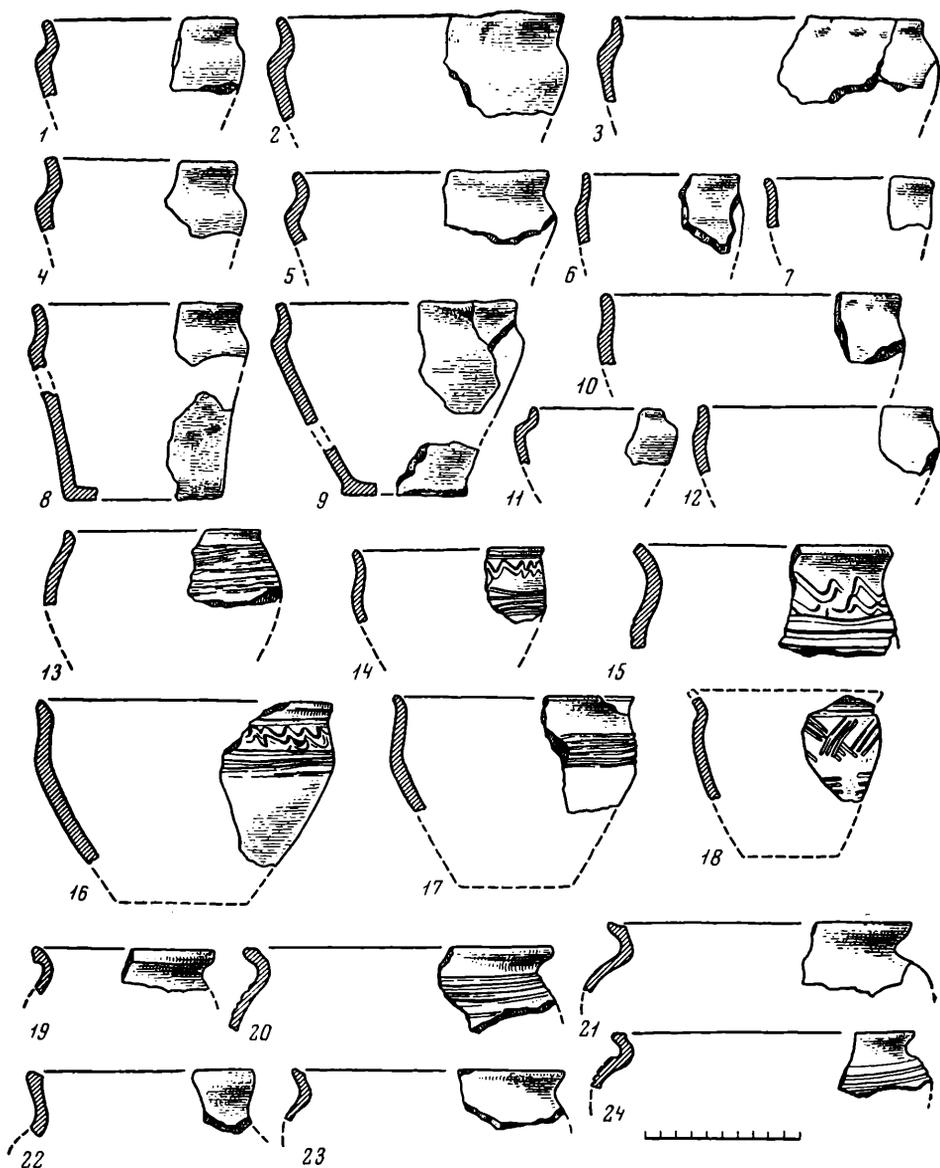

Рис. 24. Селище у дер. Городище. Керамика

1, 2, 6 — из постройки 3; 3, 11, 13 — 15, 18 — из постройки 4; 4, 5, 7 — 10, 12, 16, 17, 19 — 24 — из слоя вне построек

площади раскопа и в заполнениях углубленных частей построек 1—4 обнаружены материалы, относящиеся только к первому хронологическому комплексу.

В этот комплекс входят многочисленные фрагменты лепных неорнаментированных сосудов, имеющих рыхлое тесто с примесью дровины и бугристую из-за выступающих зерен примеси поверхность. Цвет керамики светло-охристый или коричневый с разными оттенками. Численно преобладают фрагменты сосудов с подчеркнутым, высоко поднятым плечом, имеющим иногда вид ребра. Венчик вертикален или слегка отогнут наружу. Тулово конусовидное или имеет слегка прогибающиеся внутрь стенки. Для горшков с конусовидным туловом больше характерны корот-

кие вертикальные венчики и округлое плечо. Формы некоторых горшков близки к баночным (рис. 24, 1—12). Аналогичные формы известны в керамике целого ряда памятников Северо-Запада — ранних горизонтов Пскова⁴, нескольких поселений, открытых С. Н. Орловым под Новгородом⁵, Городца под Лугой⁶, Иловца-2 в Калининской обл. (слои IX—X вв.)⁷, могильника X—XI вв. у дер. Новинка Вологодской обл.⁸

К первому хронологическому комплексу относятся также обломки орнаментированных сосудов, сделанных на примитивном гончарном круге. Тесто этой керамики, так же как и у лепной, грубое, с примесью дресвы. Цвет преимущественно светло-охристый, реже темно-коричневый или даже черный. Раннегончарная керамика представлена в основном горшками, деформируясь по профилировке на три группы. В первую входят горшки со вздутым в верхней трети туловом и едва намеченным венчиком, край которого несколько оттянут наружу. Характерный для этой группы орнамент состоит из горизонтальных бороздок, покрывающих верхнюю часть тулова на 1—1,5 см ниже края венчика. Иногда над бороздками располагается волнистая линия (рис. 24, 13). Ко второй группе относятся горшки с хорошо выраженным плавным изломом стенок в верхней трети, коротким венчиком, отогнутым наружу. Край венчика срезан. Орнамент — линейный и линейно-волнистый. Он образует широкий пояс, начинающийся несколько ниже края венчика (рис. 24, 14, 16, 17). Первая и вторая группы раннегончарной керамики почти не находят аналогий в кругу северо-западных древностей. Из всех известных здесь комплексов X—начала XI в. обе группы представлены только в керамике горизонта Д Старой Ладogi и то лишь в ничтожно малом количестве⁹. Первой группе близки отдельные горшки из ранних слоев Новгорода, отличающиеся более вытянутым и отогнутым наружу венчиком¹⁰. В керамике Пскова прямых аналогий нет, лишь несколько венчиков по профилировке отдаленно напоминают керамику первой группы¹¹. Сосуды обеих групп типологически имеют больше сходства с керамическими комплексами, известными из памятников Пруссии и Северной Польши (Западное Поморье)¹².

Третью группу составляют обычные для X в. горшки с плавно отогнутым наружу венчиком, имеющим срезанный край, покатыми плечиками и конусовидным туловом. Они орнаментированы горизонтальными, реже — волнистыми линиями (рис. 24, 15, 18).

Следует отметить, что раннегончарная керамика в численном отноше-

⁴ Фонды Государственного Эрмитажа.

⁵ С. Н. Орлов, М. М. Аксенов. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода. «Новгородский исторический сборник», вып. 10. Новгород, 1961, стр. 165, рис. 3; С. Н. Орлов. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода. СА, 1972, № 2, стр. 130, 131, рис. 3, 4.

⁶ Фонды Музея истории Ленинграда (Из раскопок Г. С. Лебедева).

⁷ Фонды Исторического музея г. Калинин (Из раскопок Н. И. Ивановской).

⁸ А. В. Никитин. Отчет о раскопках курганного могильника у дер. Новинка в 1967, 1969 и 1970 гг. Архив ИА, д. № 3530, 3982, 3982а.

⁹ Фонды Государственного Эрмитажа.

¹⁰ Приношу благодарность Г. П. Смирновой за любезно предоставленную возможность ознакомиться с рисунками новгородской керамики.

¹¹ Фонды Государственного Эрмитажа.

¹² E. Schuldt. Die slawische Keramik in Mecklenburg. «Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte», 5. Berlin, 1956, 40 e, g, h; 41 e, 42 b, c, d; J. Herrmann. Siedlung, Wirtschaft und gesellchaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder, Neisse und Elbe. Berlin, 1968, стр. 55, рис. 8; L. Łęcejewicz. Ujście we wczesnym średniowieczu. «Polskie badania archeologiczne», t. 8. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961; U. Dymaczewska. Ceramika wczesnosredniowieczna z Santoka pow. Gordow, «Slavia Antiqua», t. XVI. Warszawa—Poznań, 1970, стр. 174—192, рис. 10—25; F. Bialecka. Ceramika z stanowiska wykopaliskowego 4 w Wolinu. «Materialy zachodnio-pomorskie», 7, 1961, стр. 283; В. М. Горюнова. О западных связях «Городка» на Ловати (по керамическим материалам). Сб. «Проблемы этнографии и археологии». ЛГУ (в печати).

нии несколько уступает лепной, составляя 47% от общего числа керамики первого комплекса.

Кроме керамики, в первый комплекс входят отдельные находки, встречающиеся в предматериковой части культурного слоя и при зачистке материка: неорнаментированная лунница, вырезанная из тонкой бронзовой пластинки (рис. 25, 3), бронзовая булавка с обломанным навершием, заостренный конец которой украшен «волчьими зубами» (рис. 25, 1), трапециевидные орнаментированные подвески (рис. 25, 5, 6). Среди этих находок имеется также и обломок литого бронзового височного кольца с заходящими друг за друга пластинчатыми концами, типичного для курганов Смоленщины и Полоцкого Подвинья VIII—X вв.¹³ (рис. 25, 4). В нижнем пласте культурного слоя были найдены также обломок глиняной формы для выплавки кольцевой фибулы с гранчатыми головками (рис. 25, 15), части слитков бронзы (рис. 25, 8, 12), два целых (рис. 25, 14, 18) и большое количество фрагментированных тиглей, кусков глиняной ошлакованной обмазки, входившей в конструкцию горнов, ряд железных поделок.

Из пяти открытых на поселении построек четыре, несомненно, относятся к первому хронологическому комплексу.

Постройка 1 представляла собой небольшую (1,50×1,26 м) подчетырехугольную в плане яму глубиной 0,28 м, на северном борту которой находилось несколько пережженных камней от разрушенного полностью очажка-горна. Среди развала камней найдены целый тигель (рис. 25, 19), бронзовый дрот, круглый в сечении, куски железных шлаков, два железных плоских гвоздя без шляпок. Заполнение ямы содержало обломки тиглей, куски глиняной ошлакованной обмазки, а также фрагменты лепной и раннегончарной керамики.

Постройка 2 — это вытянутое с севера на юг наземное четырехугольное в плане сооружение размером 2,3×3,5 м. Пол в восточной части углублен в материк на 0,1 м. От западной, вероятно бревенчатой, стены постройки на материке осталась узкая гумусная полоса размером 0,2×3,5 м. Снаружи у этой полосы прослежены две столбовые ямы. В северной части сооружения обнаружен развал очажка-горна, сложенного из небольших камней. При расчистке и разборке пола постройки найдены обломки тиглей, кости животных, фрагменты лепной и раннегончарной керамики, обломок бронзового слитка, слегка расплющенного с концов (рис. 25, 9).

Постройка 3 (3,4×2,8) ориентирована по странам света. Она делилась на наземную, северную и южную, и углубленную части. Последняя имела размеры 1,96×1,6 м, глубину от уровня материка 0,15—0,2 м. Пол подмазан глиной, а в северо-западном углу находилась столбовая яма. За пределами углубления, поблизости от северо-восточного угла, были открыты еще три столбовые ямы. От северной стены постройки осталось вытянутое, неправильных очертаний углубление размером 1,9×0,5—0,7 м, глубиной 0,08—0,18 м, переходящее на западном конце в гумусное пятно размером 0,9×0,3—0,6 м, покрывавшее мелкую западину в материке. В северной наземной части постройки обнаружен развал обожженных камней, среди которых при расчистке встречены обломки тиглей, куски ошлакованной глиняной обмазки и кости животных. На полу постройки и в перекрывающей его гумусированной углистой супеси встречены фрагменты лепной (рис. 24, 1, 2, 6) и раннегончарной керамики.

Постройка 4 вскрыта лишь в своей восточной части, которая вошла в раскоп. В отличие от других сооружений она была довольно значительно углублена в материк (на 0,3 м), кроме того, эта постройка ориентирована по сторонам света не стенами, а углами. В северо-восточной

¹³ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, № 163, 1970, стр. 101.

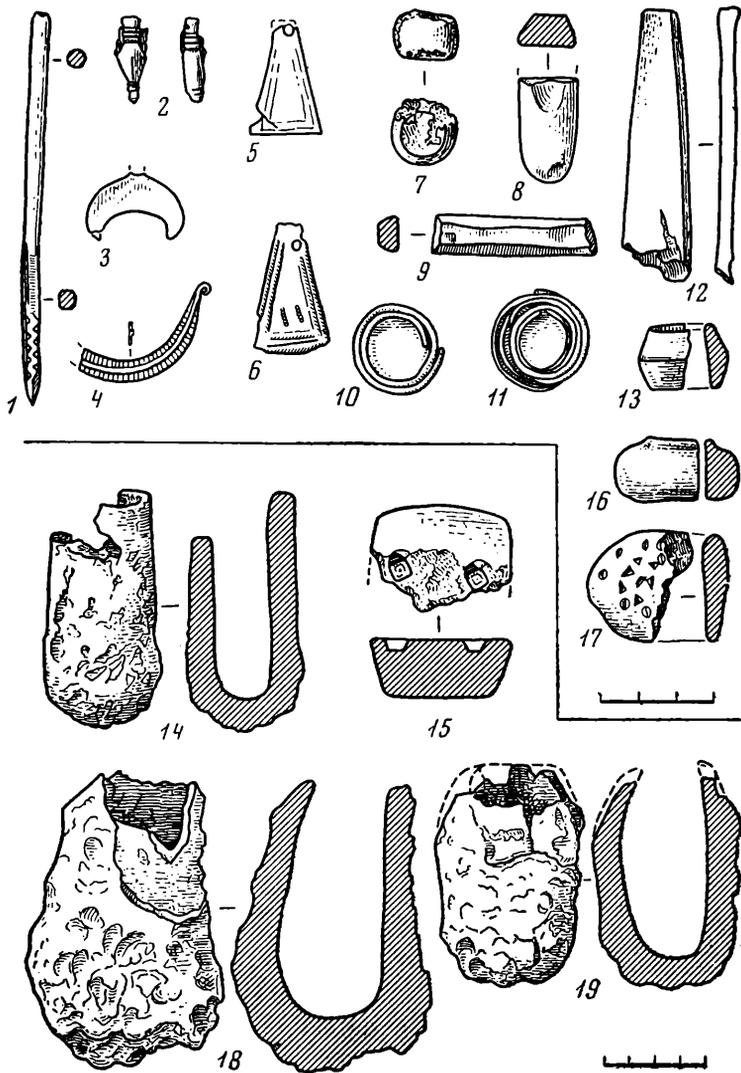

Рис. 25. Селище у дер. Городище. Вещи

1, 3 — 6, 8, 12, 14, 15, 18 — из предматериковой части культурного слоя; 2, 7, 13, 16, 17 — из верхней части культурного слоя; 9 — из постройки 2; 10, 11 — из постройки 4; 19 — из постройки 1 (1 — 6, 8 — 12 — бронза; 7 — железо; 13 — 19 — глина)

части имеется материковый выступ шириной 0,6—0,9 м, возвышающийся над полом постройки на 0,14 м. На нем встречено небольшое скопление пережженных камней. В полу прослежено три столбовые ямы: одна — в южном, две — в восточном углу. По характеру культурных остатков постройка не отличалась от предыдущих. Из находок следует отметить бронзовую тонкую проволоку, трехгранную в сечении (видимо, заготовка для перстня или спиральной трубочки), обрезки листовой бронзы, свившиеся в спираль (рис. 25, 10). Обращает на себя внимание найденная среди развала камней часть глиняного, сильно ошлакованного пода горна с прикипевшими к поверхности капельками бронзы, кусочками угля.

Для сооружения постройки 5 был использован естественный уступ в склоне холма; подрезкой крутизна уступа была увеличена, в основании его вырезана вытянутая с запада на восток овальная яма размером 1,5×

×1,0 м, глубиной 0,35 м от подножия уступа и 0,6 м — от верхнего края уступа. Столбовые ямы, обнаруженные к востоку и югу от постройки, возможно, связаны с ней. К какому времени относится постройка 5, сказать трудно, поскольку вещественные остатки, встреченные в ее заполнении, представлены лишь обломками тиглей. С запада к постройке примыкает сильно вытянутая яма, западным своим концом уходящая в стену раскопа. Вскрытая часть имеет размеры 1,42×0,64 м, углублена в материк на 0,25 м. Находок в ней не обнаружено. Назначение осталось невыясненным.

Поздний комплекс представлен гончарной керамикой с примесью песка и мелкой дресвы в тесте, хорошо прокаленным черепком. Она датируется по профилировке венчика XI и первой половиной XII в. К XI в. относятся отдельные фрагменты горшков, имевших отогнутый венчик с выступом на внешнем крае (так называемый манжетовидный)¹⁴ (рис. 24, 19). Намного больше керамики, характерной для XII в. Эти сосуды имели венчик со скошенным внутрь краем, по которому иногда проходит желобок¹⁵ (рис. 24, 20, 21, 23, 24). Несколько фрагментов принадлежат горшкам с вертикальным горлом, распространенным как в XI в., так и в XII в. (рис. 24, 22).

Кроме описанных выше находок, в культурном слое найдены вещи, датирующиеся широко, в силу чего они могут быть отнесены с одинаковой долей вероятности как к первому, так и ко второму комплексу. Это — сферическая весовая гирька (рис. 25, 7), две литые ромбовидные подвески (рис. 25, 2), глиняные пряслица и другие поделки из глины (рис. 25, 13, 16, 17), кованые гвозди, обломки ножей.

В результате раскопочных работ 1971 г. установлено, что городище и селище у дер. Городище синхронны друг другу. Открытые сооружения и большой материал позволяют говорить о значительном развитии кузнечного и ювелирного ремесел на поселении. Об обработке железа свидетельствуют главным образом находки кричного железа и кузнечного шлака. Больше собрано данных о ювелирном ремесле. Местные ювелиры обрабатывали в основном бронзу, поступавшую к ним, очевидно, посредством транзитной торговли в виде небольших слитков. Бронза расплавлялась в тиглях и помещалась в небольшие очажки-горны, сооруженные из камня и глины. Судя по отпечаткам на стенках тиглей, при плавке пользовались ювелирными клещами, толщина губ которых не превышала 3—4 мм. Отливка вещей производилась в глиняных формах. Другим техническим приемом, часто применявшимся при изготовлении украшений, былаковка. Одни и те же мастера занимались как кузнечным делом, так и ювелирными работами, что характерно для раннего ремесленного производства, обеспечивающего своими изделиями сельскую округу.

¹⁴ М. В. Малевская. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 85—92.

¹⁵ М. В. Малевская. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII—XIII вв. КСИА, вып. 125, 1971, стр. 28, 29.

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

ДРЕВНИЙ РОСТИСЛАВЛЬ

Древний смоленский город Ростиславль (ныне Рославль) расположен на древней дороге из Смоленска в Чернигов, в южной части Смоленской земли.

Город впервые упомянут в дополнительной грамоте к уставу Ростислава смоленского 1136 г., которая датируется временем после 1150 г.¹, и так как в самом уставе он еще не назван, а в дополнительной грамоте сообщается, что он платит в Смоленск, как город погородье (3 гривны) и почестье (гривна и 4 лисицы), то можно думать, что Ростиславль возник между 1136 и 1150 гг. Судя по размерам погородья, по своему экономическому значению он был меньше тогда же возникшего Мстиславля (платил 6 гривен) и равнялся примерно Ельне (платила 3 гривны и лисицу). Исходя из названия, можно не сомневаться, что город Ростиславль был отстроен на южных рубежах древней Смоленщины князем Ростиславом Мстиславичем, сидевшим на смоленском столе в 1128—1160 гг. С течением времени наименование города видоизменилось. Он стал называться Рославль. В древнерусских летописях и в актовых материалах город упоминается только с конца XV—начала XVI в.² Судя по археологической карте курганов Смоленской земли, Рославль находился в довольно сильно заселенной местности.

Историей города занимались мало. Первая работа относится к 1858 г. и содержит лишь поверхностно собранные сведения о нем³. Более обстоятельной была работа преподавателя Рославского уездного училища С. С. Ракочевского, вышедшая двадцать два года спустя после первой под весьма скромным названием⁴. Критическая статья, опубликованная тут же за работой, отмечая ее достоинства (обстоятельность, обилие материала) и недостатки (неверное утверждение, что город отстроен Мономахом и т. д.), по-видимому, отпугнула исследователей от дальнейшего углубления занятия этой темой. «Все это вместе взятое, — безапелляционно заключал автор рецензии, — не дает нам права отнести город Рославль к местностям России, особенно замечательным по своим археологическим

¹ «Памятники русского права», т. II, М., 1953; Я. Н. Шапов. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича. «Археографический ежегодник за 1962 г.», М., 1963; он же. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972, стр. 136—150; А. В. Поппэ. Учредительная грамота смоленской епископии. «Археографический ежегодник за 1965 г.», М., 1966.

² В книге В. В. Седова (Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92, 1960, стр. 25) ошибочно сказано, что Тверская летопись называет город под 1239 г.

³ Ф. Никитин, В. Неверович. Историко-статистическое описание города Рославля и уезда его. «Памятная книжка Смоленской губернии на 1858 г.», Смоленск, 1858.

⁴ С. Ракочевский. Исторические сведения о Рославле. «Смоленский вестник», 1878, № 30; он же. Опыт собирания исторических записок о г. Рославле. ИРАО, т. IX, 1880. То же — отдельным изданием. Рославль, 1885.

памятникам; мы позволяем себе думать, что интересные сведения о городе Рославле, собранные г. Ракочевским, могут скорее всего доставить весьма полезный материал для исторической географии нашего отечества»⁵. Это суровое заключение А. И. Савельева — известного ученого было, очевидно, и причиной того, что имя С. С. Ракочевского в печати более не появлялось. Вместе с тем суждение рецензента было слишком поспешным. Работа С. С. Ракочевского содержала большое количество весьма важных сведений, тонких и правильных наблюдений, справедливость которых подтверждается в наши дни. После С. С. Ракочевского истории города посвящались только небольшие популярные очерки. Таковы несколько статей исторического и историко-этнографического содержания местного краеведа А. А. Щукина, сопровождаемые большим нагромождением априорных заключений и допущений⁶. Ценность статей А. А. Щукина — в некоторых фактических данных об археологических памятниках Рославльщины, о ее этнографических обрядах.

Рославль сложился исторически. В XVIII в. он состоял из нескольких частей, разделенных речкой Становкой: «собственно город», Юрьевская гора и Заречье. Центром «собственно города» было древнее городище «Бурцева гора», возле которой за рвом дугообразно располагались кварталы, перерезанные радиусами-улицами от центра к периферии⁷. Основные четыре улицы города носили названия по городам, к которым они выводили: Смоленская, Мглинская, Краснинская и Брянская⁸. На правой возвышенной части Становки, за рвом городища, располагался посад с торговой площадью и четырьмя церквями, которые, судя по названиям (Благовещенская, Никольская, Успенская и Пятницкая)⁹, могли быть и весьма древними. Эти церкви упомянуты уже в документе 1634 г. — «Благовещенская на посаде», «Николы в Незнанове», «Успения в Жолницу», «Пятницы на месте». В центре современного города, в низине, на левом берегу Становки возвышается Спасский монастырь, отстроенный, по преданию, в XIII в.¹⁰

Подобно соседним городам Мстиславию и Кричеву, в Рославле было, по-видимому, и городище раннего железного века, расположенное на Сотниковой горе. По описанию С. С. Ракочевского, последняя находилась «по другую сторону земляного вала (Бурцевой горы), в расстоянии 300 сажень от него, вверх по течению Становки, на левом берегу». Это был «круглый плоский курган, возвышающийся над уровнем речки на 17 аршин (свыше 12 м)», с «верхней площадью 2880 кв. аршин и при основании 8019 кв. аршин». В народе памятник назывался «городком», а в официальных документах «прошлого столетия» (XVIII в.) — Сотниковым городищем¹¹. Городище имело, по тому же описанию, культурный слой «насыпной грунт... в верхней его части»; на две трети высоты оно состояло из песка. «От самого берега Становки, начинаясь под прямыми углами, два широких лога по обе стороны основания кургана параллельно тянулись к северу, постепенно суживаясь и исчезая в песчаной возвышенности. Их-то соединение широким перекопом и отделило от прибрежной возвышенности основание кургана, дав и материал для возвышения его». Так С. С. Ракочевский

⁵ А. И. Савельев. Рецензия. ИРАО, т. X, 1884, стр. 219.

⁶ А. Щукин. Рославль. «Смоленский вестник», 1892, № 19, 51; он же. К истории Рославльского уезда. Там же, 1898, № 137.

⁷ С. Ракочевский. Опыт собирания... стр. 494.

⁸ Г. Т. Рябков. Города Смоленской губернии в последней четверти XVIII—начале XIX в. МИСО, вып. 2, 1957, стр. 416.

⁹ «Историко-статистическое описание церквей и приходов Смоленской епархии». СПб., 1864, стр. 329.

¹⁰ Митрополит Филарет, правда, ссылаясь на «Акты исторические» (т. I, № 174, 293, 518), считает, что монастырь возник позднее, но во всяком случае до 1560 г. (Филарет. История русской церкви. М., 1888, стр. 253).

¹¹ С. Ракочевский. Опыт собирания... .

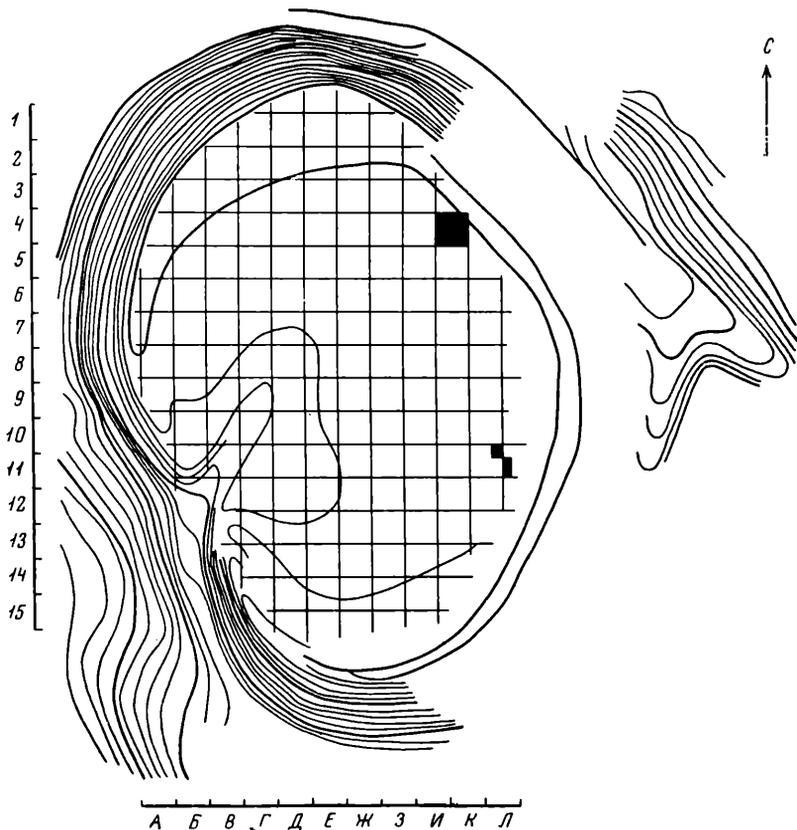

Рис. 26. План древнего Рослава. Квадраты разграфки равны одному ару на местности. Сечение горизонталями через 1 м (восточный склон аналогичен северному и южному; темные квадраты — шурфы)

описывает ров и вал виденного им городища. «Сотниково городище за городом, — пишет И. И. Орловский, — недавно продано городской управой на срытие»¹². Этим, очевидно, и объясняется, что следов памятника до нас не дошло.

Древние вещи в Рославе встречаются постоянно. При раскопке рва для часовни на Бурцевой горе в 1855 г. обнаружено большое количество человеческих (?) костей¹³. В 1875 г. при рытье рва для устройства каменного фундамента под возобновлявшийся каменный иконостас Благовещенской церкви «были найдены кирпичные обломки, выжженные превосходно, замечательные по своей плитообразной форме, не похожие на форму кирпичей крепостной смоленской стены: при ширине $6\frac{1}{2}$ дюймов (16,5 см) их толщина различна — от $1\frac{1}{2}$ она доходит до 2 дюймов (от 38 до 50 мм)¹⁴. Несомненно, речь идет о плинфе, из которой, очевидно, были возведены какие-то постройки на посаде (может быть, древняя Благовещенская церковь?). При земляных работах у часовни на Бурцевой горе в 90-х годах был обнаружен перстень «с благословляющей человеческой фигурой»¹⁵. Наконец, в 1927 г. «при переоборудовании Бурцевой горы» для гулянья, в самом ее центре найдено «несколько слоев древнего кир-

¹² И. И. Орловский. Краткая география Смоленской губ. Смоленск, 1907, стр. 170.

¹³ С. Рякочевский. Опыт собирания... стр. 495, 496.

¹⁴ Там же, стр. 516.

¹⁵ А. А. Цу(уж)н. К истории г. Рослава. «Смоленский вестник», 1893, № 108.

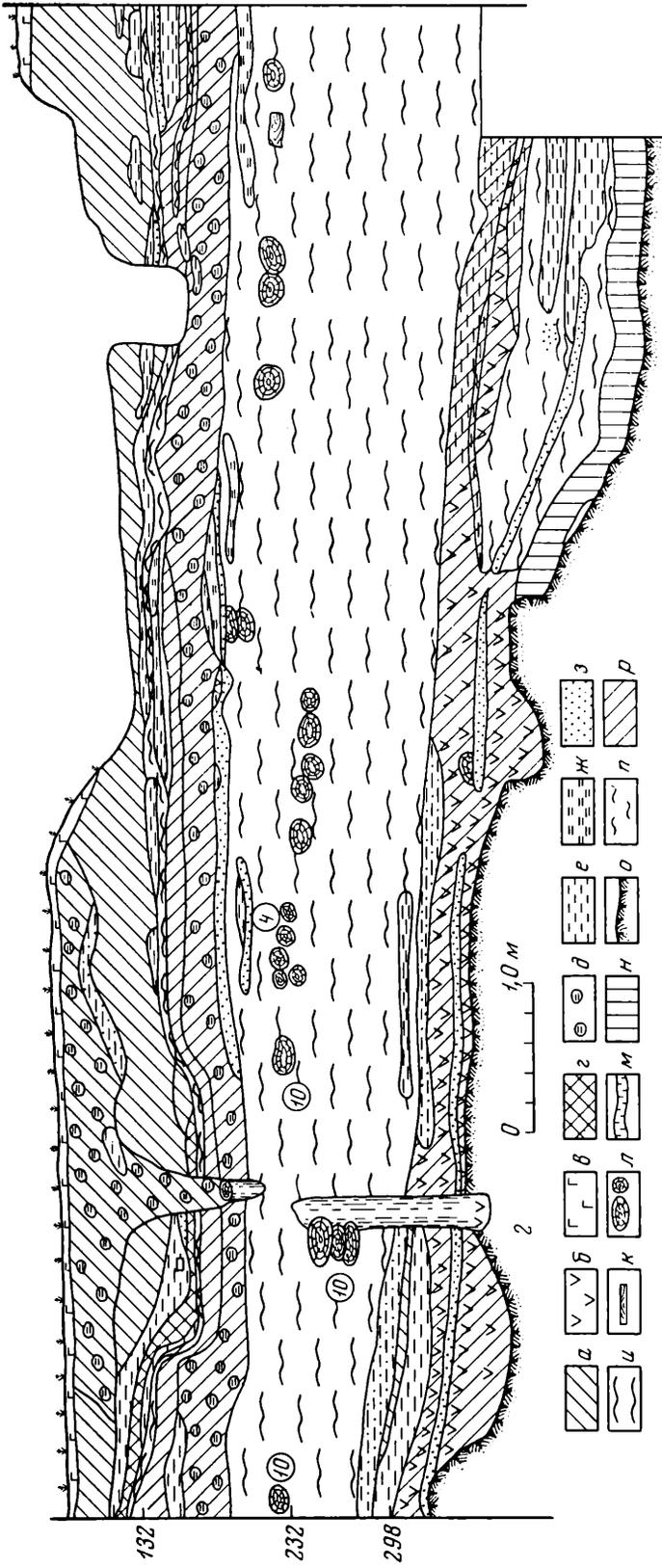

Рис. 27. Профили раскопа II

ж — желтая глина;
 м — погрешенная почва;
 о — материк;
 л — вола;
 р — светлый песок
 Цифры в кружках на профилях
 означают номера объектов

д — крошка обожженной глины;
 е — глина;
 ж — обожженная глина;
 з — угольный;
 и — гнилая древесина;
 к — доски;
 л — бревна;
 1 — северный;
 2 — южный
 а — светло-серый слой;
 б — дерн;
 в — отородный;
 г — темный, без примеси древесных
 остатков;

а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к
л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф

пича, а под ним — нечто вроде свода»¹⁶. Приехавший из Смоленска И. М. Хозеров установил, что это — остатки здания XVI в. В его присутствии рабочие наткнулись на глубине 1,7 м на площадке означенной горы, недалеко от ее края, на остатки деревянного сооружения из дуба в пять венцов, рубленных в так называемое обло. Не знаем, с ведома ли И. М. Хозерова далее сообщалось, что «общая конфигурация обнаруженного сруба с достаточным основанием свидетельствует за необходимость признания в данном случае остатков башни и стены деревянного укрепления Бурцевой горы»¹⁷.

Помимо остатков поселений, в Рославле был, по-видимому, и обширный, ныне не сохранившийся курганный некрополь: «Из памятников древности, — сообщалось в 1864 г., — кроме курганов в самом городе и около него, ничего не осталось»¹⁸.

Городище древнейшего города расположено в самом центре современного Рославля, между речками Становкой и Глаземойкой, на высокой горе (в северной стороне высота 15 м, в южной — 10—12 м). Площадка памятника напоминает форму боба, ее размеры 160 м (север-юг) и 110—120 м (восток-запад). С севера, юга и запада городище оконтурено рвом (рис. 26). По периметру городищенской площадки насыпан был высокий вал, сохранившийся теперь (на высоту 5—6 м) только в южной и восточной частях городища. В северной части вал срыт давно, в юго-восточной несколько лет назад он был перерезан бульдозером. Сохранность городища хорошая. На нем нет построек с мощными фундаментами (исключением являются только остатки телевизионной вышки в квадрате И-5).

Археологические исследования в Рославле проводились автором на средства Рославльского историко-художественного музея в течение 1969 и 1970 гг.¹⁹ Работы были начаты в нескольких местах: в юго-восточной части городища заложен раскоп I (кв. Л-11 и М-11), в северо-восточной части — раскоп II (кв. К-4, кв. Е-12 — шурф 1) и в ограде бывшей телевизионной вышки (кв. И-6 — шурф 2). Во всех раскопах обнаружен культурный слой, найдены отдельные предметы, относящиеся к домонгольскому времени (шиферные пряслица, стеклянные браслеты).

Стратиграфия памятника была не очень сложная (рис. 27). Материк залегает на Бурцевой горе на разных глубинах: в квадратах Л-11 и М-11 раскопа I он открыт на глубине 1,5 м, а в северо-восточной части памятника (раскоп II) — на глубине 4,3 м. Условно весь культурный слой городища можно разделить на три горизонта: верхний, средний и нижний. Верхний (от 0 до 1,4 м) состоял из четырех прослоек — гумусированной пахотной светлой (с примесью глиняной крошки в северной части раскопа), толщей от 0,1 до 0,4 м; темной, отделенной от предыдущей тонкими прослоечками глины; наконец, снова более светлой с примесью крупной глиняной крошки. Средний горизонт (от 1,4 до 2 м — в восточной части раскопа II и до 3,2—3,4 м — в юго-западной части) составляют наслоения из древесных остатков — щепы, перегнившего дерева и местами — из навоза. Здесь открыты все основные древние деревянные постройки. Нижний слой был неоднородным. Как и верхний, он представлял сложную картину напластований. В северной, восточной и юго-восточной частях раскопа II он был перекрыт иногда довольно мощной (до 0,3 м) прослойкой материковой глины, которую в свою очередь подстилала более темная прослойка со значительной примесью навоза и со вклю-

¹⁶ Памятники старины. «Рабочий путь». Смоленск, 1927, № 130.

¹⁷ Отклики на заметки. Там же, 1927, № 166.

¹⁸ Историко-статистическое описание... стр. 327.

¹⁹ В раскопках участвовали Э. М. Сергеева, Я. Г. Риер, Т. И. Венславская, Р. А. Михневич, Ю. Корндорф, С. Ю. Крупянский и др. Активное участие принимала директор Рославльского музея М. И. Иванова, которой автор крайне признателен.

чениями в южной части тонких прослоек. Материк — светло-серая глина. В пределах раскопа II он сильно перекопан ямами и имел наклон в 2 м с разностью глубин от поверхности земли 2,4 м (у вала) до 4,4 м (в западной части раскопа). Глубина залегания материка у северного профиля раскопа II — 470 см от репера.

Древнейший горизонт слоя вещей не содержит и не может быть пока датирован. Самые ранние находки залегали в пожарище первоначального поселка и вблизи от него. Здесь прежде всего следует назвать обгоревшие в пожаре (II. К. 16)²⁰ костяное «навершие посоха» (?) На одной поверхности предмета острым ножом несколько раз была прочерчена семиугольная фигура, сильно напоминающая корону, как она изображалась на древнерусских миниатюрах²¹. На другой стороне предмета в его «верхней»

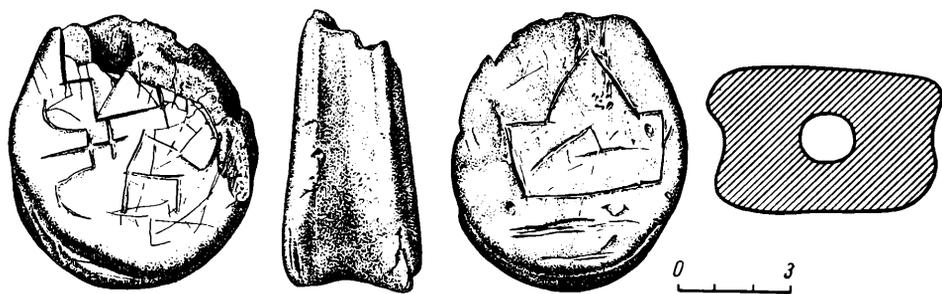

Рис. 28. Костяное навершие с княжеским знаком

части, у отверстия, надеваемого на «посох» (?), помещено изображение равноконечного четырехугольного креста, сильно испорченного при просверливании отверстия (рис. 28). «Ниже» этого изображения есть еще несколько непонятных знаков, левее которых четко читается княжеский знак — «трезубец», состоящий из вертикальной средней мачты, которая пересечена под прямым углом двумя штрихами: один маленький — в нижней части, другой, несколько больший, — в средней части «мачты». От концов последнего отходят в разные стороны две размашисто прорисованные дуги. Знак этот ближе всего к тамге отца Владимира Мономаха Всеволода Ярославича²², однако последняя является «двузубцем» с отрогами внутрь, которых на нашем знаке нет. Напоминает рославльское изображение и знак смоленского князя Ростислава, но здесь различий несколько больше, чем в предыдущем случае²³. На уровне пожарища найдены еще следующие предметы: ключ от замка (II. М. 16), относящийся, судя по новгородским раскопкам, к XI—началу XIII в. (рис. 29, 9), кожаный кошелек в виде мешочка с ремешком (II. Е. 16), сделанный из одного куска кожи с внутренним швом (аналогии известны в Пскове, Новгороде, Москве, Бресте)²⁴, а также шарнирные ножницы с инкрустацией (II.Н.6,

²⁰ Здесь и далее при упоминании находок даются их координаты в скобках: римская цифра — раскоп, буква — квадрат, арабская цифра — штык (пласт).

²¹ «Радзивилловская, или Кёнигсбергская летопись». СПб., 1902, лл. 5 об., 193 об., 203 об. (верхняя миниатюра).

²² «История культуры Древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 168, рис. 110, б.

²³ В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок. МИА, № 55, 1956, стр. 150, рис. IV, 30.

²⁴ П. Ф. Лысенка. Раскопки Бярэсця. «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», 1971, № 1, стр. 23, рис. 10; Е. И. Оятева. Обувь и другие кожаные изделия из древнего Пскова. «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», вып. 4. Л., 1962, стр. 92, рис. 10, 12; С. А. Изюмова. Кожевенное и сапожное ремесла Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 219, рис. 11, 10; А. Ф. Дубынин. Археологические раскопки в Зарядье. КСИА, вып. 79, 1960, стр. 78.

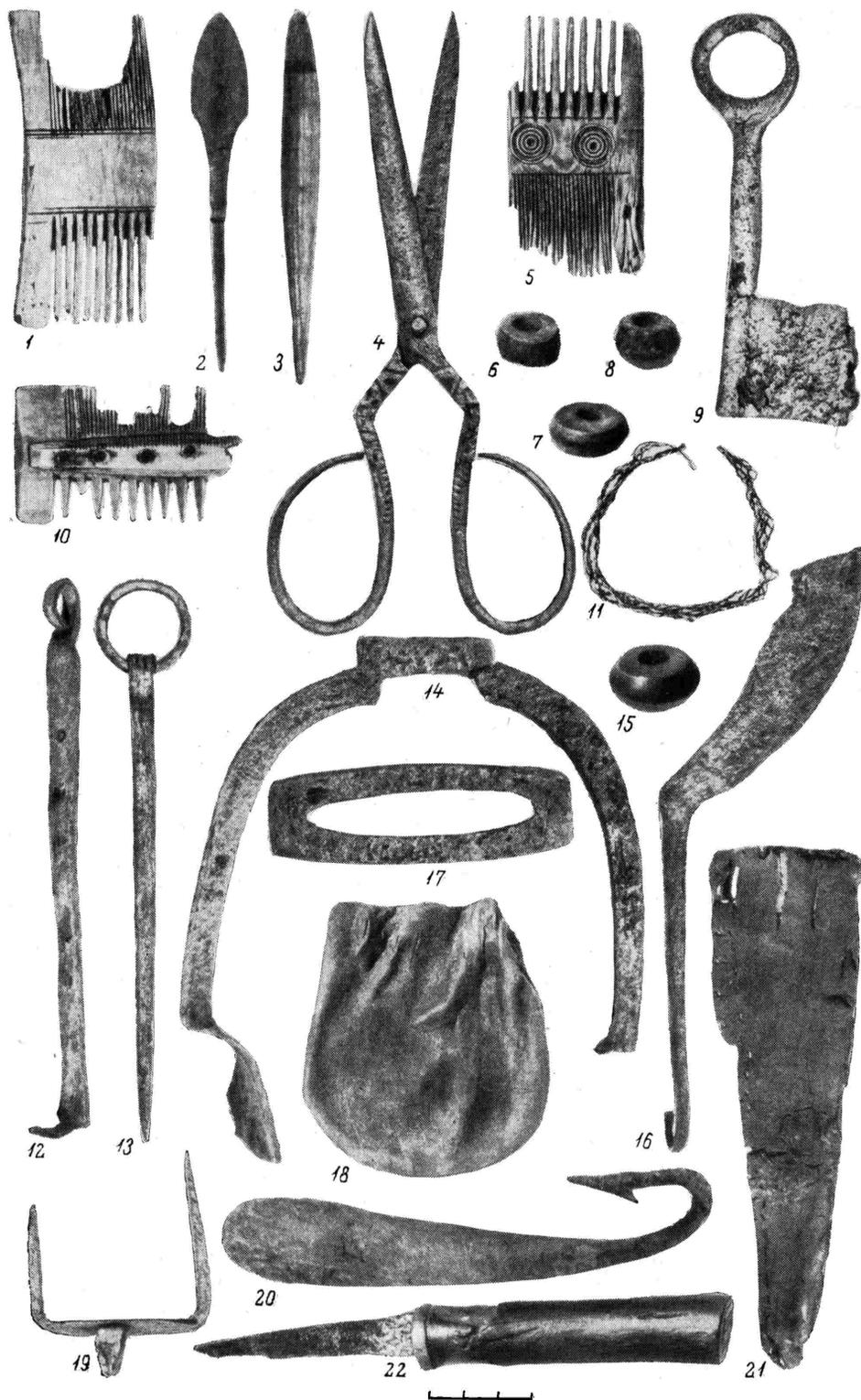

Рис. 29. Вещи из раскопок Рославля

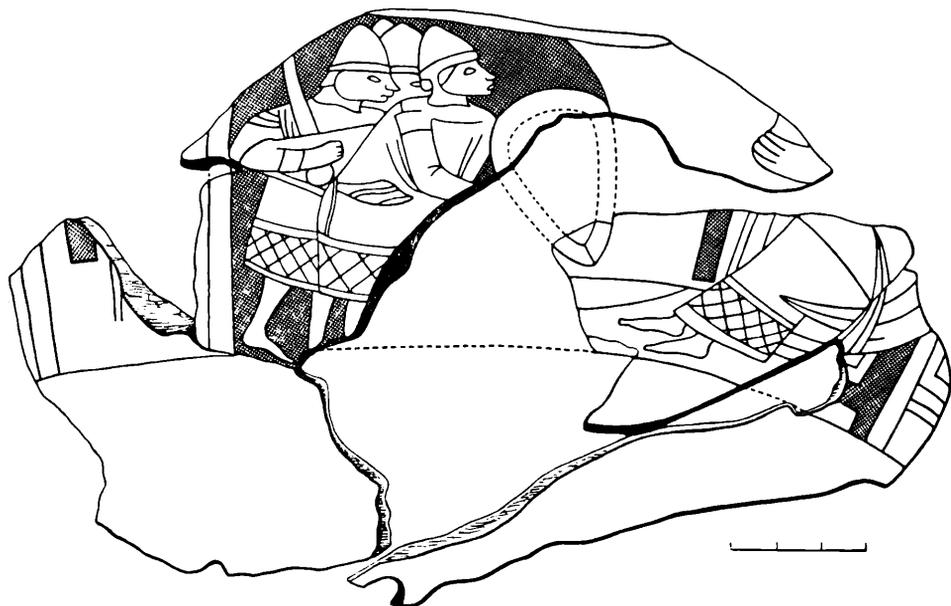

Рис. 30. Прорись рисунка на деревянной чаше

рис. 29, 4). Почти такие же известны из Бородинского городища (XII—XIV вв.), на Смоленщине²⁵; аналогичные есть и в Новгороде (XIII в.).

После пожара первоначального поселка, который произошел, очевидно, во второй половине XII в., в древнем Ростиславле началось интенсивное деревянное и, судя по находкам отдельных плинф, кирпичное строительство. В слое щепы и навоза над пожаром найдены фрагменты керамики, датируемые Г. П. Смирновой концом XII—началом XIII в., и другие предметы, относящиеся к этому же времени: килевидная стрела (II.Г.15; рис. 29, 2) тип 33, по классификации А. Ф. Медведева²⁶ железное стремя (II.Л.15, рис. 29, 14), имеющее аналогию в памятниках кочевников²⁷, самшитовый гребень (II.В.15; рис. 29, 1), пружинные ножницы (II.Л.15).

Здесь обнаружены древнейшие деревянные постройки города — объекты 15 и 18. Первый представляет маленький, хорошо сохранившийся из пяти венцов сруб, ориентированный углами по странам света. Это была клеть, почти квадратная в плане (2,75×2,45 м) с дощатым полом и дверным проемом в северо-западной стене, но не в ее середине, как обычно, а вблизи северного угла. В третьем венце бревно в месте проема двери было стесано наполовину, а на образовавшуюся на нем плоскость с наружной стороны положено еще одно бревно, в конце которого сделан выруб для пятки двери. С внутренней стороны сохранились

²⁵ В. В. Седов. Указ. соч., стр. 108.

²⁶ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие (луки, стрелы, самострел) VIII—XIV вв. САИ, Е1—36. М., 1966, табл. XX, 25.

²⁷ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 180, рис. 16, 7.

- ← 1, 5 — самшитовые гребни;
- 2 — наконечник стрелы;
- 3 — веретено;
- 4 — ножницы;
- 6 — 8 — шиферные пряслица;
- 9, 12 — ключи;
- 10 — костяной гребень;

- 11 — бронзовый проволочный браслет;
- 13 — железная булавка;
- 14 — стремя;
- 15 — пряслице из серого сланца;
- 16 — железный серп;
- 17 — кресало;

- 18 — кожаный кошелек;
- 19 — древолазный шип;
- 20 — железная блесна;
- 21 — кожаные ножны ножа;
- 22 — нож с деревянной рукояткой и костяным предохранителем

Таблица 1
Распределение стеклянных браслетов из раскопа II

Штык Цвет	4		5		6		7		8		9		10	
	В*	Г**	В	Г	В	Г	В	Г	В	Г	В	Г	В	Г
Желтый		1			1			1						
Сиреневый											1			2
Черный									1					
Бесцветный									1	1				
Коричневый							1			1				
Зеленый					1				2	3		2	1	
Бирюзовый														
Голубой											1			
Бутылочный														1
Синий														
Итого по форме	1				2			2	4	5	1	3	1	3
Всего	1				2			2	9		4		4	

* «В» означает, что браслет витой.
** «Г» — гладкий.

остатки наличника-притолоки. Объект 18 — бревенчатый настил, примыкавший к сруб 15 и сложенный из бревен-горбылей на двух лагах. С южной стороны настил огражден частоколом, который начинался вблизи западного угла сруба. Выше настила 18 находился настил, сложенный из более тонких бревен на трех лагах. Он также примыкал к сруб 15. По-видимому, сруб бытовал довольно долго; настил 16 был сооружен не сразу, а после того, как нижележащий пришел в негодность и между ними образовалась прослойка щепы в 20—30 см.

Сруб 15 и настил 18 могут датировать следующие находки: овальное железное кресало (П.Н.14, рис. 4, 17), относящееся к началу XIII в.²⁸,

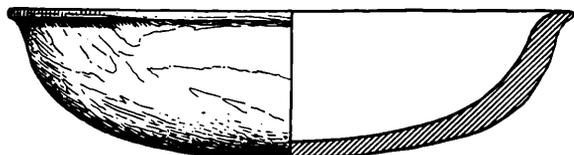

Рис. 31. Точеная деревянная миска (диаметр 17 см)

самшитовый гребень с циркульным орнаментом (П.З.13, рис. 4, 5). Непосредственно на полу сруба 15 (П.И.13) найдены фрагменты деревянной чаши с прорезанным на нем высокохудожественным рисунком, затертым красной краской (рис. 30). Перед сидящей на «столе» княжеской фигурой стоит группа воинов (видны четыре фигуры) в шлемах-шишаках и с бармицами, с вооружением. Они — в рубахах до колен с расшитым низом. Одежда князя (сохранилась только нижняя часть фигуры) доходит ему до щиколоток, внизу так же расшита; в руке первого воина — миндалевидный щит, в правой руке второго — обнаженный поднятый вверх меч. Воины изображены с большой экспрессией, особенно первый, который явно спорит с князем, слегка подался вперед и с вызовом смотрит на него. Спор, очевидно, был напряженный, и, защищаясь от нападков, князь разводит руками. Форма шлема и тип меча позволяют датировать изображение. Сфероконические шлемы относятся к типу II-A классификации

²⁸ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 101.

11		12		13		14		15		16				Всего
В	Г	В	Г	В	Г	В	Г	В	Г	В	Г	В	Г	
	1	2	3			1	1					4	7	11
1	1	2				1		1	2	1	2	7	7	14
1	5	3			1	3		1		3		12	16	18
1	1			3		2		3		4		14	2	16
4		1	10					1			3	6	15	21
2	2	1	1	2	2	1			1	2	1	12	12	24
	1	4							1		1	4	3	7
1			3	1								2	4	6
													1	1
	1					3		1	2			4	3	7
10	12	13	17	6	3	11	1	7	6	10	7			125
	22		30	9		12		13		17				125

А. Н. Кирпичникова. Такие шлемы имели место на Руси в XII—первой половине XIII в.²⁹ Меч с дисковидным навершием и прямым перекрестием, который держит второй воин, относится в VI типу классификации А. Н. Кирпичникова. Аналогичные мечи были распространены на Руси с XII до начала XIV в. и употреблялись наиболее часто в XIII в.³⁰ Дате этой не противоречит и щит, принадлежащий к подвижным миндалевидным щитам, появившимся около 1200 г., когда это оружие «из пассивного средства защиты постепенно становится более подвижным и удобным для манипулирования в бою»³¹. В Кёнигсбергской летописи XV в., копирующей оригинал XIII в., подобные щиты встречаются неоднократно. Есть там и вышитые внизу короткие рубахи, которые носили преимущественно всадники; на княжеских же длинных одеждах подол обычно так же расшит, как и на нашем изображении³².

Рисунок рославльской чаши изображает, несомненно, какое-то столкновение князя с его дружиной, причем последняя явно что-то от него требует и чем-то угрожает. Подобные случаи известны летописи: «И рекоша ему (князю. — Л. А.) дружина его: а собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѡдем по тобѣ — мы того не вѣдали!» (1169 г.)³³. Бывали случаи, когда после такого совещания дружина либо вообще покидала своего князя, либо только отказывалась идти в походы, либо «подуче не идяху» (1772 г.)³⁴. Чаша, предназначавшаяся, как нам кажется, для воинских дружинных пиров, заслуживает специального рассмотрения в будущем; сейчас же отметим, что это не первая находка в культурных слоях древнерусского города. На подобной же воинской чаше, найденной в горизонтах 20—30-х годов XIII в. (ярусы 14—15) Новгорода, воины прорчерчены более искусно (изображение также затерто краской), но содержание менее интересно, нет сюжета. Здесь тоже видны шлемы, щиты,

²⁹ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, т. III. САИ, Е1—36. М., 1971, стр. 28, табл. XI, 1.

³⁰ Там же, т. I. САИ, Е1—36. М., 1966, стр. 55.

³¹ Там же, т. III, стр. 38.

³² «Радзивилловская, или Кёнигсбергская, летопись», лл. 34 (верх), 40 об. (низ), 41 об. (верх) — щиты; 196 (верх), 206 об. (верх) — вышивки на одеждах.

³³ ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 536, 537.

³⁴ ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стб. 364.

мечи, но все это несколько иное, чем на рославльской чаше³⁵. Фигуры воинов изображены в движении, в порыве, что, очевидно, не случайно и связано с особым назначением сосудов этого рода. Воины — в расшитых рубахах, с оружием тех же типов, которые изображаются и на фресках в Смоленске³⁶.

После возведения сруба 15 на раскопанном участке долго ничего больше не строилось, и горизонты между отметками 377—около 300 были заняты остатками настилов, бревен и главным образом щепы и перегнившего дерева. Здесь на уровне 12 штыка найдены ключ типа В (II.Г.12, рис. 29, 12), датирующийся второй половиной XII—началом XIV в., бронзовый проволочный витой браслет 3×3 (рис. 29, 11), кожаные ножны для ножа (II. М. 12, рис. 29, 21), веретено (II. Е. 12, рис. 29, 3), нож с костяной рукояткой (II.М.12, рис. 29, 22); на уровне 11 штыка — костяной гребень (II.О.11, рис. 29, 10), блесна (II.Д.11, рис. 29, 20), «древотазный шип» (II.О.11); на уровне десятого штыка — железная булава с кольцом (II.А.10, рис. 29, 13), серп (II.Л.10, рис. 29, 16), деревянная миска (II.Е.10, рис. 31); на уровне девятого штыка — сверло (?II.П.9).

На уровне седьмого-восьмого штыков на раскопанном участке снова началось строительство: последовательно были возведены две постройки. Постройка 2 (5,4×5,1 м) сохранилась на четыре венца, причем нижний венец для прочности был положен из дубовых бревен. Печи не было; к срубу примыкала пристройка. Скорей всего это был амбар. Вокруг него отложился культурный слой в два-три штыка. Здесь найдены костяной кочедык (II.О.8), ложновитой серебряный браслет (II.Л.8), железная булава с кольцом и инкрустацией (II.Л.10), удила (II.В.7), глиняное яйцо (II.ВВ.7). На срубе 2 возведен непосредственно сруб 1 (размером 3,36×3,32 м), также ориентированный углами по странам света. Под западный угол сруба была подсыпана глина толщиной 20—25 см. В северном углу сруба располагалась печь, почти квадратная в плане (1×1,2 м), положенная также на специально возведенную глиняную подушку, находящуюся ниже пола. Под печи выложен из нетолстых кирпичей, напоминавших плинфу, но в действительности более поздний (как любезно подтвердил П. А. Раппопорт). Свод печи, естественно, обвалился: стенки печи сделаны из вертикально воткнутых в глиняное основание жердей, обмазанных толстым слоем глины. Печь ограждал специальный опечек, к которому подходил под. Среди вещей, найденных на горизонте постройки дома и выше, отметим два костяных яйца (II.Г.6 и II.Н.4), железный варган (II.Л.5), верхнюю часть стремени (II.В.4). Таблица 1 характеризует распределение в раскопе II найденных там 125 обломков стеклянных браслетов.

Наибольшее количество браслетов приходится на 11—12 штыки. На этом основании можно предполагать, что данные горизонты относятся к 30—40-м годам XIII в., когда стеклянные браслеты были очень распространены. В целом же, все приведенные данные позволяют считать, что жизнь на Рославльском детинце возникла во второй половине XII в., а на XIII в. падает расцвет древнего города.

³⁵ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА № 65, 1959, стр. 124, рис. 2, 1; Б. А. Колчин. Новгородские древности. Резное дерево. САИ, Е1—55. М., 1971, стр. 60, табл. 47, 1.

³⁶ Н. Н. Воронин. Смоленские граффити. СА, 1964, № 2, стр. 173.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТИНЦА
ДРЕВНЕГО НОВОГРУДКА

Детинец древнего Новогрудка, упомянутый в 1274 г. Ипатьевской летописью под наименованием Новгородка¹, расположена на Замковой горе, находящейся в северной части современного города. Его площадка окружена кольцевым валом, сохранившимся в высоту до 6 м. На валу стоят развалины каменно-кирпичных башен XIV—XVI вв. (рис. 32). При исследовании северной башни в 1970 г. М. А. Ткачеву удалось открыть остатки каменной башни более раннего времени, датирующейся XIII в.² Замковую гору опоясывает ров глубиной 10 м, а у ее подножия с северной стороны стоит вал, сооруженный в начале XIII в.³ В настоящее время вал имеет высоту 7,5 м.

В 1956 г. нами была зачищена стенка ямы, вырытой на площадке детинца, и при этом встречены керамика XII—XVI вв., золотоордынская монета 1355 г., широколезвийный топор и другие находки⁴. Небольшой раскоп (24 кв. м) был заложен в 1959 г. вблизи южной башни. Исследование его завершилось в 1962 г.

Раскопанный участок позволил установить мощность культурного слоя (4,8 м) и его стратиграфию. В итоге исследования выяснилось, что на глубину от 1,5 м простирался развал каменно-кирпичных сооружений XIV—XVI вв. Под ними находились остатки наземных срубных жилищ с глинобитными печами, которые согласно находкам датируются XII—XIII вв. Постройки лежали на слое песка мощностью около 1 м, вероятно насыпи первоначального вала детинца. Песок покрывал культурный слой толщиной до 60 см с находками X—XI вв.⁵

Систематические раскопки начались в 1968 г. Раскоп площадью 420 кв. м был разбит в северной части площадки вблизи вала⁶. С начала работ выяснилось, что юго-западная часть его занята остатками монумент-

¹ ПСРЛ, т. II. М., 1962, стр. 873.

² М. А. Ткачев. Исследования памятников оборонного зодчества Белоруссии. АО 1970 г. М., 1971, стр. 307—308.

³ Там же, стр. 307.

⁴ Ф. Д. Гуревич. Работы Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 90; она же. К истории древнего Новогрудка. «Swiatowit», XXIV. Warszawa, 1962, стр. 558—564.

⁵ И. Д. Зильманович. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 93—98.

⁶ Отдельными участками раскопа руководили: К. В. Павлова (1968—1970 гг.), Е. В. Шолохова (1968—1970 гг.), Т. С. Пономарева (1970—1971 гг.), М. В. Малевская (1968 г.) и К. М. Плоткин (1971 г.).

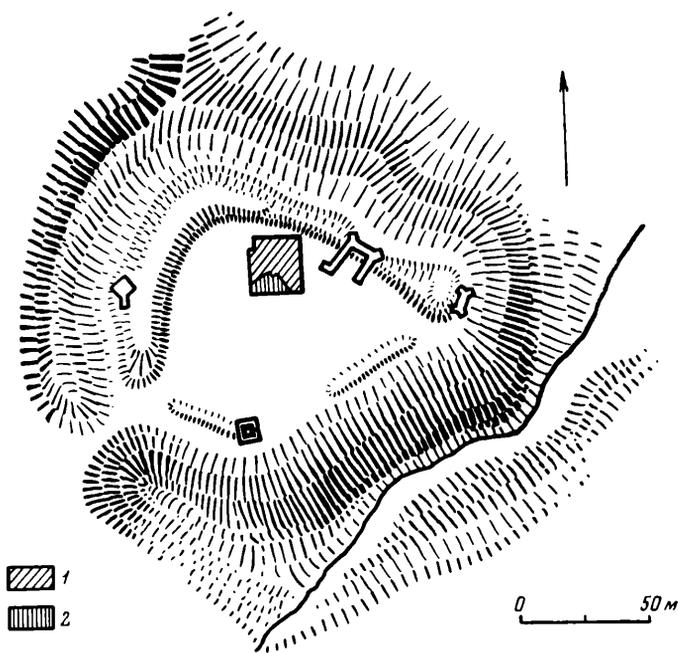

Рис. 32. План детинца Новогрудка

1 — раскоп;
2 — часть раскопа, занятая остатками архитектурных сооружений

тальных построек XIV—XVI вв.⁷ Дальнейшее исследование этого участка раскопа временно прекращено.

Постройки XIV—XVI вв. частично разрушили культурный слой предшествующего времени. Однако в северной и центральной частях раскопа он пострадал меньше. Под щебенкой, глиной и горелым деревом, при разборке которых встречено немного керамики XIV в., на глубине от 25 см показались постройки древнерусского города.

Раскопками открыты остатки 11 сгоревших построек, стоявших параллельно валу, т. е. ориентированных с северо-запада на юго-восток. В непосредственной близости от вала строения были возведены одно над другим, а в центральной и южной частях раскопа постройки относились к одному строительному периоду.

Данные об отдельных, лучше сохранившихся постройках, исследованных в привальной части раскопа, опубликованы К. В. Павловой⁸. Конструкция их была несколько необычной. Судя по постройке 9, это — срубные строения площадью около 20 кв. м. При разборке остатков постройки 15 встречено три сгоревших столба высотой 15 см и диаметром 20 см. Характерны полы построек. Настланные из досок шириной до 35 см и покоившиеся на лагах, они были покрыты берестой. В трех постройках настилы полов лежали *in situ*; в остальных трех они были разрушены и производили впечатление рухнувших с высоты.

Под дощатыми настилами находились хозяйственные помещения — амбары. На земляных полах там лежало обугленное зерно — рожь, пшеница, ячмень, овес и конопля. В одной из построек встречено просо. Наиболее поздняя и примыкавшая к валу постройка 7 служила кладовой. В помещении под ее настилом найдены остатки сгоревших бочек и лукошек,

⁷ Ф. Д. Гуревич, М. В. Малевская, К. В. Павлова, Т. С. Пономарева, Е. В. Шолохова. Новогрудская экспедиция. АО 1968 г. М., 1969, стр. 353—354; М. В. Малевская. Монументальные сооружения новогрудского детинца. КСИА, вып. 135. М., 1972.

⁸ К. В. Павлова. Хозяйственные постройки XII—XIII вв. на детинце древнего Новогрудка. КСИА, вып. 129, 1972, стр. 77—83.

а также большое количество обугленных диких груш и сливовых косточек. Здесь же встречены кости животных.

На деревянных настилах почти не было находок; в амбарах же (среди зерна) их встречено немало. Там обнаружена обычная и поливная керамика XII—XIII вв., фрагменты стеклянных браслетов, обгоревшая деревянная утварь и другие вещи. Особый интерес представляет набор из пяти металлических гирек весом от 21 до 143 г. Остается пока невыясненным, являлись ли открытые нами сооружения двухъярусными постройками или в каждом случае встречались остатки двух самостоятельных строений. Среди археологических материалов неизвестны аналогичные строительные остатки. Двухъярусные северные амбары описаны в этнографической литературе. В верхней части их хранили наиболее ценные хлебные продукты, в частности муку, а внизу держали обмолоченное и провеянное зерно. Для предохранения зерна от грызунов и сырости русские амбары иногда ставили на невысокие столбы⁹.

Остальные строения представляли собой плохо сохранившиеся срубы, заполненные обугленным зерном. Иногда постройки после пожара были разобраны, и мы находили только скопления зерна.

В итоге раскопок выяснилось, что вся исследованная нами площадь (около 300 кв. м.) была занята хозяйственными постройками. В действительности они занимали большую площадь, так как слой сгоревшего зерна уходил в южную стенку раскопа.

Концентрация хозяйственных сооружений и их отдаленность от жилищ дают основание считать, что на раскопанной территории были сосредоточены житницы и кладовые феодальной верхушки детинца XII—XIII вв.

Раскопками открыты также остатки сгоревшей мастерской, уходившей в южную и западную стенки раскопа. Ремесленник, работавший на территории детинца, занимался как горячей, так и холодной обработкой цветных металлов и серебра. О занятии бронзолитейным делом свидетельствуют многочисленные куски оплавленной бронзы и бракованные вещи. Среди готовых литых изделий выделяется серия бронзовых книжных застежек.

Значительная часть вещей исполнена приемами тиснения. Ювелиру принадлежали шесть медных матриц. Четыре из них, предназначенные для изготовления колтов, овальных бус, фигурных браслетов и подвесок в форме лилии (крин), имеют многочисленные параллели в южнорусских древностях. Об этом же свидетельствует продукция ювелира, в числе которой встречена серебряная подвеска (рис. 33, 2). Остальные две матрицы использовались для тиснения квадратных бляшек с рубчатым узором. Серебряные бляшки, оттиснутые в подобных матрицах, найдены в околном городе Новогрудка, на черепе одного из погребенных XII в.¹⁰

Жилища знати, вероятно, были разрушены каменно-кирпичными постройками XIV в. и последующих веков. Об их существовании можно судить по отдельным находкам. В 1971 г. на детинце найдена фаянсовая двенадцатиллопастная чаша на поддоне, покрытая красно-коричневой люстровой росписью (рис. 33, 5). Аналогичная по форме, но восьмилопастная чаша, датирующаяся концом XII или началом XIII в., встречена на городище Орен-кала¹¹. В музейных собраниях также известны подобные чаши.

⁹ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения). Восточно-славянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 308—309.

¹⁰ К. В. Павлова. Могильник на территории околного города древнего Новогрудка. КСИА, вып. 110, 1967, стр. 36—39.

¹¹ Б. А. Шелковников. Фаянсы, расписанные люстром по белой непрозрачной глазури, из Орен-кала. «Труды Азербайджанской Оренкалинской экспедиции», т. 1. МИА, № 67, 1959, табл. IV, 2, стр. 312.

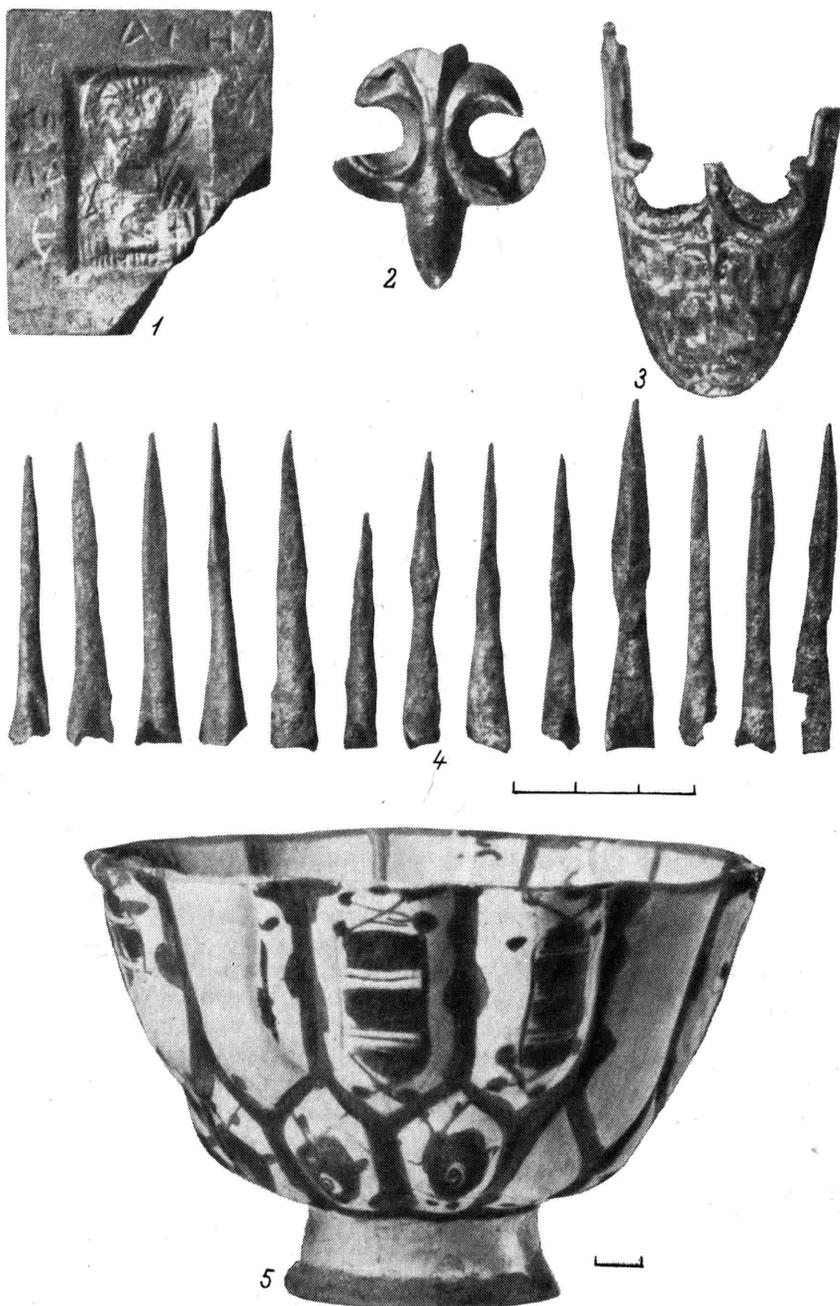

Рис. 33. Находки XII—XIII вв.

1 — каменная иконка; 2 — серебряная подвеска; 3 — бронзовый наконечник ножен меча; 4 — наконечники стрел; 5 — фаянсовая чаша, покрытая люстровой росписью

Местами их изготовления считаются Рей, Кашан и другие города и области Ирана¹².

В южной части раскопа лежали предметы христианского культа. Здесь найдены были несколько бронзовых энколпионов, бронзовая иконка-скла-

¹² A. U. Pope. A Survey of Persian Art, v. V. London—New York, 1938, NN 650, 663; Э. К. Кверфельдт. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, стр. 56—57.

день и две каменные иконки. На одной из них с надписью «Николае агнос» изображен святой Никола (рис. 33, 1), а на второй, привезенной из Византии, вырезаны лики богородицы и младенца¹³.

Конному воину принадлежали найденные в одном месте двучленные удила, украшенные насечкой, более 100 железных узких пластин от доспеха, форма которого хорошо известна в Древней Руси¹⁴, и 15 бронебойных стрел (рис. 33, 4). Из предметов вооружения, обнаруженных на детинце, отметим также бронзовый наконечник ножен меча с фигурным вырезом. Поверхность его украшена пальметками (рис. 33, 3). По мнению П. Паульсена, изделия этого типа выделялись в Прибалтике, в землях куршей и прусов¹⁵.

Под сгоревшими хозяйственными постройками в центральной части раскопа были открыты пять истлевших наземных построек, имевших ту же ориентацию, что и вышележащие строения. Расстояние между ними составляло 1,5—2 м. Это были остатки срубных строений площадью 18—20 кв. м., возведенных на слое необожженной глины толщиной 6—8 см. От лучше сохранившейся постройки 19 уцелел нижний венец сруба, состоящий из бревен диаметром 22 см. Рубка произведена в обло. В постройке были дощатый пол, превратившийся в древесный тлен, и лаги, находившиеся на расстоянии 80 см друг от друга. Вблизи западной стенки найдено днище бочки диаметром 33 см. На полу постройки лежало много птичьих костей. В остальных постройках встречено большое количество костей животных.

Фрагменты амфор, единичные обломки стеклянных браслетов и обломки горшков с желобами на внутренней стороне венчика дают основание датировать истлевшие постройки временем не ранее первой половины XII в. Как и вышележащие сгоревшие сооружения, они являлись хозяйственными постройками знати детинца.

При дальнейшем углублении раскопа показался культурный слой со следами пожара. Встречены остатки очага, сложенного из камней, в котором найдено много рыбьей чешуи. Керамика этого слоя представлена фрагментами горшков с отогнутым рельефным венчиком, которые характерны для новгородских курганов XI в.¹⁶ Здесь обнаружены также глиняные пряслица, не встречавшиеся в слоях более позднего времени.

Материк детинца, представляющий собой светлый песок, показался на глубине 3 м и был испещрен разновременными ямами. На площади 40 кв. м открыто 37 ям, преимущественно округлой формы, диаметром 25—50 см и глубиной 20—70 см. Там же встречена большая овальная в плане яма размером 4,6×1,8 м, глубиной 0,8 м. В придонной части ее найдены фрагменты горшков X и XI вв. В этой же яме обнаружен витой серебряный браслет.

В северной части раскопа, под сгоревшими хозяйственными постройками, лежал слой серого гумуса мощностью до 1 м. В нем встречались редкие угольки и отдельные находки, среди которых была разбитая грушевидная амфора с сильно расширяющимся кверху туловом. Гумус, подстилавший хозяйственные постройки, представлял собой подсыпку над древним валом, ограждавшим детинец до середины XII в.

Первоначальный вал (высота 2,5 м) был насыпан из песка, а в верхней части состоял из слоя песка, смешанного с мелкими камнями. На глубине 80 см к тыльной стороне вала примыкали сгоревшее бревно, укрепленное кольями, и вымостка из камней. Бревно и камни лежали на слое песка

¹³ Ф. Д. Гуревич, В. А. Назаренко, К. М. Плоткин, Т. С. Пономарева. Раскопки Новгородского детинца. АО 1971 г. М., 1972, стр. 30.

¹⁴ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, вып. 3. САИ, ЕИ—36. Л., 1971, стр. 71.

¹⁵ P. Paulsen. Schwertorbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953, стр. 107, 125.

¹⁶ К. В. Павлова. Раскопки могильника близ Новгорода. КСИА, вып. 104, 1965, рис. 37, 1, стр. 105.

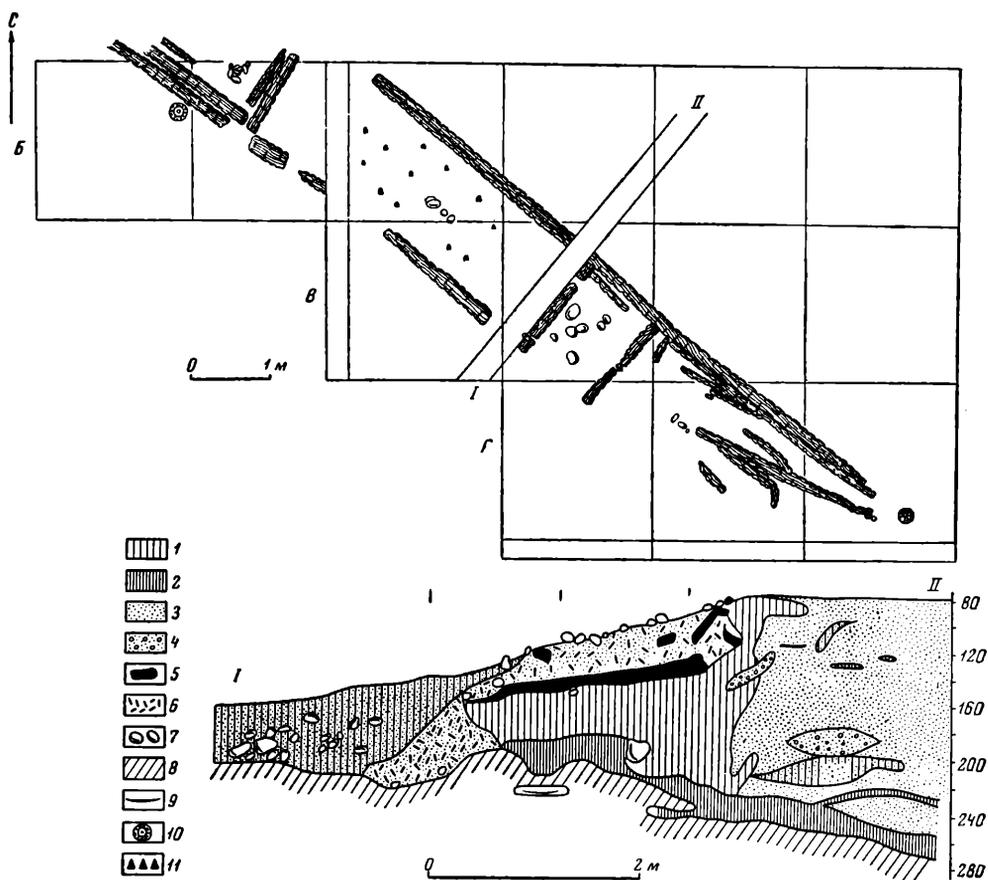

Рис. 34. Остатки сгоревших клеток (I) и разрез насыпи вала и примыкающей к ней части культурного слоя (II)

1 — насыпной слой;	5 — сгоревшее дерево;	9 — бревна;
2 — культурный слой под валом;	6 — угли;	10 — столбы;
3 — песок;	7 — камни;	11 — вола
4 — песок с камнями;	8 — материк;	

с углем толщиной 40 см, под которым находились остатки сгоревших клеток.

От клеток сохранились два бревна, ориентированных с северо-запада на юго-восток, и короткие поперечные бревна. Диаметр бревен 20 см. Пространство между продольными бревнами, составлявшее 1,30 м, а между поперечными — 1,10 м, было заполнено завалившимся горелым деревом, камнями и золой. Дважды отмечены сгоревшие столбы диаметром 15 и 20 см (рис. 34, 1). При расчистке клеток найдены фрагменты горшков XI в. Клетки находились на подсыпке земли мощностью до 1 м, примыкавшей к насыпи вала и лишенной каких-либо находок. Под этой подсыпкой и насыпью вала на материке лежал культурный слой толщиной до 25 см (рис. 34, 2). При разборке его обнаружены обломки сгоревшего дерева, куски обожженной глины и единичные находки. Среди последних встречены обломки горшков с отогнутыми прямосрезанными венчиками, иногда орнаментированные многорядной волной, наконечник втульчатой двушипной стрелы и обломок точильного камня. Судя по находкам, культурный слой, лежавший под валом может датироваться рубежом X и XI вв. или началом XI в.

До начала систематических исследований на детинце автор настоящей работы считал, что древний Новогрудок возник в конце X в. в виде двухчастного поселения, состоящего из укрепленного детинца и открытого посада¹⁷.

Раскопки показали, что площадка Замковой горы была заселена несколько позднее, чем соседняя возвышенность. Поселение здесь возникает на рубеже X и XI вв. или в начале XI в. В первый период своего существования оно не имело оборонительных сооружений. Нельзя не отметить, что таким же путем заселяется территория детинца соседнего Волковыска¹⁸.

Оформление детинца древнего Новогрудка происходит не ранее середины XI в., когда поселение обносится валом с примыкающими к нему клетями. Последние напоминают соответствующие сооружения южнорусских городов¹⁹. В середине XII в. вал переносится на 10 м к северу — на то место, где он находится в настоящее время; в начале XIII в. у подножия детинца сооружается дополнительный вал.

Мы пока не располагаем материалами, которые позволили бы охарактеризовать первоначальное поселение на территории детинца, существовавшее до конца XI в. Что касается XII и XIII вв., то в этот период детинец является местопребыванием феодалов, вероятно князей, владевших городом. Это предположение правдоподобно потому, что под 1238 г. летописец упоминает князя Изяслава из Новогородка, воевавшего вместе с Даниилом Галицким²⁰. Возможно, что археологические материалы первой трети XIII в., происходящие из Новогрудского детинца, могли принадлежать этому князю, его семье или его окружению. Характерно распределение построек в XII и XIII вв. В северной, привальной, части сосредоточены хозяйственные сооружения — житницы и кладовые. Недалеко от них зафиксирована мастерская княжеского ювелира. В южной части детинца, судя по остаткам рядовых жилищ, могла размещаться челядь. Жилища знати, как писалось выше, по-видимому, разрушены были поздними постройками, но на их существование указывают специфические богатые находки. Начиная с XIV в. детинец усиленно застраивается литовскими князьями и превращается в хорошо укрепленный замок.

Археологические исследования на территории детинца продолжают. Задачей дальнейших раскопок является более полное изучение первоначального поселения, существовавшего на его территории. Необходимо более широкое исследование рядовых жилых сооружений, фрагментарно известных по работам в южной части площадки. Не исключено, что удастся открыть какие-то остатки жилищ знати древнерусского города. Требуется своего дальнейшего исследования и монументальные сооружения XIV—XVI вв., благодаря которым Новогрудок превратился в первоклассную крепость.

¹⁷ Ф. Д. Гуревич. К истории Новогрудка X—XI вв. «Культура и искусство Древней Руси». Л., 1967, стр. 26—30.

¹⁸ Я. Г. Зверуго. Раскопки в Волковыске в 1965 г. «Вопросы истории и археологии». Минск, 1966, стр. 320.

¹⁹ П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. МИА, № 140, 1967, стр. 172.

²⁰ ПСРЛ, т. II, стр. 776.

А. В. НИКИТИН

ГОРОДИЩЕ И МОГИЛЬНИК У ДЕР. КРЕСТЦЫ
(Устюженский р-н Вологодской обл.)

В северной части Восточной Европы городища встречаются значительно реже, чем в центральных и южных районах. Объяснение этому следует искать не только в недостаточной изученности края, но и в малой заселенности его на протяжении многих веков. Одним из таких северных городищ является поселение, расположенное на правом берегу р. Кать, к юго-востоку от дер. Крестцы и к востоку от дер. Городок¹.

Поблизости от поселения открыты остатки курганный группы, от которой сохранилось десять насыпей. При осмотре карьера, подходившего вплотную к курганам у дер. Крестцы, обнаружен грунтовый могильник.

Название «Городок», данное одной из деревень, связано с изучаемым памятником. Согласно местным легендам, на этом месте существовал г. Кузьминск. Хотя городище лежит на возвышенном берегу реки, его планировка не совсем обычна. Это не традиционное поселение на мысу, а поселение, расположенное на т-образной возвышенности, обращенной короткой осью к реке, а длинной — в сторону плато (рис. 35, 1). Положение памятника не давало возможности сразу установить место поселения. Подробный осмотр и шурфы, заложенные в восточной части, не обнаружили культурного слоя. В южной оконечности возвышенности имелось большое количество ям и траншей-стрельбищ. Их зачистка не дала каких-либо результатов. Только в шурфах в западной половине возвышенности были найдены обломки керамики, остатки угля и включения камней. Они находились в слое толщиной до 40 см. Раскопки производились только зачисткой. Квадраты прирезались по мере обнаружения остатков культурного слоя, так что в результате получился раскоп, далекий от правильной формы.

Остановимся прежде всего на оборонительных сооружениях. Остатки стены или изгороди обнаруживались в виде серой полосы земли без каких-либо следов дерева (рис. 35). В северной части поселения найдено три обгоревших бревна (кв. 77—79). Положение полосы по краю поселения, направление и четкость ее в южной части позволяют интерпретировать ее как остатки оборонительной изгороди. Стена, видимо, была поставлена по краю и отчасти — по склону возвышенности.

За стеной, вряд ли очень высокой, но вполне достаточной, чтобы отразить противника, вооруженного луком и копьями, располагалось небольшое, но плотно застроенное поселение. Многие дома перестраивались, оставляя после себя пеструю картину, в которой не всегда легко разо-

¹ Открыто Б. М. Яковцевским. Полевой документации о работах последнего в фондах Устюженского музея нет. Вещевой материал, собранный Б. М. Яковцевским, частично включен в настоящую статью.

браться, в частности в центральной части раскопа. В западной половине раскопа довольно хорошо сохранилась землянка — уникальная для Русского Севера. В южной части открыты остатки шести построек.

Жилище 1 (рис. 35) открыто в западной части раскопа (кв. 20, 25, 56, 61). Это обнаруженное под дерном пятно размером $3,4 \times 3,4$ м. При расчистке в северной части пятна на глубине 0,8—1,0 м прослежена деревянная обкладка котлована из обгоревших бревен. В северо-восточном углу под нижним венцом стены лежали две доски, которые можно считать остатками пола.

Много бревен и кусков угля было найдено на полу. В северо-восточном углу постройки находилось кострище и закопченные камни. По-видимому, это остатки очага. Вдоль южной стены хорошо виден уступ нары высотой 0,7—0,8 м и шириной 2,3—2,4 м. На нем лежали доски, упавшие, возможно, от облицовки южной стены или служившие покрытием для нар. Таким образом, это была землянка, пол которой опущен на 0,8—1 м ниже уровня современной поверхности. Находки здесь жернова, горелой пшеницы, обломков сошника, пробоя и фрагментов стеклянных браслетов свидетельствуют о жилом назначении постройки.

Остатки жилища 2 открыты в квадратах 170—171, 226, 232 (рис. 35, 2). Прослежены угольные пятна и остатки дерева, которые образовывали прямоугольник размером 4×2 м. Зафиксированы части обгоревших досок пола. Под деревянным настилом открыт глинобитный пол, существовавший, возможно, в более раннее время. В юго-западном углу постройки открыт очаг в виде скопления камней, угля и золы.

Жилище 3 (рис. 35, 2) находилось в квадратах 198, 212, 213, 220, 221, 225, поблизости от жилища 2. Границы его определены по обгоревшим бревнам и камням, положенным под углы постройки. Размер его примерно $5 \times 3,5$ м. Если принять остатки бревна, лежавшего перпендикулярно к длинной стене, за перегородку, то можно думать, что жилище было двухкамерным. В каждой камере отмечены следы очагов. В западной части постройки имелось прямоугольное углубление, возможно подполье. Интересной деталью постройки следует считать тамбур с вымосткой.

Жилище 4 (рис. 35, 2) занимает квадраты 199—201, 206, 207, 211. Площадь его 2×2 м. Контуры жилища определены по углисту пятну. Хорошо сохранилась вымостка пола и остатки очага в центре. Около постройки (в кв. 199) открыт другой очаг, возможно летняя печь.

Жилище 5 (кв. 187, 188, 210) (рис. 35, 2) примыкает почти вплотную к описанной постройке (кв. 187, 188, 210). Площадь постройки 4×4 м. Оно несколько углублено в землю (до 0,4 м). В южной части жилища хорошо видна деревянная обкладка стен, в восточной — следы вертикально поставленных бревен. В западной половине его находились остатки очага в виде скопления угля, золы и камней. Внутри постройки найдены обломок бронзового колокола, фибула, ключ и керамика (рис. 36).

Таким образом, это была жилая полуземлянка.

Жилище 6 (рис. 35, 2) из-за нахождения здесь (кв. 214, 215, 230) деревьев и корней не удалось раскопать полностью. Контуры прослеживались только по серым полосам земли; определена только одна стена длиной в 5 м. Возможно, что это — нежилое сооружение (следов очага не обнаружено), связанное с постройкой 7.

Жилище 7 (рис. 35, 2) обнаружено в квадратах 203, 210, 230, 231. По его периметру сохранились остатки нижнего венца. Это — четырехкамерная постройка общей площадью около 35 кв. м. В южной части ее найдена очажная яма с остатками угля и золы.

В заключение следует остановиться на некоторых общих вопросах, связанных с планировкой построек. Обращает на себя внимание разнообразие типов сооружений. Здесь имеются землянка, полуземлянка и назем-

ные постройки. Все они — сравнительно небольшие, предназначенные, вероятней всего, для одной семьи. Постройки расположены очень плотно по периметру городища. На всей раскопанной площади поселения встречались обломки стеклянных браслетов. Кроме того, найдены древолазный шип и половина шиферного пряслица. На основании этого поселение может быть датировано XII—XIII вв.

Керамический материал однообразен. Преобладали тонкостенные, хорошо обожженные горшки, сделанные на круге, с венчиком, имеющим валик, отогнутый наружу или внутрь. Профиль венчика и шейка слабо выражены. Большинство сосудов не орнаментировано, но есть горшки с линейно-волнистой орнаментацией. Редко попадались фрагменты сосудов, украшенные зубчатым штампиком в виде цепочек, параллельных и ломаных линий. Возможно, что последнее отражает влияние местных племен, живших в это время в тесном соседстве со славянами.

Из орудий ремесла обнаружены два молотка (рис. 36, 3, 4), два зубила (рис. 36, 5, 6) и лезвие топора.

В землянке найден, по-видимому, обломок сошника. Небольшая величина не позволяет отнести его с полной уверенностью к сельскохозяйственным орудиям (рис. 36, 7). К последним принадлежат два фрагмента косы-горбуши и часть серпа.

К изделиям кузнечного ремесла относятся довольно многочисленные находки гвоздей, ножей, пробоев, удила, псалий, обломки шпоры с зубчатым колесиком, ключей от пружинных замков, ножниц, зубила, железных наконечников стрел (рис. 36, 9—16). Изделия из цветных металлов довольно разнообразны. Это — обломки бронзового колокола, один из которых украшен параллельными линиями (рис. 36, 2), фибула со спиралеобразным орнаментом (рис. 36, 17), полуцилиндрическая поясная накладка с остатками крепления, браслеты (один — проволочный с расплюснутыми концами, другой — свитый из двух проволок.) Найдены также пластинчатый бронзовый браслет, литой крест-тельник, несколько бронзовых пластинок (рис. 36, 18—21).

Из других находок можно отметить каменный четырехконечный крест-тельник (рис. 36, 22).

Подведем краткие итоги:

1. Городище можно датировать временем не позднее XIII в. Основано оно славянами. Лишь единичные находки керамики и шумящая привеска говорят о связях с местным финским населением.

2. Незначительная мощность и однородность слоя свидетельствует о кратковременности жизни на городище (XII—XIII вв.)

3. Хозяйственный быт и культура обитателей поселения тождественны другим областям Древней Руси.

4. Интересно разнообразие жилищ, среди которых заслуживают внимания постройки типа землянки.

5. Первоначально поселение было открытым.

Из десяти сохранившихся курганов четыре насыпи, расположенные на южной окраине дер. Крестцы, возможно, являются остатками большого могильника. Другие шесть находятся на значительном расстоянии друг от друга, между дер. Крестцы и дер. Городок.

Первый из раскопанных курганов имел высоту 2,2—2,5 м и размеры 12×15 м. На глубине 0,5 м от вершины вскрыто впускное мужское захоронение. Скелет лежал головой на восток (с некоторым отклонением к северо-востоку). Около левой ноги поставлен был лепной горшок; между ног найдено калачевидное кресало, датируемое по новгородским находкам X—началом XII в. (рис. 37, 1). При расчистке погребения попадались кальцинированные косточки. Далее до уровня 1 м шел чистый песок, под которым находилось кострище площадью 3×3 м и толщиной 1—1,5 см. В нем найдены обломки глиняного сосуда и зуб животного.

Возможно, это остатки ритуального кострища, ниже — насыпь до глубины 1,8 м, она состояла из чистого песка. На глубине 1,8 м обнаружилось кострище толщиной 10—15 см, занимавшее всю насыпь кургана. В нем зафиксировано четыре скопления костей. В некоторых из них были спекшиеся бусы-лимонки, сердоликовые, шарообразные, призматические и восьмигранные, а также небольшие кусочки расплавленной бронзы, остатки лепных горшков без каких-либо следов огня. В одном из скоплений найдены ромбовидный наконечник стрелы, набор поясных blades, небольшой нож и обломок горшка (рис. 37, 2, 3).

Расположение костей и состояние инвентаря позволяют говорить, что трупосожжение совершено на месте. Его дата — X—XI вв. Два захоронения — женские, одно — мужское, последнее неопределимое из-за отсутствия вещей.

Второй исследованный курган находился на краю карьера и сильно разрушен им. Его размеры 16 м (север-юг) × 17 (запад-восток). В насыпи сохранилось кострище толщиной около 10 см. В нем местами прослеживались беспорядочно лежащие плахи. Кальцинированные кости, обломки лепных сосудов, стекловидная масса, двойные бусы-лимонки, золотистые зонные бусины оказались разбросанными по всему кострищу. В одном из скоплений кальцинированных костей найдена прямоугольная пряжка (рис. 37, 4). В 0,5 м от последнего находилось захоронение некальцинированных костей. В кострище была устроена ямка еще с одним захоронением — сильно обгорелые кости, обломки проволочного кольца и футляра от фитиля (рис. 37, 5), наконечник кремневой стрелы. Под кострищем на материке в ямках открыто еще два захоронения костей, устроенных до сооружения кургана. Курган можно датировать X—XI вв.

Третий курган имел высоту 2,5 м и диаметры 15 м (запад-восток) и 13,5 м (север-юг). С северной стороны он сильно попорчен погребом.

Первое погребение находилось на глубине 0,25 м. Это — труположение. Покойник был положен на спине, головой на юг. Руки вытянуты вдоль туловища. С правой стороны умершего, у пояса, лежал сильно коррозированный нож. На глубине 1,7 м открыто кострище светло-серого цвета с мелкими вкраплениями угля (толщиной 10—12 см). Мелкие кальцинированные косточки и угольки лежали на прокаленном песке. В центре находился вертикально воткнутый в землю нож.

Несколько глубже обнаружилось второе скопление костей вместе с мелкими угольками. Но, к сожалению, оно было разрушено погребом. Еще одно скопление кальцинированных костей открыто на глубине 1,7 м при разборке бровки. Здесь тоже найден нож. Наконец, последнее захоронение открыто в центре кургана. Здесь находилась раздавленная лепная миска и кальцинированные кости.

Таким образом, в раскопанных курганах, датируемых X—XI вв., преобладали трупосожжения на стороне. Труположения оказались впускными. Этническую принадлежность погребенных определить трудно, так как погребальный инвентарь, сопровождавший их, может считаться в равной степени как славянским, так и финским.

Все же найденные местными жителями в карьере шумящие привески, неустойчивая ориентация труположений склоняют к мысли о том, что они оставлены финнами или славянизированным финским населением.

В непосредственной близости от курганов находятся остатки грунтового могильника. Здесь вскрыто три труположения. В первом умерший положен на спине, головой на север. Левая рука вытянута, правая — положена на таз. Около правой руки, у пояса, лежал нож.

Второе погребение открыто в 6 м западнее первого. Покойник лежал на спине, головой на запад, с некоторым отклонением к северу. Правая рука вытянута, а левая — положена на таз. Около правого виска найдено два проволочных височных кольца. На левом виске — три неболь-

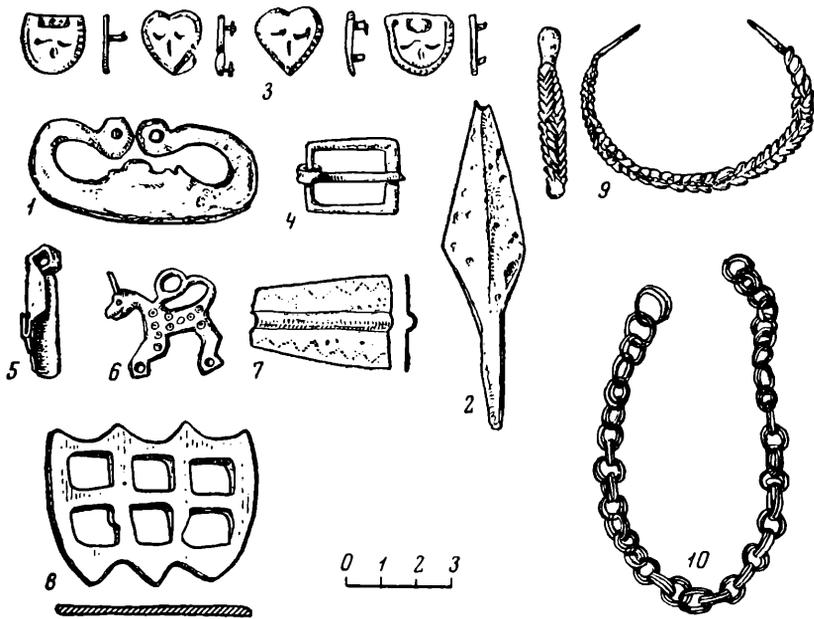

Рис. 37. Крестцы. Курганные и случайные находки

1 — кресало;	4 — пряжка;	9 — браслет;
2 — наконечник стрелы;	5 — кресало;	10 — цепочка;
3 — бронзовые бляшки поясного набора;	6 — конек-привеска;	1 — 5 — из кургана;
	7 — 8 — накладки;	6 — 10 — случайные находки

ших проволочных кольца. Около головы находились обгорелые плахи, но никаких следов костра не было.

Третье захоронение расположено в 8 м к северу от первого. Это — детский костяк, ориентированный головой на запад. У правого виска лежали два перстнеобразных и одно трехбусинное кольцо, у левого — одно трехбусинное и одно перстнеобразное. Судя по ориентации и височным кольцам, это погребение — славянское. Если учесть, что в курганах только во вводных погребениях — труположения, а в основных насыпях — трупосожжения, то открытые могильные захоронения — более поздние. Датируются захоронения в могильнике по трехбусинным височным кольцам XI—XII вв.

Подводя итоги двухлетним раскопкам этого своеобразного комплекса, прежде всего можно отметить, что он важен для решения вопроса расселения славян. Раскопанные памятники помогают, если не восстановить, то дать суммарное представление о проникновении славян и постепенной славянизации населения этого региона. Курганы с трупосожжениями принадлежат финнам или их славянизированным родичам. Более поздние впускные курганные погребения, судя по ориентации, тоже были оставлены финнами, о чем свидетельствует инвентарь, в котором прослеживается уже влияние славян. Можно думать, что сожжения умерших в этом районе были первоначально свойственны только финским племенам. Славяне в X—XI вв. принесли сюда собственную культуру. Процесс славянизации здесь протекал достаточно быстро, при этом создавалась смешанная культура с заметным преобладанием славянских элементов. Раскопки городища хорошо иллюстрируют это. Материал, собранный на нем, уже славянский; финно-угорское влияние сказалось только на орнаментации и форме отдельных сосудов. Судя по находкам крестиков и обломков колоколов, здесь в XII—XIII вв. распространилась христианская религия.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, В. П. ПЕТРЕНКО

ТИВЕРСКИЙ ГОРОДОК

(К вопросу изучения древностей
Русской Карелии)

Тиверское городище расположено примерно в 30 км к юго-западу от г. Приозерска Ленинградской обл. и находится на берегу р. Вуоксы, на месте Тиверских порогов (Tiurinkoski). Этот гидроним и послужил исследователям основанием для того, чтобы отождествить рассматриваемый памятник с известным по летописи Тиверским городком¹. Это и подобные названия имеют глубокие местные корни. В Кирьяжском погосте Карельского у., в так называемой задней Кареле, по данным около 1500 г., находилось селение Тиврола. Там же располагался населенный пункт Погоцы Тиврольские. Отметим также находившиеся в Городенском погосте того же Карельского у. селение с названием Тивра (на р. Тивре)². Концентрация подобных топонимов в восточной части Карельского перешейка очерчивает территорию, так сказать «прародину», откуда, вероятно, началось расселение на север некоторых карельских родов³. Действительно, источник XV в. называет в качестве одного из пяти карельских родов в Беломорье тиврульцев (тиврольцев), явно переселенцев⁴. На страницах русских источников XIV в. Тиверский городок выступает не в качестве родового поселка, а пригорода Новгорода, его самого северо-западного форпоста в Карелии. По своему местоположению он контролировал речной путь между городами Корелой и Выборгом. В летописи этот населенный пункт отмечен под 1404 г., а в 1411 г., по сообщению Первой новгородской летописи, был взят шведами и, очевидно, разрушен⁵. До этой катастрофы Тиверский городок значился в составе русских поселений, что подтверждается списком «всем градом русским далним и ближним», составленным в конце XIV в.⁶

Первые исследования Тиверского городка проведены Г. Аппельгреном в 1889 г., а также Т. Швиндтом в 1888 и 1891 гг. Результаты раскопок

¹ Th. Schwindt. Tietoja Karjalan gautakaudesta. SMYA, т. XIII, 1893, стр. 85—90.

² Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года. «Временник Московского общества истории и древностей России», кн. 12. М., 1852, стр. 8, 25, 123; Сравни местоположение района Tiurula на шведской карте 1635 г. (E. Jutikkala. Suomenhistorian kartasto. Porvoo, 1959, N 20).

³ А. И. Попов. Из топонимики Карелии. Сб. «Природные ресурсы, история и культура Карело-Финской ССР», вып. 1. Петрозаводск, 1949, стр. 101—103.

⁴ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.—Л., 1949, стр. 311. В грамоте, связанной с Соловецким монастырем, упомянуты «дети корельсти Вымолды и Тиврульцы».

⁵ «Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 402. Не связано ли упоминание тиврульцев в Беломорье со шведской экспансией в район Карельского перешейка.

⁶ М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. «Исторические записки», 1952, № 40, стр. 216—218.

подробно изложены упомянутыми авторами, но в русской литературе отклика, к сожалению, не получили⁷. В последнее время внимание археологов привлекли оборонительные сооружения городка⁸, при этом были произведены некоторые натурные и визуальные наблюдения.

Городище занимает всхолмление — некогда остров (один проток в связи с понижением уровня р. Вуоксы пересох, рис. 38). Территория городища площадью примерно 230×50 м заросла лесом, но отчетливо оконтуривается на местности каменной стеной из валунов, сохранившейся в своей большей части почти по всему периметру⁹. Во время раскопок в конце XIX в. здесь были обнаружены основания домов, самый большой из которых занимал площадь 22×15 м. Были прослежены нижние венцы стен и остатки печей, найдены обломки глиняных сосудов, бусы, кузнечные ремесленные инструменты, шлак, крицы, железные ножи, наконечники стрел, обломки медно-бронзовых украшений, в том числе часть орнаментированной фибулы карельского типа.

Особое внимание финских исследователей привлек клад, найденный в южной части городища во время строительства в 1890 г. погребца, врезавшегося в кладку стены. В состав клада, справедливо отнесенного к числу наиболее нарядных средневековых украшений, обнаруженных на территории Карелии, входили серебряные вещи: заколка для волос, шейная гривна, полые бусы, подвески, медальон, два диргема с ушками, две целые и несколько обрубков монетных гривен. Некоторые из этих вещей, как, например, заколка, характерны для Карелии, другие же рассматриваются как изделия «восточного происхождения», относящиеся к XI—XIII вв.¹⁰ Э. Кивикоски при издании вещей Тиверского клада отметила уникальность для Финляндии, по-видимому новгородских по происхождению, монетных гривен¹¹. По мнению М. П. Сотниковой, подобные гривны датируются XIII—XV вв.¹², что разрешает датировать клад несколько более поздним временем.

В ходе работ Приозерского отряда Ленинградской археологической экспедиции на территории городища было вскрыто в общей сложности 80 кв. м. площади. Культурный слой, включая дерн толщиной 10—30 см, оказался в большинстве раскопов практически однородным и выявил обломки керамики, железные ножи, гвозди, бронзовые украшения, обломки тиглей, крицы. Строительных остатков встречено не было, но во всех раскопах присутствовали угольки, что можно связать с пожаром городка, как упоминалось, разгромленного в 1411 г. шведами. В дальнейшем жизнь на этом месте, видимо, долгое время не возобновлялась.

⁷ *H. Appelgren. Suomen Muisnaislinnat. SMYA, t. XII, 1890, стр. 98—106, рис. 40—50; Th. Schwindt. Указ. соч., стр. 85—90.*

⁸ *П. А. Раннопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. МИА, № 105, 1961, стр. 119 и рис. 99; В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество конца XII—начала XVI в. М., 1962, стр. 25.*

⁹ Через городище проходит дорога, ведущая от шоссе Ленинград—Приозерск в поселок Мельниково Ленинградской обл. Ближайший к городищу населенный пункт — с. Васильево; оно находится в 3 км от городища. В 1971 г. Тиверское городище было обследовано Приозерским отрядом Ленинградской археологической экспедиции под руководством А. Н. Кирпичникова. Экспедиция была организована ЛОИА и областным отделением Всероссийского общества охраны памятников. В том же 1971 г. на городище работала экспедиция Института языка, литературы и искусства Карельского филиала АН СССР под руководством С. И. Кочкуркиной при участии старшего научного сотрудника ИА Г. Б. Федорова. В настоящей статье излагаются результаты раскопок лишь Ленинградской экспедиции.

¹⁰ *E. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands. II. Helsinki, 1951, рис. 1010 и след. В старой финской литературе клад (и вместе с ним и крепость) на основании упомянутых двух диргемов, чеканенных в 894—902 и 976 гг. датировали серединой или концом XII в. (О. А. Forström. Suomen Keskiajan historia. Syväskylä, 1895, стр. 512).*

¹¹ *E. Kivikoski. Указ. соч., текст к рис. 1084.*

¹² Благодарим М. П. Сотникову за любезную консультацию.

Предварительная дата находок — не позднее XIV—начала XV в. Хронологическим репером при этом явилась керамика, по форме и тесту не отличающаяся от надежно датированной глиняной посуды, найденной в новгородских слоях древнего Орешка. Речь идет об однообразных глиняных горшках (рис. 39) с плавно отогнутым венчиком и внутренним валиком, восходящих по форме к русской посуде XII—XIII вв. Накапливается все больше фактов для утверждения, что в Новгородской земле эти сосуды продолжали изготавливаться еще в XV в., а веком раньше и вовсе преобладали. Из древних тверских находок особо выделяется орнаментированный подвесной игольник с ленточным узором, характерным для изделий XII—XIV вв. (рис. 40).

Итак, керамика и некоторые украшения, найденные здесь в разные годы, хотя по форме и восходят к XII—XIII вв., но могли быть изготовлены или по крайней мере употребляться также позднее, т. е. относиться ко времени существования летописного Тиверского городка. Подтверждает такое заключение и датировка упомянутого вышеклада, откорректированная временем бытования монетных гривен. Летописная дата городка¹³ не является отрицанием того, что этот новгородский форпост и металлообрабатывающий центр возник, по-видимому, на месте карельского Тиврульского поселения или святилища предшествующей поры¹⁴.

Недавние раскопки в Орешке и Кингисеппе обнаружили серии вещей, по внешнему облику архаичных для XIV—XV вв. При этом было установлено, что эти вещи были современны своему слою, т. е. изготовлены в XIV—XV вв. Речь, очевидно, идет о длительном, стойком существовании ремесленных традиций в новгородской провинции. Полагаем, что эта же особенность присуща и древностям Русской Карелии. Эти древности отражают мощное влияние городского ремесла и воплощают искусство русских мастеров как раз того периода, который, например, недостаточно представлен в находках из самого Новгорода. Рассмотрение изделий Русской Карелии, очевидно, приведет к определенному расширению и вместе с тем омоложению их датировок. Во всяком случае тиверские находки стимулируют такого рода «хронологическую ревизию».

Крицы, шлаки, тигли, инструменты указывают на то, что на территории Тиверского городка производили различные металлические изделия. Однако Тиверский городок был не только ремесленным, но и военным центром.

Городище почти по всему периметру окружено не валом (как считали раньше), а каменной стеной, сложенной насухо из больших валунов. Камни стены сложены на склонах городищенского холма прямо на древней поверхности.

Поразительно, что стены этого укрепления в тех местах, где они не повреждены человеком, простояв не менее 500 лет, почти не требуют кон-

¹³ Как полагает П. А. Раппопорт, Тиверский городок основан в первой половине XIV в., возможно в связи с организацией так называемого Карельского княжества во главе с приглашенным на службу новгородцами литовским князем Наримонтом (П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 70). К этому можно прибавить, что первые укрепления, возведенные карелами, письменные источники действительно связывают с XIV в. (А. И. Попов. Валит. Советское финноугроведение, т. V. Петрозаводск, 1949, стр. 132—138).

¹⁴ В сообщении о раскопках С. И. Кочуркина и Г. Б. Федоров датируют свои находки XI—XII вв., прибавляя при этом, что материал предшествующих финских раскопок позволяет говорить о более широкой датировке — X—XV вв. (С. И. Кочуркина, Г. Б. Федоров. Тиверск. АО 1971 г. М., 1972, стр. 41—42). Эти определения являются неточными. С. И. Кочуркина любезно ознакомила авторов со своими находками, лишь небольшую часть которых (стрела, фрагмент фибулы) можно соотносить с XII—XIII вв., а остальные уверенно относятся к XIV—началу XV в. Попытки удревить дату Тиверского городка и представить его этнически однородным не подтверждаются ни письменными, ни археологическими данными

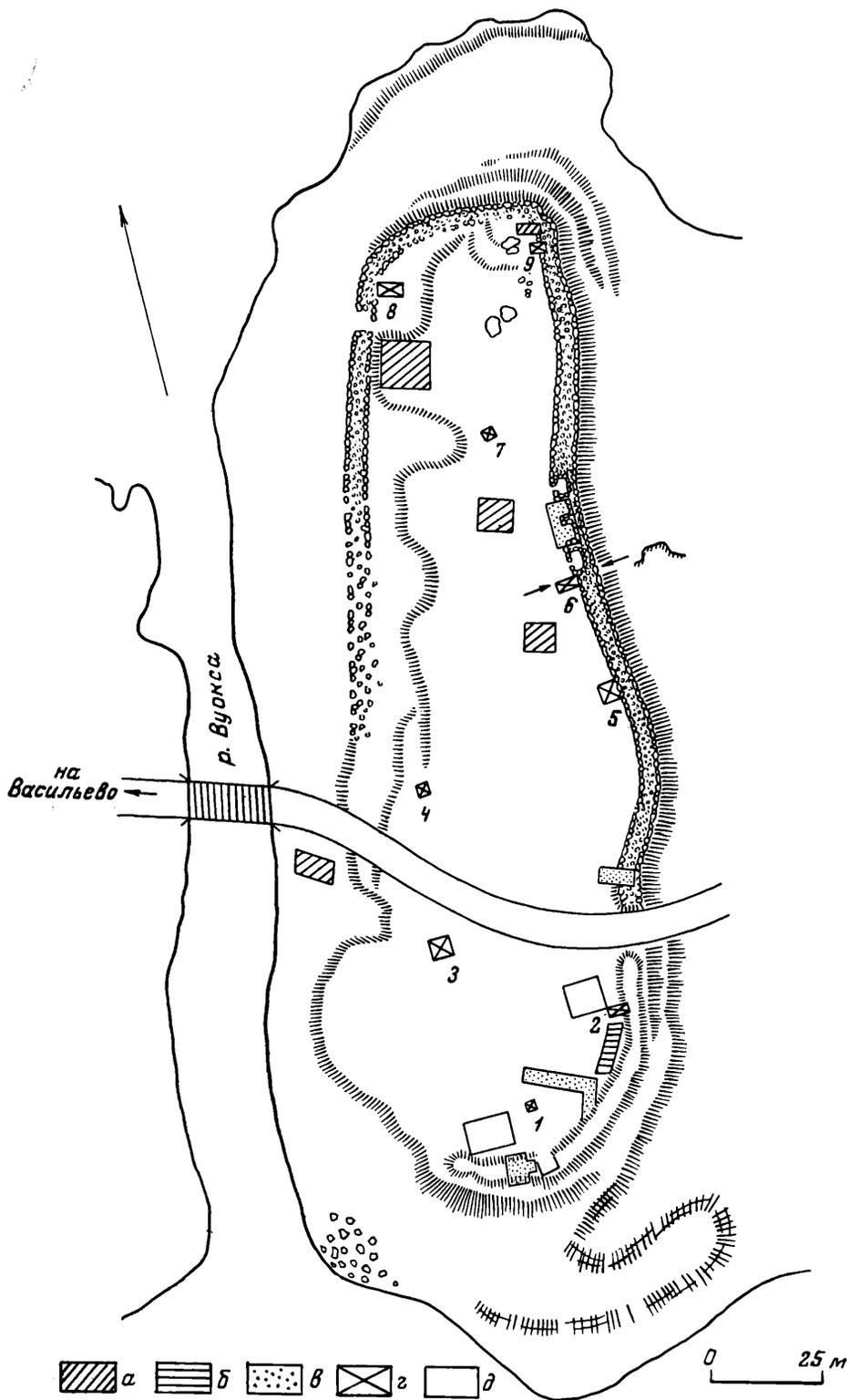

Рис. 38. План Тиверского городища с обозначением мест раскопок
 а — Г.-Аппельгрена в 1889 г.; б — Т. Швиндта в 1888 г.; в — Т. Швиндта и А. Гакмана в 1891 г.; г —
 А. Кирпичникова и В. Петренко в 1971 г.; д — С. Кочуркиной в 1971 г.

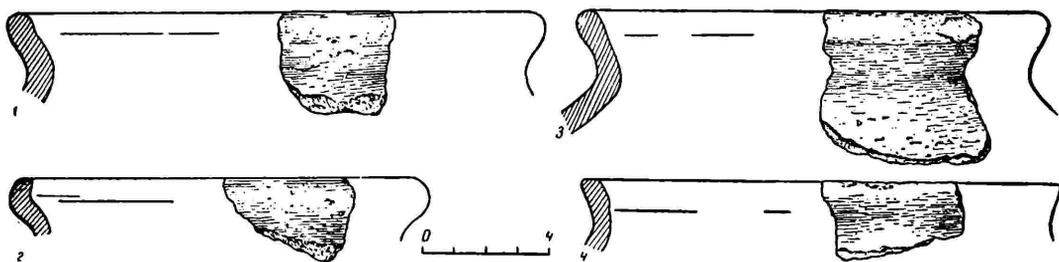

Рис. 39. Ведущие типы керамики из раскопок 1971 г.

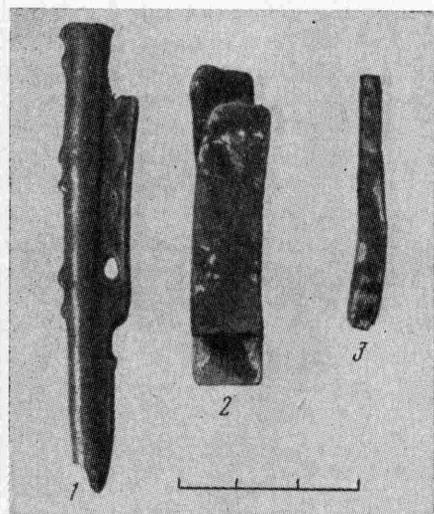

Рис. 40. Бронзовый подвесной игольник и другие вещи

сервации. Развороченные корнями скатились лишь немногие валуны. Циклопическая кладка стены городка на Тиверских порогах производила настолько сильное впечатление, что породила легенду. По народному преданию, при строительстве крепости духи ночью разрушали отрезки стен, сооружавшиеся в течение дня. Это вынудило строителей заложить город на месте нынешнего Приозерска¹⁵.

Зачистка восточного участка стены показала, что она в своей большей части сохранилась (что для исследователя древнерусской фортификации редко и ново) до уровня первоначальной боевой площадки, достигавшей ширины около 4,5 м (рис. 41, 42). С наружной стороны стена высится от ее подошвы на 1,8—3,5 м, с внутренней — на 1,8—2 м. По верху стены в древности, очевидно, шел деревянный бруствер. Стены городка возвышаются над уровнем р. Вуоксы на 5—7 м. В древности «высота» обороны городка составляла в среднем около 6 м (высота каменной стены — около 2 м, высота берегового откоса — 2 м, высота деревянной надстройки — около 2 м).

В той же восточной части стены обнаружены устроенные в толще ее кладки четыре камеры размерами 2,5×3 м и 2,5×5 м. Высота стен камер 0,7 м. Они одновременны стенам и связаны, несомненно, с ее несохранившейся верхней деревянной частью.

В целом, стены городища (за возможным исключением, особенно по наружному облику, а именно присыпанного землей юго-восточного участка)¹⁶, по-видимому, выстроены одновременно, в непродолжительный

¹⁵ Th. Schwindt. Указ. соч., стр. 87.

¹⁶ Участок юго-западной стены городища полностью разрушен. В южной части стены сохранился погреб, очевидно тот самый, при строительстве которого был найден

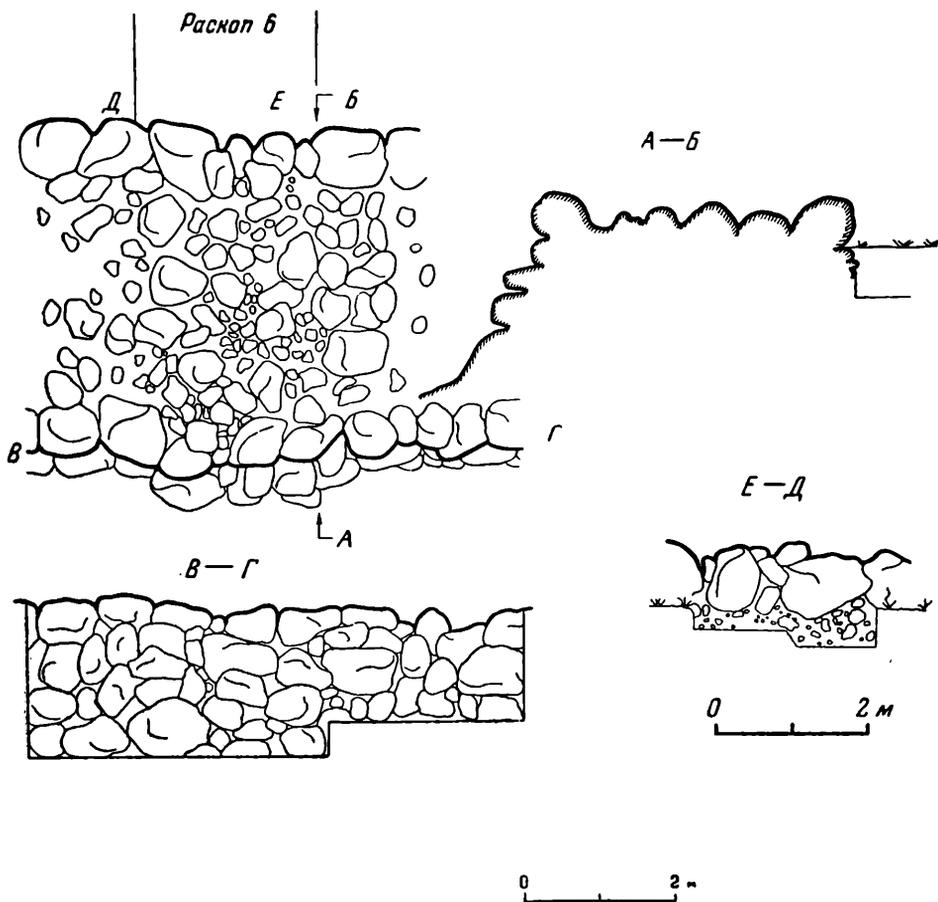

Рис. 41. Участок восточной стены Тивверского городка. План, разрез и фасады

срок и скорее всего по времени соответствуют летописному Тивверскому городку.

Такие необычные черты Тивверской крепости, как кладка насухо, относительно невысокое расположение боевой площадки, объясняются островным положением укрепления и, очевидно, участием в этом труде местных жителей — карел¹⁷. Тивверская стена, уцелевшая почти целиком и сохранившая редчайшие архитектурные детали, оказалась в целом выразительным произведением карельско-финской доогнестрельной фортификации.

Древности Тивверского городка обычно рассматривали в связи с историей Карелии. Действительно, этот населенный пункт находился на территории, хорошо известной русским источникам XIII—XIV вв. «Карельской земли». Среди находок, происходящих из этого поселения, местный характер имеет, например, заколка для волос и фибула карельского

упомянутый выше клад. Повреждение стен городища связано скорее всего с существованием здесь в недавнем прошлом хуторов. Сохранились фундаменты этих построек.

¹⁷ Каменные укрепления, возведенные местным населением в технике сухой кладки, известны и в других районах северо-западного побережья Ладожского озера, а также в Финляндии (Н. Appelgren. Указ. соч., рис. 12 и след.; Е. Kivikoski. Suomen Esihistoria. Porvoo—Helsinki, 1961, стр. 273, рис. 235).

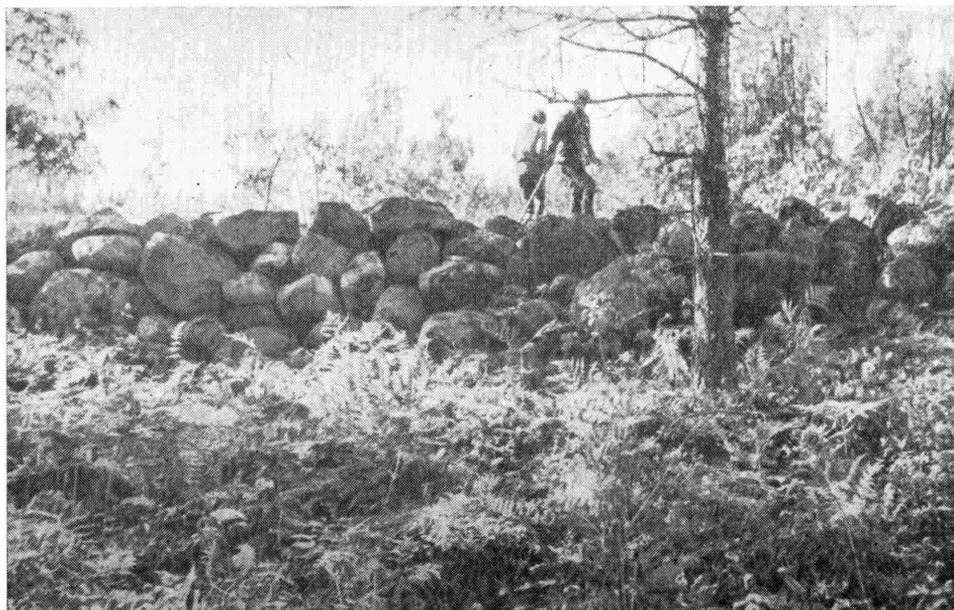

Рис. 42. Участок восточной стены городка после расчистки

типа¹⁸. Подобные застёжки, широко представленные в материалах кексгольмских грунтовых могильников, раскопанных Т. Швиндтом в конце XIX в., являются дериватом скандинавских черепаховидных фибул и входили в состав украшений местных женщин. Такого рода «переработанные» заимствования характерны не только для культуры жителей Карельского перешейка и их ближайших соседей¹⁹, но и для населения более отдаленных земель, например придаугавских и пригауйских ливов²⁰.

Эта параллельность восприятия чуждого влияния населением достаточно отдаленных областей, несомненно факт, заслуживающий самого пристального внимания.

Вместе с тем результаты раскопок 1971 г., а также анализ материалов, полученных ранее, выявили русские черты памятника (керамика, некоторые украшения, монетные гривны). По-видимому, русского происхождения те вещи из клада 1890 г., которым Е. Кивикоски приписывает «восточное происхождение». Раскопки в Новгороде показали, что ювелирные и другие изделия, приписываемые ранее «Востоку» или Византии, производились в русских городах. Орнаментация некоторых типов карельских фибул, по-видимому, также имеет русское, точнее, новгородское происхождение²¹. С XIII в. даже такие «принципиально» чуждые вещи, как шумящие подвески, как выяснилось, массовыми партиями вывозились из русских городов в сельские местности Северо-Запада²². Мощное развитие

¹⁸ Th. Schwindt. Указ. соч., рис. 260.

¹⁹ Н. В. Тухтина. Этническая принадлежность погребенных в курганах Юго-Восточного Приладожья. В сб. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971, стр. 169—171, 179.

²⁰ А. Я. Стубавс. Археология Советской Латвии (1945—1967). СА, 1967, № 4, стр. 103. А. Э. Зариня. Раскопки в Саласпилс Лаукскола. АО 1967 г. М., 1968, стр. 273; Э. Д. Шнорре. Могильник раннефеодального периода на острове Долес. Там же, стр. 277—278.

²¹ Ср.: Б. А. Колчин. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971, табл. 3, 27 и след.

²² Разъяснением этого сюжета мы обязаны Е. А. Рябинину.

городского ремесла оказало определяющее влияние на многие местные культуры разноликого севера Руси. Вопрос этот требует дальнейшей конкретизации²³. Что касается русских элементов в культуре рассматриваемого памятника и синхронных ему упомянутых выше грунтовых кексгольмских могильников, то эти элементы находятся в процессе ширящегося выявления и опознания. Будущие исследования Тиверского городка, несомненно, помогут определить степень культурного взаимодействия соседних народов, в результате которого местный родовой центр, очевидно, превратился в своеобразное русско-карельское военно-ремесленное поселение.

²³ Планируя дальнейшее изучение рассматриваемого района, необходимо распределять внимание и на крупные объекты (Корела, Тиверский городок), и на могильные древности (в первую очередь на грунтовые могильники), и на незащищенные поселения как синхронной, так и предшествующей поры. Земля Карельского перешейка еще плохо изучена. Можно ожидать открытия новых памятников и в районе Тиверска. Первые подтверждения этому уже получены. В 1969 году в районе пос. Мельниково было обнаружено несколько поселений. Еще два поселения зафиксированы возле деревень Васильево и Севостьяново. Указанные объекты относятся, по мнению руководителя раскопок А. Н. Румянцева, «к последней фазе бытования памятников со штрихованной керамикой». Причем на поселении Мельниково найдены вещи, датированные более поздним временем (А. Н. Румянцев. Отчет о работах Северо-Западного отряда Ленинградской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1969 г., стр. 7—9. Архив Ленинградского областного отделения ВООПИК, II, 1969/1). В 1971 г. в 500 м к востоку от городища, в лесу на всхолмлении близ берега р. Вуоксы нами обнаружена группа объектов, состоящая из 16 радиально расположенных по отношению к центральной каменных насыпей. Их размеры: диаметр — от 2,2 до 7,6 м, высота — от 0,5 до 1 м. Раскопки Тиверского городища и изучение его окрестностей будет продолжены.

О. В. ОВСЯННИКОВ

КАМЕННЫЙ КРЕМЛЬ XIV В.
В НИЗОВЬЯХ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ

Обследование Орлецкого городка, проведенное в 1959 г., показало, что это единственное на территории Архангельского Севера древнерусское городище, имевшее сложную плановую структуру — детинец и посад¹. Таким образом, спор о местонахождении этого северного города XIV в. (1342—1398 гг.), не утихавший почти сто лет — со времени первого осмотра памятника в 1871 г. А. Г. Тышинским², был окончательно решен. Однако только работы 1970—1971 гг., проведенные экспедицией ЛОИА АН СССР и Архангельского областного краеведческого музея, полностью раскрыли планировку и структуру оборонительных сооружений Орлецкого детинца, а также значение этого памятника для истории древнерусского каменного оборонного зодчества³.

Орлецкий детинец занимает юго-восточную часть городища — оконечность мыса, образуемого крутым изгибом Северной Двины (рис. 43, 1). Южная и восточная стороны детинца выходят в настоящее время в крутой обрыв, а северная и западная граничат с посадом, отделенным рвом⁴. В результате работ 1970—1971 гг. выяснилось, что внутри вала детинца сохранилась в довольно хорошем состоянии каменная стена, исследованная на двух (северном и западном) пряслах детинца. Северная стена детинца сохранилась лишь на 95 м; ее восточный конец разрушился при осыпании берега и частично испорчен при рытье погребов. Лицевой фасад северной стороны был протрассирован на протяжении 40 м. Стена на этом участке имеет в настоящее время три—десять рядов кладки (до 1,5 м). Западная стена детинца — несколько лучшей сохранности (ее протяженность 210 м). Сверху стена была перекрыта мощным глинистым завалом, поросшим густым лесом. В юго-западной части западного прясла был полностью раскрыт участок стены протяженностью 12 м и на 138 м протрассирован фасад стены. Сохранность кладки на изученном участке неравноценна — от 1 до 14 рядов кладки (до 2,5 м). Стена оказалась сильно поврежденной во время распушки детинца. Проведенные работы показали, что каменные оборонительные сооружения детинца представляют собой не аморфный «каменный вал», как предполагал А. Г. Тышинский, а являются регулярной каменной кладкой.

¹ О. В. Овсянников. Орлецкий городок. КСИА, вып. 96, 1964, стр. 116—119.

² А. Г. Тышинский. О чудских древностях в Архангельской губернии. «Труды I АС», т. II, 1871, стр. 319—352; Атлас к трудам I АС, табл. VI.

³ Предварительные сообщения о проведенных работах см.: О. В. Овсянников, Н. М. Терехихин. Обследование средневековых памятников на территории Архангельской обл. АО 1970 г. М., 1971, стр. 30—33; О. В. Овсянников. Археологические раскопки в Орлеце в 1971 г. АО 1971 г. М., 1972, стр. 39.

⁴ Подробное описание памятника и его летописную историю см.: О. В. Овсянников. Орлецкий городок, стр. 116—119.

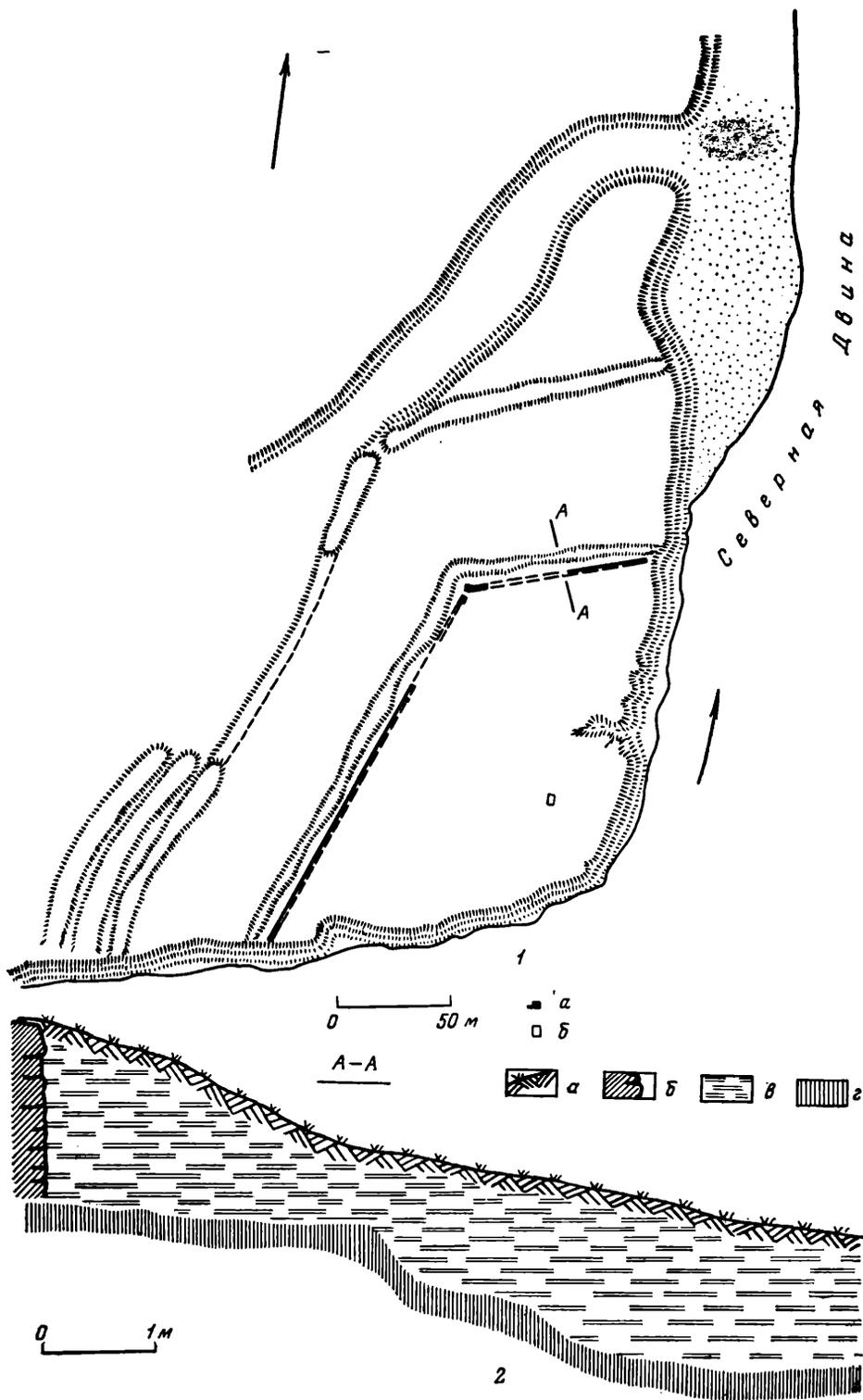

Рис. 43. План Орleckкого городища (1) и разрез части рва по линии А—А (2)
 а — дерновый слой; б — каменная стена; в — заполнение рва; з — материк

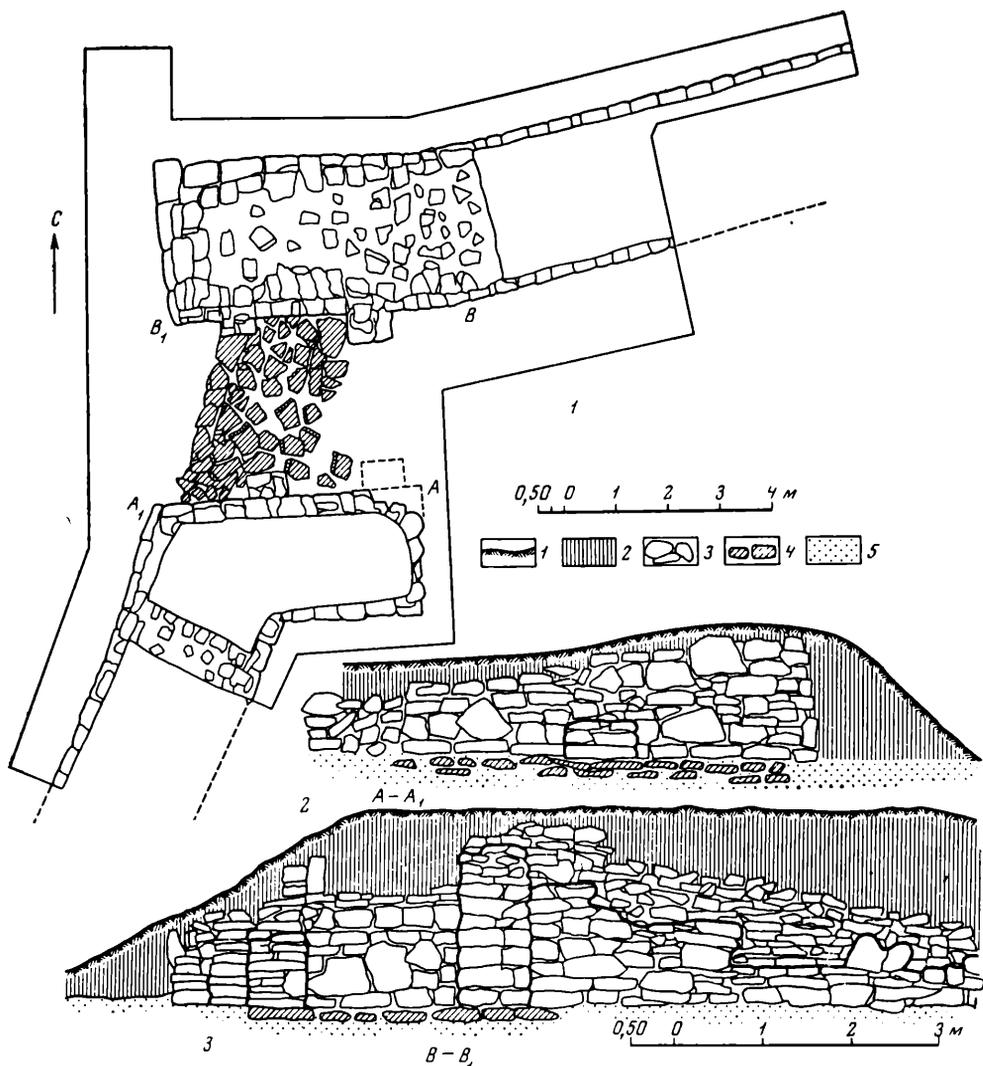

Рис. 44. План и разрезы воротной башни Орleckого городища

1 — план; 2 — южная стена (по линии А — А₁); 3 — северная стена (по линии В₁ — В); 1 — дерн, 2 — культурный слой, 3, 4 — камень, 5 — песок

Конструкция каменных стен Орleckого кремля оказалась на всех исследованных участках единообразной — лицевые кладки стен сложены из разновеликих, но мощных необработанных блоков и рваных известняковых плит, уложенных на известковом растворе (раствор белого цвета с очень малой примесью песка). Внутренняя часть стен забутована более мелким плитняком, обычно пролита раствором (пустот между бутовым камнем почти нет). Ширина стен на всех участках практически одинакова — 2,8 м. Фундаментом стены являются первые один-два ряда плит, уложенных на тонкий волнистый слой (1—2 см). На участке северной стены был сделан частичный разрез рва. Оказалось, что край рва начинался в 2,8 м от фасада стены; максимальное заглубление его от уровня подошвы стены на изученном участке составляет 1,1 м (рис 43, 2).

На стыке западного и северного прясел кремля была открыта воротная башня (рис. 44, 1). Техника кладки башни идентична кладке стен; отличается она лишь более тщательной подгонкой лицевых блоков. Башня состоит из двух мощных пилонов (северный — 2,8 × 5 м, южный — 2,4 × 5 м), имеющих на внутренних фасадах по паре лопаток (у южного пилона

восточная лопатка сбита). Размеры лопаток неодинаковы (ширина 0,62 м; 0,70 м; 0,87 м), различно выступают они и за линию кладки пилонов (0,31 м; 0,50 м; 0,60 м, рис. 44, 2—3). Лопатки сохранились на высоту 0,3—1,75 м, причем нижние плиты кладки лопаток не имеют перевязки с кладкой пилонов (кладка в перевязь начинается на 0,3—0,4 м от подошвы стены). Внутри башни — вымостка из небольших известняковых плит, уложенных на песчаный материк (плиты уложены насухо, в один-два ряда). При исследовании проезжей части башни такие детали, как гнезда для бруса-запора и для подпятника, на которое навешивалось воротное полотнище, обнаружить не удалось. Внешний контур башни составляет 5×8,5 м; проезжая часть башни имеет размер 3,25×4,25 м. В плане башня слегка асимметрична.

Таким образом, работы, проведенные по изучению оборонительных сооружений кремля Орлецкого городка, показали, что город, заложенный в 1342 г. Лукой Варфоломеевым, имел каменные стены и башню, техника сооружения которых позволяет отнести Орлецкую крепость к кругу памятников новгородского каменного оборонного зодчества XIV в.⁵ Несомненно, Орлецкий кремль, воздвигнутый новгородцами в далеком Подвинье в первой половине XIV в., представляет значительный интерес для изучения оборонного зодчества Северной Руси. Орлецкое городище интересно тем, что в этом памятнике, наряду с архаическими чертами — «утопленность» башни в толще стены (т. е. воротная башня не выступает за линию стены, что значительно снижало ее роль при ведении фланкирующего огня), максимальное использование естественных преград (Орлецкое городище по существу — памятник мысового типа со сложной плановой структурой)⁶, отчетливо проявляются и прогрессивные тенденции в русском каменном оборонном зодчестве. Прежде всего эти прогрессивные тенденции сказались в прямолинейности каменных стен Орлецкого кремля, в несомненной тенденции к регулярности общей планировки. В настоящее время сохранилась лишь северо-западная часть кремля, однако план, снятый А. Г. Тышинским в 1971 г.⁷, дает основания полагать, что и несохранившиеся прясла были также прямолинейными (сомневаться можно в другом: был ли Орлецкий кремль трапециевидной формы или скошенным четырехугольником).

Общая протяженность каменных стен кремля была весьма значительной — 650 м (сохранилось 305 м). При такой протяженности стен логично предположить наличие еще нескольких башен, по крайней мере в юго-западной части кремля, выходящей на напольную сторону посада; с этих башен представлялся хороший обзор Северной Двины, являвшейся в то время основным водным путем как для торговых, так и для военных предприятий. По крайней мере вероятность многобашенности Орлецкого кремля не стоит сбрасывать со счетов. Не вызывает сомнения, что Орлецкую каменную крепость в далеком Заволочье воздвигли новгородские мастера, хорошо знавшие фортификационное искусство своего времени.

⁵ Сравни каменные башни 1302 г. и стены 1331—1334 гг. Новгородского детинца (М. Х. Алешковский. Новгородский детинец 1044—1430 гг. (по материалам новых исследований). «Архитектурное наследие», 14. М., 1962, стр. 21—22), стена посадника Федора 1335 г. (А. В. Арциховский. Раскопки на Славне. МИА, № 11, 1949, стр. 133—134), воротная башня 1391 г. Новгородского острога (В. В. Косточкин, С. Н. Орлов, П. А. Раппопорт. Новые данные об укреплениях Новгородского острога. «Памятники культуры», вып. 3. М., 1961, стр. 74—75).

⁶ Термин «посад» для Орлецкого городища употреблен нами для обозначения территории, прилегающей к кремлю с севера и запада, в известной мере условно. Ширина этой площадки 100—120 м (т. е. расстояние, равное прицельной стрельбе из лука), характер ее примыкания к кремлю, наличие внешних оборонительных укреплений говорят о том, что скорее всего это не окольный город, а система обороны (первая линия) каменного детинца.

⁷ А. Г. Тышинский. Указ. соч., табл. VI.

В. С. БАНИГЕ, А. Н. МИЛораДОВИЧ

ПАМЯТНИК КАЗАНСКОЙ ПОБЕДЕ В РОСТОВЕ

Среди памятников ростовской архитектуры Богоявленский собор Авраамиевского монастыря занимает особое место. Его архитектура оригинальна и не имеет аналогий в более древних зданиях. Монастырь, в котором он построен, один из древнейших в России¹. Строительство собора связано с именем Ивана Грозного; собор был заложен над гробом Авраамия (ростовского миссионера) в 1545 г., в первый приезд Ивана IV в Ростов, и торжественно освящен в 1553 г. в присутствии царя, посетившего Ростов после победы над Казанским царством².

Письменные источники скупое освещают строительную историю памятника. Подлинники монастырских документов до нас не дошли. Однако некоторые списки с описей монастыря XVII в. вошли в собрание рукописей Титова; цитаты из них приведены в его книге. После «великого ростовского пожара» 1730 г. игумен Варлаам сообщал в синод, что «как оный монастырь, так и всякие письменные прежних лет дела погорели без остатку»³. Консисторские рапорты рассказывают о многочисленных ремонтах и переделках собора в XVIII—XIX вв.⁴

Эти материалы, несмотря на их малочисленность и лаконизм, все же помогли направить наше исследование по верному руслу; основной результат этого исследования убеждает в большом художественно-историческом значении Богоявленского собора. А совокупность письменных данных и натурного исследования помогла восстановить его первоначальный облик (рис. 45—50)⁵.

Богоявленский собор Авраамиевского монастыря — это сравнительно небольшой храм, окруженный галереями с приделами-капеллами. Один из приделов был посвящен Иоанну Предтече, «святому покровителю» Ивана IV. Идея памятника большой исторической победы воплощена в единой целостной композиции, осуществленной сразу, одним приемом: все компоненты — центр и соподчиненные ему части — возведены одно-

¹ А. Титов. Ростовский Богоявленский монастырь. Сергиев Посад, 1894; Иустин Охотин. Описание Ростовского Богоявленского монастыря. Ярославль, 1862.

² А. Титов. Указ. соч., стр. 14; М. Толстой. Древние святыни Ростова Великого. Ярославль, 1847; ЛПБ, отдел рукописей, собрание Титова, д. 4580, л. 187. Легенда рассказывает, что в 1545 г. Грозный вывез из Ростова трость, которой, по преданию, Авраамий в XI в. сокрушил идола Велеса; собор над гробницей Авраамия построен по повелению Ивана IV царскими мастерами в благодарность «за отъютую от гроба трость на победу и одоление Казанского царства». Б. Эдинг. Ростов Великий. Углич. М., 1913, стр. 64.

³ А. Титов. Указ. соч., стр. 35.

⁴ Там же, стр. 35; Иустин Охотин. Указ. соч., стр. 43, 46, 47.

⁵ Натурные исследования памятника проводились авторами в 1960—1965 гг. и в 1970—1972 гг. Документы исследований хранятся в ЯСНРПМ и в Ленинградском филиале Института Гипротеатр.

временно, конструктивно связаны между собой, у них одинаковая кладка и техника ее выполнения.

Все части памятника поставлены на высокий подклет. Композиционный центр — четырехстолпный храм с пятью световыми барабанами — перекрыт коробовыми сводами с приподнятыми подпружными арками. Первоначально стены четверика завершались килевидными закомарами, над которыми возвышалось пять барабанов, прорезанных щелевидными окнами и увенчанных «шлемами», покрытыми черепицей. На барабанах сохранились кирпичные купола коробовой формы⁶; над ними-то и возвышались кирпичные шлемы, от которых уцелели куски покрывавшей их муравленой черепицы с прилипшим к ним толстым слоем раствора⁷. Своды были покрыты листовым железом, на четверике — до закомар, на приделах — до кокошников. Белокаменные водометы на углах кровли лежали по диагонали. Щелевидные окна храма были расположены в два яруса. В собор вели перспективные порталы, обрамленные килевидными арками.

У приделов, как и у четверика, все окна помещены в нишах с узкими просветами. Под поздней четырехскатной крышей северо-западного придела обнаружен декор из двадцати кокошников. Глухой барабан завершался куполом, не сохранившимся до нашего времени. Юго-западный придел, надстроенный высокой колокольней⁸, первоначально венчался одной главой, также окруженной кокошниками. Над приделом, под сводом с кокошниками, находилась площадка звона, а сам придел служил «церковью под колоколы» — интересная разновидность древнерусских храмов. Другой южный придел, искаженный теперь не меньше других, завершался шатром; кирпичный шатер был покрыт городковой черепицей темно-желтого цвета с зеленоватым оттенком, с изразцами на гранях шатра и восьмерика-барабана. Люкарн не было, они появились в XIX в. Восьмерик обрамлялся кокошниками. В массивных стенах были редко расположенные щелевидные окна; внутри находились аркосолий и печуры. Таков был облик этого придела, пожалуй первого в России придела с каменным шатровым покрытием. Обычай строить «самостоятельные» церкви «под колоколы» был распространен в то время, но придел с церковью «под колоколы» был, вероятно, впервые устроен в Богоявленском соборе. В архитектуре собора новшеством явились и свободное асимметричное расположение приделов, и неодинаковая форма их покрытий (шатер — на одном, «семейство кокошников» — на двух других).

Галереи собора были открытыми — род гульбища. Торжественное крыльцо с лестницей, с открытыми площадками, рундуками и маленькой звонничкой над его южной стеной давно утратило свой первоначальный вид. Над рундуками и ступенями позднее была сделана деревянная крыша⁹.

Вся архитектура собора сильно искажена. Из многочисленных нарушений его архитектурных форм отметим основные: разобраны северное крыльцо с лестницей, рундук и маленькая звонничка торжественного крыльца; переделаны все маковицы, все покрытия и почти все оконные проемы, кокошники и аркады галерей. Один из двух столпов-приделов перестроен в высокую колокольню; галереи превращены в закрытые, плохо освещенные паперты. Много перемен и в интерьерах собора: в южной стене пробиты арки в галерею, из северного придела сделаны двери

⁶ Толщина купола — 1/2 кирпича, в шельге — кирпич. Смелая конструкция коробовых сводов толщиной в кирпич, а купола — всего в полкирпича указывает на высокую технику кладки сводов.

⁷ На коробовых сводах под кирпичными шлемами раствора не обнаружено.

⁸ Колокольня надстроена, вероятно, в XIX в. судя по размерам кирпича.

⁹ В XIX в. архитектор П. Я. Паньков переделал нижний рундук, сделал над ним купол.

Рис. 45. Богоявленский собор Авраамиева монастыря. Реконструкция первоначального вида (XVI в.) Арх. А. Милорадович

в собор. При росписи стен в XVIII в. некоторые окна расширены, а другие — заделаны. Однако основные конструкции уцелели, поэтому даже сейчас, несмотря на все искажения, трудно не обратить внимания на спокойную красоту величавого здания.

Для реставрации первоначального облика памятника собраны данные¹⁰, позволяющие восстановить все покрытия — шлемы, закомары, кокошники столпов и шатер юго-восточного придела. Но явно недостаточно данных для реставрации первоначальных крылец и галерей. Для воссоздания в натуре этих бесследно исчезнувших элементов пришлось бы прибегнуть к аналогиям, к «проектированию» совершенно новых, никогда в действительности не существовавших архитектурных форм. Поэтому нередко памятники архитектуры документально правильнее реставрировать по более поздней дате, от которой сохранилось больше и натуральных, и письменных данных, но при которой первоначальный облик памятника оставался еще почти неискаженным¹¹. Для Богоявленского собора такой датой целесообразнее всего принять вторую половину XVII столетия. От этого времени уцелели почти все конструктивные остатки: шлемы, закомары, кокошники столпов, стены обоих ярусов галерей и остатки западного крыльца с основанием звоннички (на его южной стене)¹². Следы кровли галерей сохранились в виде пересечения крыши (позднее разо-

¹⁰ В основном натурные находки. Использованы также сведения из письменных источников.

¹¹ Так как некоторые изменения (неизбежные, но минимальные) не внесли еще в архитектуру здания грубого диссонанса.

¹² Натурные данные о звонничке относятся к XVII в., но не исключено, что она существовала уже в XVI в.

Рис. 46. Богоявленский собор Авраамиева монастыря. Проект реставрации (по состоянию на XVII в.)

бранной) с соответствующей стеной собора: у западной галереи с западной соборной стеной, у южной — с южной. Похоже, что крылец судя по шурфам в XVII в. уже не было, поэтому их можно и не восстанавливать, если принять реставрационной датой вторую половину XVII в.

Приняв эту дату, мы сможем применить наиболее точную методику реставрации древних покрытий, контуры которых хорошо видны на стенах собора и барабанов как бы в трех проекциях — в двух вертикальных и в плане собора¹³. Так будут сохранены подлинно древние формы.

Архитектура Богоявленского собора восхищает своей пропорциональностью, благодаря которой, несмотря на небольшие размеры, здание выглядит величественным и монументальным. Размеры основных архитектурных масс выражены в целых числах простых сажен.

Со времени опубликования Б. А. Рыбаковым статьи о системах древнерусских мер¹⁴, наблюдения за модульностью памятников русского зодчества стали проще и доступнее. Больше стало появляться публикаций

¹³ К наслоениям относятся позднейшие добавления, искажающие исторически верный облик памятника. Как было сказано в начале статьи, сведения о монастырских документах XVII в. до нас дошли по спискам с них; большая их часть относится ко второй половине столетия. Первый известный нам документ, упоминающий о соборе с его приделами, — монастырская опись 1629—1631 гг. ЛПБ, отдел рукописей, собрание Титова, д. 4450, стр. 26—27.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV вв. СЭ, 1949, № 1, стр. 67—91.

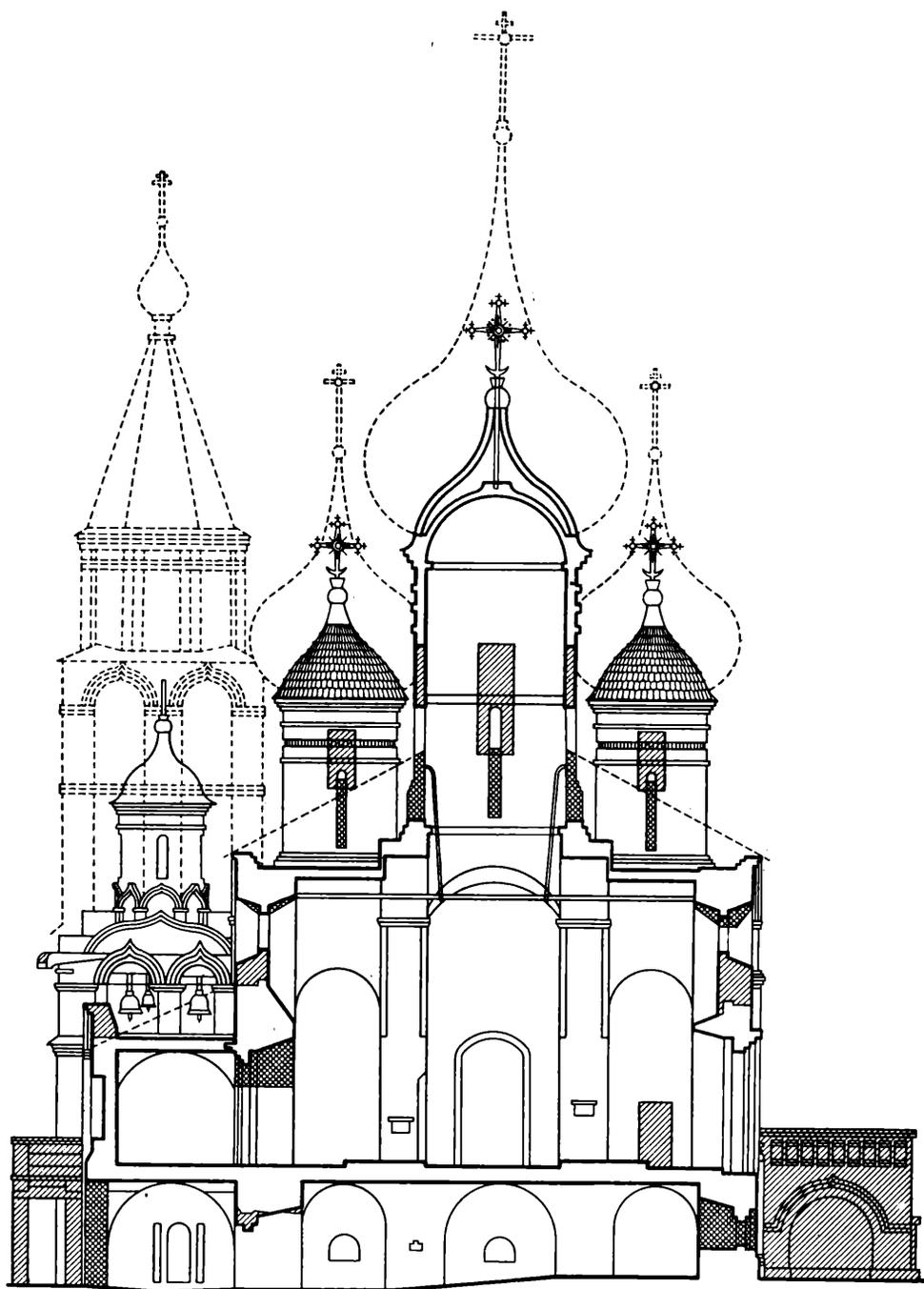

Рис. 47. Богоявленский собор Авраамиева монастыря. Проект реставрации. Поперечный разрез с показом силуэта существующего вида собора

на эту тему¹⁵. В одном случае обнаруживалось, что размеры стен памятника кратны простой сажени, в другом — кратность обусловлена применением маховой сажени. В размерах Богоявленского собора заложена простая сажень (152 см), кратная длине кирпича (29×14—14,5×7 см).

¹⁵ Например, см. статью Е. М. Караваевой. *Е. М. Караваева. Собор Спасского монастыря в Ярославле*. «Архитектурное наследство», 1963, № 15, стр. 45, 46 и сл.

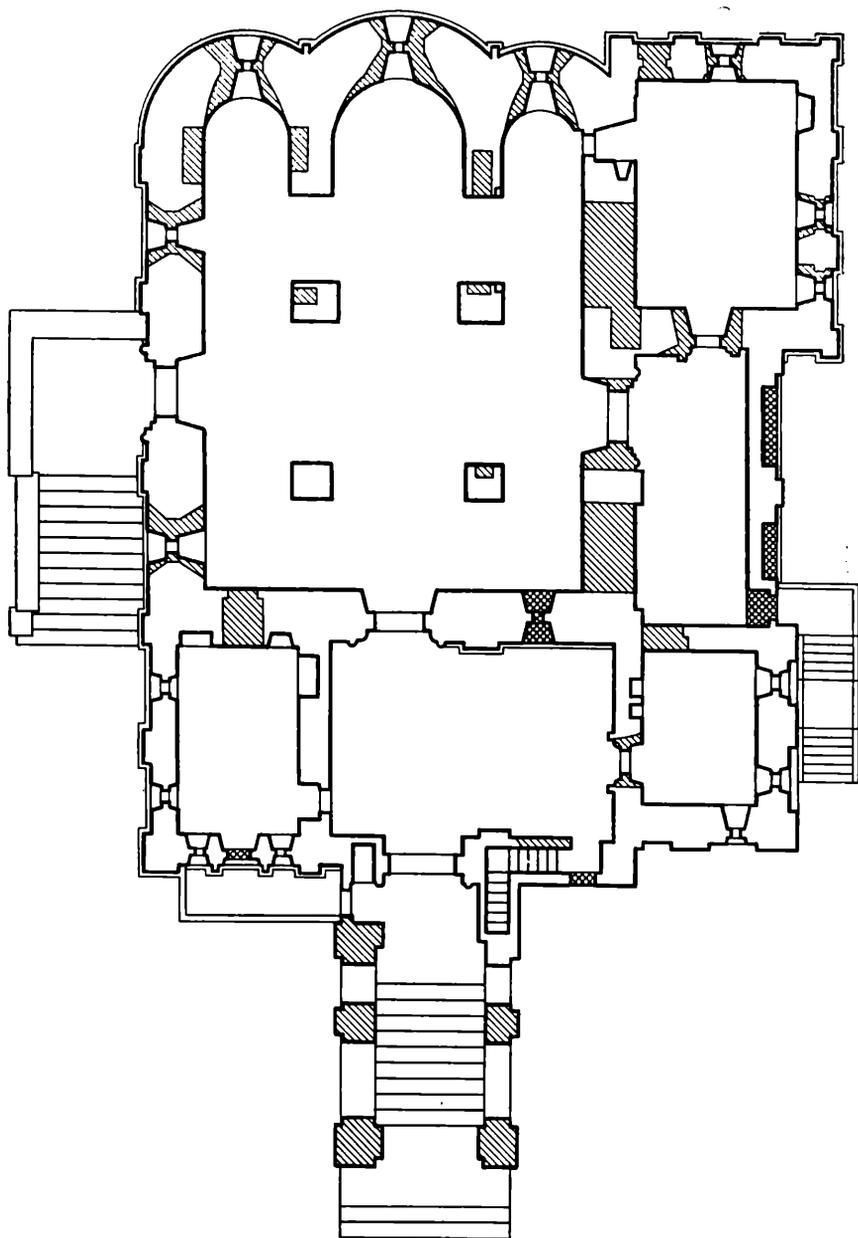

Рис. 48. Богоявленский собор Авраамиева монастыря. Реконструкция плана по состоянию на XVII в.

Интересно, что у Богоявленского собора «модульны», т. е. кратны простой сажени не только размеры плана собора и приделов, но и расстояние между приделами; таким образом, вся несимметричная композиция подчинена определенному ритму, который и обусловил восхитительную целостность всего ансамбля собора — центрального здания с его приделами-столпами.

«Модульность», точнее, соразмерность была необходима нашим старым мастерам не только для пропорциональности и масштабности постройки в целом, но и для ритмичности всего сооружения. А ритм — душа архитектуры. Архитектурный ритм живет и в древних галереях Москвы,

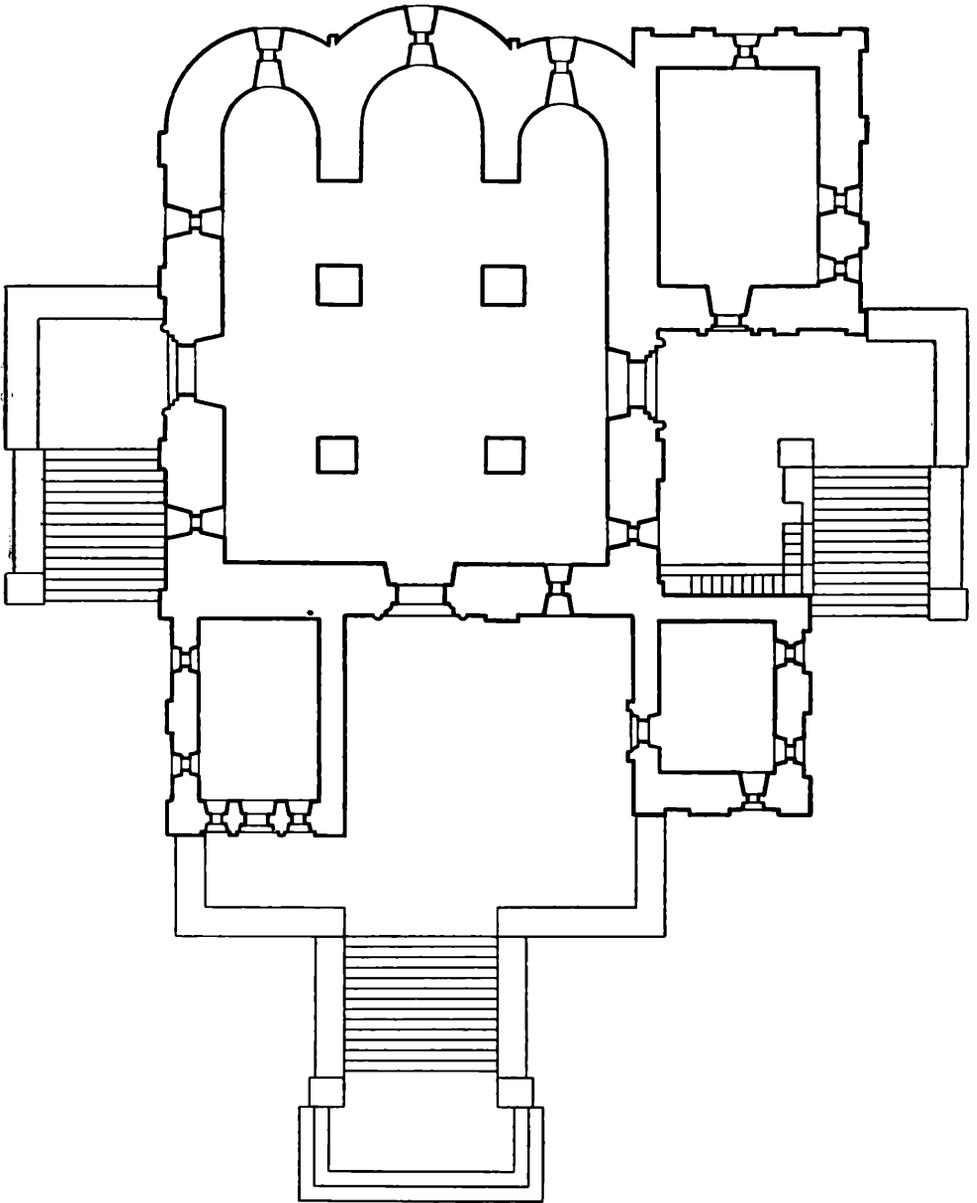

Рис. 49. Богоявленский собор Авраамиева монастыря. Реконструкция первоначального плана (XVI в.)

и в несимметричных ансамблях Ростова, добавим, что русский архитектурный ритм — это сложный тип, чаще всего с нечетной группировкой интервалов и опор. Во всех лучших произведениях русского зодчества обязательно присутствует модульность, соразмерность¹⁶.

Мы имеем право говорить о «возвышенном» характере пропорциональности Богоявленского собора, выраженной в сочетаниях размеров объемов

¹⁶ Предложенный Ле Корбюзье «модулер», т. е. «сетку», соответствующую математической структуре человека, можно сравнивать с древнерусской модульной решеткой (маховая сажень, 176 см — средний рост человека).

Рис. 50. Реконструкция первоначального вида. Взгляд с верха монастырских стен

и плоскостей: отношение высоты барабанов с главами к высоте основного четверика — 1 : 1, высоты среднего барабана к малым — 3 : 2 и т. п. Ясными и чистыми пропорциями мастера стремились подчеркнуть величие, значение постройки. Закомары, кокошники, барабаны и другие формы послужили как бы меркой, напоминающей о действительных размерах здания.

Живописная асимметричная композиция собора с семью шлемами, килевидными очертаниями закомар и кокошников, шатровым силуэтом одного из столпов служит архитектурным символом ратного подвига народа, одержавшего в 1552 г. решающую победу над татарами. Кто же из наших мастеров запечатлел в камне это историческое событие, создав в Ростове памятник русской славы? Упомянутое Б. Эдингом предание, что Богоявленский собор строил Андрей Малой¹⁷, мало правдоподобно, так как не подтверждается сравнением собора с построенной Андреем Малым в Ростове, на 15 лет позднее, церковью Вознесения. Заслуживает

¹⁷ Б. Эдинг. Указ. соч., стр. 65 (без ссылки на источники).

внимания цитата из Хлебниковской рукописи: «...а строил ее (соборную церковь) некий мастер Нестер»¹⁸.

В середине XVI в. в России получила широкое распространение шатровая архитектура, отразившая «идеологию времени образования национального Русского государства... Этот крупнейший перелом в развитии зодчества... мог быть осуществлен в условиях концентрации на строительстве Москвы архитектурных сил Запада (Италии) и лучших строителей Московского государства — псковских, тверских, ростовских зодчих»¹⁹. Если в развитии шатрового зодчества принимали участие ростовские мастера XVI в., то вполне вероятно, что и у себя дома, в своем Ростове, они применили эти полюбившиеся народу формы.

В середине XVI в. центрическая система храмов проявилась в Средней России в нескольких интересных памятниках. Предшественником этой композиции можно считать первые храмы, на фасадах которых появились членения, выделяющие угловые компоненты, как, например, на фасадах Успенского собора в Старице (1530 г.), однако такое «выделение» было намечено еще очень робко. Следующим шагом в развитии центрической системы храмов явилась обстройка центрального столпа соподчиненными ему приделами, также столпообразной формы, например церковь в с. Дьякове. Построенное в 1547 г. (год венчания Ивана IV на царство) здание церкви отличается большой самостоятельностью частей и очень ясной симметрией. Блестящим примером того же композиционного принципа может служить шатровый храм в том же городе Старице (1538 г., в XIX в. разобран); его приделы увенчаны шатрами и словно фланкируют центральный столп с большим высоким шатром.

В XVII в. ростовский прием обстройки четырехстолпного центра несимметрично поставленными приделами, колокольнями, галереями и крыльцами занял видное место в русской архитектуре, например в Ярославле. Но подлинной кульминации эта сложная объемная система достигла раньше, в середине XVI в., в постройке храма Василия Блаженного, или Покрова на Рву в Москве (1552—1555 гг.). Почти правильная симметрия в расстановке столпов вокруг центрального шатра здесь в дальнейшем была смягчена разнообразием глав, шатров, крылец.

И в Покровском, и в Богоявленском храмах отчетливо заметно выраженное в их архитектуре героическое начало — шатры, шлемы. Кроме этой общей черты и композиционного родства у этих соборов есть еще и стилистическая связь — например, изразчатые ромбы и розетки, чередующиеся по граням их шатров. Обращает внимание и дата обоих зданий: год окончания постройки Ростовского храма смыкается с началом строительства в Москве. Все это позволяет отнести их к одной группе памятников, а их создателей — к одному кругу крупных талантливых строительных мастеров-зодчих, которыми располагал Иван Грозный.

¹⁸ ЛПБ, отдел рукописей, собрание Титова, д. 4580, л. 187 об. Рукопись принадлежала Хлебникову — известному собирателю древнерусских рукописей; сгорела она в XIX в.

¹⁹ Н. Н. Воронин. Хутынский столп 1535 г. СА, VIII. М.—Л., 1946, стр. 301.

ХРОНИКА

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

СЕКТОР СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ИА АН СССР В 1972 Г.

В составе сектора работают 27 сотрудников. Успешно окончив аспирантуру и защитив диссертацию, в состав сектора вошла А. А. Медынцева.

Работа сектора славяно-русской археологии шла, как и в прежние годы, по нескольким направлениям.

Один из основных вопросов — генезис славян. В. В. Седовым разрабатывается тема «Происхождение и ранняя история славян». В печати за последний год появился ряд статей этого исследователя, посвященных данной теме. И. П. Русанова закончила в этом году работу «Древности славян VI—VII вв. («пражский тип»), рассматривающую славянские памятники указанного времени на территории Украины, Белоруссии, Чехословакии, Польши.

Другим важным направлением работы сектора продолжает оставаться вопрос о возникновении и истории древнерусских городов. Этой теме посвящены законченные и защищенные в 1972 г. в качестве кандидатских диссертаций работы Д. А. Беленькой «История заселения территории Китай-города (Москва)» и М. В. Седовой «Города Владимиро-Суздальской земли (бассейн р. Клязьмы)». Продолжают работу в этой области А. В. Куза («Малые древнерусские города IX—XIII вв.») и Г. А. Авдусина («Славенский конец Новгорода и Торг»). Многие сотрудники сектора разрабатывают тему города в своей полевой работе.

Новгородская экспедиция отметила в 1972 г. 40-летие своей деятельности. За последний сезон обнаружено несколько интересных грамот, каменная иконка прекрасной работы, медная бляшка с изображением святого, выполненным в технике перегородчатой эмали; разрабатывается дендрологическая датировка деревянных сооружений.

Отряд Новгородской экспедиции под руководством А. Ф. Медведева продолжал раскопки в Старой Руссе, где также найдены берестяные грамоты. Примечательно обилие резных деревянных предметов; открыта новая мощная улица.

Рязанская экспедиция (А. Л. Монгайт, В. П. Даркевич) продолжила исследование прибрежной части Старорязанского городища. Изучалась богатая боярская усадьба, в которой открыты полуземляночные жилища и обнаружено много привозной поливной посуды. Примечательна находка бронзового навершия, выполненного в скифском зверином стиле, — еще одно свидетельство интереса старорязанцев к древностям.

Продолжались раскопки на Труворовом городище в Изборске (В. В. Седов). Исследовались слои от VIII до XIII в. Открыты остатки многочисленных жилищ и печей. Сделаны наблюдения по планировке поселения в разные периоды его функционирования. Собрано свыше 600 вещевых находок, характеризующих все стороны жизни и быта обитателей города.

Суджанский отряд под руководством А. В. Кузы изучал городище у с. Горналь в Курской обл. Роменский слой этого поселения удалось расчленить на три горизонта.

Вологодская экспедиция (А. В. Никитин) обследовала крепость Пустозерск на р. Печоре. Продолжены также раскопки курганов XI—XIII вв. у дер. Новинки Вологодской обл., в которых славянские элементы сочетаются с финскими.

Над изучением отдельных областей Древней Руси, историей заселения их славянами работают Л. В. Алексеев («Западнорусские земли в IX—XIII вв.»), Т. Н. Никольская («Земля вятичей»), А. В. Никитин («Славяно-русское население Севера X—XIV вв.»).

Днепро-Двинский отряд под руководством Л. В. Алексеева производил обследование и шурфовку пунктов, упомянутых в грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича (XII в.) и летописях (Дорогобуж, Ельня, Пацынь, Ржев, Зубцов, Оковцы). Р. Л. Розенфельдт производил раскопки вятических курганов в Подмоскowie.

Интересные исследования ведутся сектором по ряду конкретных вопросов древнерусской материальной культуры. Сюда можно отнести работы П. И. Засурцева «Древнерусское жилище северной лесной полосы», Т. В. Равдиной «Инвентари курганов вятичей XI—XIII вв.», Р. Л. Розенфельдта «Древнерусская игрушка», М. А. Сабуровой «Женский головной убор Древней Руси». Выходит из печати красочный альбом Т. И. Макаровой «Поливная керамика Древней Руси».

Темы по искусству и духовной культуре Древней Руси разрабатывают Г. К. Вагнер («Скульптура Древней Руси XIV—XV вв.»), Т. И. Макарова («Перегородчатые эмали Древней Руси»), Т. В. Николаева («Прикладное искусство Московской Руси»). В. П. Даркевич работает над темой «Произведения ближневосточного художественного ремесла в Восточной Европе VIII—XIII вв.».

По древнерусскому искусству и литературе за 1972 г. вышли следующие книги: Г. К. Вагнер «Андроников монастырь»; В. П. Даркевич «Пути средневековых мастеров»; Б. А. Рыбаков «Русское прикладное искусство X—XIII вв.» (Альбом); Б. А. Рыбаков «Русские летописцы и автор „Слова о полку Игореве“». Выходит в свет книга В. П. Даркевича «Светское искусство Византии».

Изучением русской эпиграфики занимается А. А. Мединцева. Н. Н. Велецкая разрабатывает тему «Архаические черты славянской погребальной обрядности».

Ряд сотрудников сектора разрабатывает темы, посвященные материальной и духовной культуре соседей славян. Хронологии раннесредневековых древностей Восточной Европы посвящена работа А. К. Амброза. К. А. Смирнов готовит к печати работу «Сетчатая керамика в Восточной Европе (типология, территория, время существования)». С. А. Плетнева закончила и подготовила к печати фундаментальную сводку по половецким каменным бабам.

Л. А. Голубева занимается в настоящее время финно-угорскими племенами, их духовной культурой. Ее плановая работа озаглавлена «Идеологические представления угро-финских племен». С. М. Йовков работает над темой о болгарских земледельческих орудиях. М. Д. Полубояринова завершает работу над темой «Русские в Золотой Орде».

Новая историографическая тема, начатая А. Л. Монгайтом в 1970 г., называется «История археологических методов и идей в XIX—XX вв.».

Большое место в работе ряда сотрудников занимает рецензирование работ советских и зарубежных исследователей как в рабочем порядке, так и на страницах различных археологических изданий. Среди последних интересны написанные для журнала «Советская археология» рецензии А. К. Амброза на книги зарубежных авторов: 1) R. Nachmann. *Goten und Skandinavien*; 2) Erdelyi, Ojtozi, Gening. «Das Gräberfeld von Newolino»; 3) Erdelyi Salamon. *Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környc*; 4) Taider—Faitmans. «Necropoles merovingiennes».

В. В. Седов написал рецензию на книгу Т. А. Кондукторовой «Древнее население Украины» (СА); А. В. Куза и А. А. Медынцева опубликовали рецензию на книгу Л. В. Черепнина «Новгородские берестяные грамоты как исторический источник» (СА).

Все темы, над которыми работают сотрудники сектора, находят в разной степени свое отображение в печати.

В 1972 г. вышел в свет сборник «Кратких сообщений ИА АН СССР» — «Средневековые древности Восточной Европы» (вып. 129), в котором самое широкое участие приняли члены сектора (Т. И. Макарова, Т. Н. Никольская, М. В. Седова, В. В. Седов, Г. Ф. Соловьева, М. Д. Полубояринова).

В. П. Даркевичем (в соавторстве с В. Ф. Черниковым) опубликована статья, посвященная предметам среднеазиатской торевтики (КСИА, вып. 128).

В «Советской археологии» в 1972 г. публиковались статьи В. П. Даркевича и А. Л. Монгайта, А. В. Кузы и Г. Ф. Соловьевой, Т. И. Макаровой, Т. Н. Никольской, М. Д. Полубояриновой, Р. Л. Розенфельдта, В. В. Седова.

Ежегодно начальники экспедиций и отрядов печатают краткие информации о полевых исследованиях в сборнике «Археологические открытия».

В отчетном году было проведено 24 заседания сектора славяно-русской археологии. Были заслушаны информации о полевых исследованиях в 1972 г. Много интересных докладов сделали сотрудники сектора по своим плановым темам (Л. В. Алексеев, Д. А. Беленькая, А. А. Медынцева, М. В. Седова); по итогам полевых исследований (В. П. Даркевич и А. Л. Монгайт, К. И. Комаров); по отдельным сюжетам древнерусской культуры (Т. В. Николаева, Б. А. Рыбаков); по новым методам изучения археологических материалов (керамики) — А. А. Бобринский, А. А. Узянов.

Было заслушано и обсуждено сообщение П. Н. Третьякова о сборнике статей, посвященном древностям Подесенья середины I тыс. н. э. Сборник был рекомендован к печати.

На заседаниях сектора были заслушаны и обсуждены доклады ученых других научных учреждений. В. Д. Баран (Институт археологии АН УССР, Киев) прочитал доклад «Ранние славяне между Днестром и Припятью». Представленную работу на эту тему сектор рекомендовал к защите в качестве докторской диссертации. При обсуждении доклада Л. Д. Поболя (Институт истории АН БССР, Минск) «Славянские древности Белоруссии (зарубинецкая культура на территории БССР)» был высказан ряд серьезных замечаний. Кроме того, был прочитан доклад Г. Н. Логвиным (Киев) «О новых исследованиях в Софии Киевской».

В 1972 г. ежегодная Отчетная сессия состоялась в Москве. В подготовке ее и в обсуждении докладов приняли участие сотрудники сектора (см. информацию Р. Л. Розенфельдта, Э. И. Соколова «Итоги археолого-этнографических исследований 1971 г.» Сессия в Москве. «Вестник АН СССР»).

Сотрудники сектора принимали активное участие в конференциях, организованных различными научными учреждениями.

В апреле 1972 г. в Минске состоялась Вторая конференция по археологии Белоруссии, в которой приняли участие Л. В. Алексеев, А. В. Куза, И. П. Русанова, В. В. Седов. Последний выступил с докладом «О местоположении древнерусских городов Вевереска и Острее»; Л. В. Алексеев прочитал доклад «Оковский лес».

Доклад на тему «Гидронимические пласты и археологические культуры» был прочитан В. В. Седовым на конференции по топонимике центра Европейской части СССР в Москве.

Г. К. Вагнер участвовал в работах сессии Музея им. Андрея Рублева, посвященной связям древнерусского искусства с балканским. А. Л. Монгайт участвовал в конференции по охране памятников и созданию музеев под открытым небом в Архангельске.

В декабре 1972 г. ряд сотрудников сектора славяно-русской археологии принял участие в III Всесоюзной конференции по скифо-сарматской археологии (скифо-сибирский звериный стиль). С докладом «О судьбах скифо-сарматского „звериного стиля“» выступил Г. К. Вагнер.

В зарубежных командировках в 1972 г. побывали Г. Ф. Соловьева — в Чехословакии, В. В. Седов — в Польше, С. С. Ширинский — в Йемене.

В октябре-ноябре 1972 г. восемь сотрудников сектора в составе институтской группы совершили специализированную археологическую поездку по Болгарии, где ознакомились с археологическими и архитектурными памятниками фракийской эпохи, римского времени и средневековья, осмотрели многие музеи страны.

В. А. НАЗАРЕНКО

ГРУППА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ЛОИА АН СССР В 1971—1972 ГГ.

За истекший период сотрудники группы славяно-русской археологии продолжали разрабатывать две основные темы: 1) этногенез восточных славян и их соседей; 2) история культуры древнерусского города. Вместе с тем в работе группы еще ранее наметилось новое направление, получившее в последнее время особое развитие, — изучение русских средневековых городов-крепостей. Наконец, в исследованиях группы нашла отражение и тематика, связанная с изучением древнерусских курганных древностей.

Над первой темой работали П. Н. Третьяков, Е. А. Горюнов и Е. Н. Носов. П. Н. Третьяков завершил двухлетнее исследование городища Осыно (Псковская обл.). Е. А. Горюнов закончил сбор материалов по теме «Днепровское лесостепное и лесное левобережье в середине и третьей четверти I тыс. н. э.» и приступил к написанию разделов «Деснинская группа памятников III—начала VIII в.», «Некоторые спорные вопросы изучения лесостепных левобережных памятников третьей четверти I тыс.». Е. Н. Носов собирал материалы по теме «Старая Ладога. Горизонт Е.».

Над второй темой работали М. К. Каргер, П. А. Раппопорт, Ф. Д. Гуревич, А. Н. Кирпичников, М. В. Малевская, О. В. Овсянников и К. В. Павлова. М. К. Каргер разделом «Зодчество Полоцкой земли XI—XIII вв.» начал работу над новым исследованием по архитектуре Древней Руси — «Зодчество западных древнерусских княжеств XI—XIII вв.». П. А. Раппопорт, окончив работу над темой «Древнерусское жилище лесной зоны X—XIII вв.», завершил тем самым свое многолетнее исследование о древнерусском жилище. Ф. Д. Гуревич закончила работу «Города Черной Руси» и приступила к разработке новой темы «Древнерусские города Подляшья». А. Н. Кирпичников продолжал заниматься изучением русского оружия X—XV вв. М. В. Малевская закончила исследование «Керамика Черной Руси X—XIII вв.». О. В. Овсянников продолжал работать над темой «Мангазея. Русский город XVII в. в Сибири». К. В. Павлова начала изучение городища Осовик (Брянская обл.).

Изучением древнерусских городов-крепостей занимались А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников, В. И. Кильдюшевский. А. Н. Кирпичников вел полевые и кабинетные исследования крепостей Орешка, Ямгорода, Тиверска, Корелы, Ладоги и Кирилло-Белозерского монастыря. В результате этих работ А. Н. Кирпичников выпустил совместно с И. Н. Хлопиным книгу «Великая государева крепость» и подготовил к печати исследование «Древний Орешек». Последнюю работу А. Н. Кирпичникова следует отметить особо как важный в методическом отношении опыт широкого использования письменных источников, в первую очередь описных книг XVI в., для характеристики археологически исследованного

русского города позднего средневековья. О. В. Овсянников продолжал исследование Орлецкого кремля и крепости Копорье.

Над изучением курганных древностей работали К. В. Павлова, В. А. Назаренко и Е. А. Рябинин. К. В. Павлова продолжала работать над темой «Курганные могильники Новогрудка». В. А. Назаренко завершил работу по составлению археологической карты погребальных памятников Старой Ладogi. Е. А. Рябинин собирал материал по теме «Финно-угорские элементы в древнерусских курганах».

За отчетный период группой славяно-русской археологии проведено около 60 заседаний, на которых обсуждались результаты полевых исследований, выполнение сотрудниками группы плановых работ и дискутировались спорные проблемы славяно-русской археологии. Большой интерес и острую полемику вызвали доклады Д. А. Мачинского (Госуд. Эрмитаж) «Славяне первых веков н. э., по данным античных письменных источников», А. Н. Винокура (Каменец-Подольский) «Черняхóвская культура в междуречье Днестра и Днепра», Е. Н. Носова «О сопках Северо-Западной России». Сотрудники группы приняли активное участие в пленумах ЛОИА и ИА, выступали с докладами на конференциях в Тбилиси, Минске, Новгороде. На заседаниях группы заслушаны и обсуждены доклады сотрудников других учреждений: Ж. Н. Выжаровой (Болгария) «Средневековые некрополи VI—XI вв. в Болгарии», Теодора Дана (Румыния) «Раннеславянские памятники на территории Молдавии», О. И. Давидан (Гос. Эрмитаж) «Стратиграфия и датировка нижнего горизонта Старой Ладogi», Ю. Л. Щаповой (Москва) «О датировке „бокалов св. Ядвиги“», В. А. Булкина (ЛГУ) «О пустых курганах Гнездовского могильника», С. И. Кочкуркиной (Петрозаводск) «О летописной Кореле», К. М. Плоткина (ГМИЛ) «Городище Камно».

В 1972 г. на заседании группы обсуждена рукопись кандидатской диссертации Г. С. Лебедева (ЛГУ) «Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов».

В 1971—1972 гг. сотрудниками группы проведены широкие полевые исследования. П. Н. Третьяков закончил раскопки городища Осыно на юге Псковской обл. Днепровский левобережный отряд (Е. А. Горюнов) производил разведки и раскопки поселений середины и третьей четверти I тыс. н. э. на Полтавщине. Отряд по изучению жилищ (П. А. Раппопорт) проводил раскопки в г. Трубчевске, где вскрыты остатки наземных срубных жилищ, а под существующим зданием Троицкой церкви — остатки храма конца XII—начала XIII в. Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция (П. А. Раппопорт) вела раскопки двух храмов XII в. в Смоленске. Новогрудская экспедиция (Ф. Д. Гуревич) продолжала раскопки Новогрудского детинца, а Курганный отряд (К. В. Павлова) исследовал могильники в окрестностях Новогрудка. Ленинградская экспедиция (М. К. Каргер) работала в Приозерске, Тиверске, Кингисепе и Старой Ладoge (А. Н. Кирпичников), в Копорье (О. В. Овсянников), в Орешке (В. И. Кильдюшевский). Каргопольская экспедиция производила раскопки административных и культовых сооружений в г. Каргополе (О. В. Овсянников). В Южном Приладожье производились раскопки поселений, курганов и сопок (В. А. Назаренко, Е. Н. Носов, В. П. Петренко).

Вышли из печати следующие работы сотрудников группы: А. Н. Кирпичников «Древнерусское оружие», вып. 3 (1971), вып. 4 (1972); А. Н. Кирпичников и В. М. Савков «Крепость Орешек» (1972); А. Н. Кирпичников и И. Н. Хлопин «Великая государева крепость» (1972). Под редакцией П. А. Раппопорта изданы две книги Ю. П. Спегальского — «Псков. Художественные памятники» (1972) и «Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв.».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АС	— Археологический съезд
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВООПИК	— Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВЭИМП	— Вопросы этнической истории народов Прибалтики
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИЗ	— Исторические записки
ИРАО	— Известия Русского археологического общества
КСИАУ	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
ЛПБ	— Ленинградская публичная библиотека
МАО	— Московское археологическое общество
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИАЛ	— Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР
МИСО	— Материалы по истории Смоленской области. Смоленск
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
Гр. ПОКЭ	— Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции
Гр. ГИМ	— Труды Государственного Исторического музея
ЯСНРПМ	— Ярославская специальная научно-реставрационная производственная мастерская
MZ	— Materialy Zachodnio Pomorskie
ЈЬМ	— Jahrbuch der Bodendenkmalpflege in Mecklenburg Museum für Vor- und Frühgeschichte. Schwerin
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Русанова И. П. Северные элементы на памятниках типа Корчак	3
Носов Е. Н. К вопросу о происхождении домовин в курганах роменско-боршевской культуры	8
Плоткин К. М. К вопросу о хронологии городища Камно Псковской обл.	13
Смирнова Г. П. О трех группах новгородской керамики X—начала XI в.	17
Рябинин Е. А. Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли	23
Седов В. В. К истории поселений Черной Руси	27
Никольская Т. Н. Военное дело в городах земли вятичей (По материалам древнерусского Серенска)	34
Рапопорт П. А. Ориентация древнерусских церквей	43

Публикации

Сергеева Э. М. Раскопки курганов на Друцком волоке	49
Юшко А. А. Курганы у с. Высокино на р. Вазузе	53
Павлова К. В. Могильники у деревень Мольнич и Сулятичи	59
Лебедев Г. С. Длинные курганы Верхнего Полужья	69
Горюнова В. М. Новое в исследовании «Городка» на Ловати	74
Алексеев Л. В. Древний Ростиславль	81
Гуревич Ф. Д. Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка	93
Никитин А. В. Городище и могильник у дер. Крестцы	100
Кирпичников А. Н., Петренко В. П. Тиверский городок (К вопросу изучения древностей Русской Карелии)	106
Овсянников О. В. Каменный кремль XIV в. в низовьях Северной Двины	114
Баниге В. С., Милорадович А. Н. Памятник казанской победе в Ростове	118

Хроника

Полубояринова М. Д. Сектор славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1972 г.	127
Назаренко В. А. Группа славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР в 1971—1972 гг.	131
Список сокращений	133

Славяно-русская археология

КСИА, вып. 139

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР*

Редактор Н. А. Членова
Редактор издательства Л. С. Кручинина
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Н. Н. Плохова

Сдано в набор 28/VIII 1973 г. Подписано к печати 25/I 1974 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 11,9.
Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 2000. Т-01936. Тип. зак. № 556

Цена 70 коп.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12